

Свидетельства воинов о помощи Божьей на войне

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Лучшая духовно-патриотическая книга
VII
конкурс
ПРОСВЕЩЕНИЕ
ЧЕРЕЗ КНИГУ

серия
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ
ОТЕЧЕСТВО

Книга серии
«Они защищали Отечество»

С.Г. ГАЛИЦКИЙ

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Санкт-Петербург
Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ»
2015

УДК 372.893
ББК 94

Автор С.Г. Галицкий
Художник М.А. Луговой
Редактор М.Г. Крашенникова

Книга «Из смерти в жизнь...». Часть 1
Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви
№ Р15-419-1685

Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ» представляют книгу «Из смерти в жизнь...» серии «Они защищали Отечество». Она открывает читателю неизвестные ранее примеры верности Христу Спасителю российских воинов – наших современников. Правдивые рассказы непосредственных участников боевых действий в Афганистане и на Кавказе ярко свидетельствуют, что вековые традиции христолюбивого русского воинства живы и поныне.

В этой книге читатели впервые познакомятся с уникальными свидетельствами о помощи Божией нашим воинам в реальных боевых ситуациях в Афганистане и на Кавказе. О своём личном опыте от первого лица рассказывают заслуженные офицеры Вооружённых сил Советского Союза и России: Герой России полковник ВДВ Г.В. Анашкин, Герой России майор МВД И.С. Задорожный, кавалер ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды и ордена Мужества полковник медицинской службы В.О. Сидельников, кавалер двух орденов Красной Звезды полковник ВДВ В.В. Осипенко, кавалер ордена Красной Звезды и двух орденов Мужества, легендарный лётчик армейской авиации полковник В.А. Господ, кавалер ордена Мужества подполковник морской пехоты А.М. Лебедев, кавалер ордена Мужества военный священник Димитрий Василенков и другие.

Фотография на первой странице обложки из фондов Музея ВДВ

ISBN 978-5-904376-03-1

Отпечатано типографией ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 38
Телефон: (812) 677-31-19
Тираж 2 000 экз.

Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ»
Телефон: (812) 340-00-16 (многоканальный)
Факс: (812) 340-55-73
Электронная почта: Info@ZaOtechestvo.ru
Интернет: они-защищали-отечество.рф
Блог: Blog.ZaOtechestvo.ru
Твиттер: @GalsSPb

«Не в силе Бог, а в правде!»

Святой благоверный князь
Александр Невский

Сейчас в это трудно поверить, но даже в советской стране тотального атеизма офицеры-спецназовцы провозили через границу с Афганистаном православные крестики в самом надёжном месте – в партбилете. А вертолётчики зашивали иконки в воротники лётных комбинезонов. В критических ситуациях многие из них обращались к Богу с молитвами и получали Его благодатную помощь. А во время двух чеченских военных кампаний и пятидневной войны в Южной Осетии сотни российских солдат и офицеров приняли Святое Крещение прямо на позициях. В местах временной дислокации руками самих бойцов, часто из подручных материалов, возведены десятки православных часовен и храмов. И многие командиры, отдав боевой приказ, затем благословляли уходящие на задание группы спецназа.

До сих пор в войсках из уст в уста передаются рассказы непосредственных участников боевых действий о чудесном спасении из абсолютно безнадёжных, с точки зрения канонов военной науки, ситуаций. Настало время собрать эти бесценные свидетельства заступничества Божьего и донести до тех, кто в них больше всего нуждается. И я верю и надеюсь, что каждый прочитавший эту книгу в критический момент вспомнит свидетельства своих ровесников о помощи Божьей в бою, обратится к Нему с молитвой и получит от Господа и Бога нашего Иисуса Христа благодатную помощь.

Сергей Галицкий

ОГЛАВЛЕНИЕ

Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ»
выражает сердечную благодарность
адвокатской фирме «Юстина» и Н.К. Каримову
за помощь в подготовке рукописи этого сборника

«НА ВОЙНЕ ГЛАВНАЯ НАГРАДА – ЭТО ЖИЗНЬ...»

Войны без потерь не бывает. Но мы должны вечно помнить, прежде всего, тех офицеров-десантников, для которых в самых ожесточённых боях жизнь каждого бойца была такой же ценной, как своя собственная. Эти командиры, первыми влезая в самое жуткое пекло, последними садились в вертолёты при эвакуации, с замиранием сердца считая бойцов перед взлётом: все или не все?.. И отказывались улетать, если кого-то недосчитались. И искали, и находили – живыми или мёртвыми... Такие офицеры успех боевой работы всегда оценивали по формуле: «Задачу выполнил, бойцов сберёг». Именно о таком офицере ВДВ этот рассказ.

Полковник Владимир Васильевич Осипенко родился в городе Житомире. Закончил Киевское суворовское военное училище, Рязанское воздушно-десантное училище и Академию им. М.В. Фрунзе. После окончания училища проходил службу в полковой разведроте 7-й дивизии ВДВ в городе Алитусе (Литва). В феврале 1984 года в должности начальника штаба батальона прибыл в Афганистан в 357-й паршютно-десантный полк 103-й воздушно-десантной дивизии. Через полтора года был назначен командиром батальона 317-го парашютно-десантного полка. Командовал гарнизоном в Шахджое. Заменился в июне 1986 года.

По окончании обучения в Академии им. М.В. Фрунзе вернулся на службу в 103-ю дивизию ВДВ на должность начальника штаба 317-го полка, затем командовал 357-м полком.

После развала Советского Союза полковник В.В. Осипенко год отслужил в Белорусской армии. Но когда речь зашла о белорусской присяге, принимать её отказался и отбыл в распоряжение Командующего ВДВ России. Был назначен командиром 36-й отдельной воздушно-десантной бригады, расположенной в посёлке Гарболово под Санкт-Петербургом, в 1996 году назначен заместителем командира 98-й воздушно-десантной дивизии (г. Иваново). После этого полтора года участвовал в миротворческой миссии ООН в Восточной Славонии (область на востоке Хорватии).

Награждён двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими государственными наградами, включая награды иностранных государств за участие в миротворческих операциях ООН.

В 1999 году уволился в запас. В настоящее время возглавляет «Союз ветеранов ВДВ Санкт-Петербурга».

Рассказывает полковник Владимир Васильевич Осипенко:

— Я спрыгнул с брони, и тут же килограммов по пять афганской грязюки, состоящей из скользкой глины, прилипли к каждому из резиновых сапог. Как ни берёгся, но сам с ног до головы тоже был в грязи. Даже автомат, который я держал на коленях и прикрывал собой, оказался заляпанным. Ехали долго, замёрз, как собака. Голова шумит…

Командир инженерно-сапёрного взвода встретил меня и с места в карьер стал меня «грузить»: «На заставе происшествий не случилось. Разрешите вопрос?». — «Что надо?». — «Разрешите камень взорвать? Механики задолбались о него днищем стучать. Комбат убрать приказал, а мы, сколько ни роем, а камень всё больше становится». — «Давайте, только аккуратно. Когда комбат вернётся?».

Слушая его ответ, я в то же время старался скребком содрать грязь с сапог. Наклонился — и тут меня повело. Что-то не так… В предбаннике штаба, пока раздевался, столкнулся с «доком». «Что-то вид у тебя не очень. Глаза, как у кролика. Как себя чувствуешь?». — «Спасибо, хреново». — «Ещё бы не хреново: тридцать девять и четыре!» — констатировал он через пять минут, измерив температуру.

В штабе чисто и натоплено. Я же, напялив на себя всё, что можно, и укрывшись одеялом, трясся всем телом от холода и громко стучал зубами. Через пятнадцать минут, наоборот, мне становилось жарко, градом ка-

тил пот, и хотелось раздеться. Док принёс трёхлитровую банку какого-то пойла на основе чая, аскорбинки и ещё какой-то гадости и велел пить. А что мне оставалось?..

В каком-то полузабытье я всё-таки про себя отметил, что сапёры третий час не могут справиться с камнем. «Это уже не сапёры, — просветил меня писарь, — это «духи» обстреливают». — «Из чего?!». — «Да никак не поймём, вроде мины, а крыльчатки нет».

«Духи» и есть «духи», что с них взять», — вяло подумал я и снова впал в полузабытье. Мозг урывками фиксировал изменения вокруг: стемнело, приехал комбат, зовут ужинать, не хочется... Я очередной раз приложился к банке и зарылся с головой под одеяло: опять начинал бить озноб.

Проснулся посреди ночи. Жутко не хотелось вылезать из постели, но терпеть было уже невмоготу. Одел тулуп, валенки и потрусил по вымощенной камнями дорожке до «заведения». Подморозило. Ни ветерка и звёзды громадные. Только пристроился — над головой свист, и тут же разрывы внутри заставы!.. С секундной паузой ещё три или четыре... Да что же это такое!? Не дай Бог меня здесь накроет, позорище... У нас тут яма для стрельбы стоя с лошади, наполовину заполненная.

За дувалом слышу гвалт и ругань. И зарево какое-то. Наконец закончив, потрусил обратно. Застава внутри горит. Красиво так! Горят дорожки, крыши, деревья, глиняные стены, грязь и даже снег. По всей заставе горел фосфор, разбросанный щедрой, но не

доброй рукой. А по-настоящему горел только штаб. Все его обитатели во главе с комбатом скачут в неглиже вокруг и орут благим матом на общую тему: «Пожар! Спасай добро!». У комбата в руках почему-то моя банка. Я ещё туго соображал, поэтому остановился и смотрел на эту вакханалию со стороны. Вдруг все прекратили гвалт и с изумлением уставились на меня. Общее мнение выразил комбат: — «Ну, ты, Васильич, даёшь! Снаряд же попал тебе в кровать! Я тебя уже грешным делом... Как успел выскочить? Да ещё и одеться!..». — «Так усиленные тренировки и умище...».

Договорить мне не дали. Комбат запустил в меня моей же банкой и бросился спасать, что уцелело.

Когда удалось выбросить через окно весь фосфор, горящие постели и погасить пламя, увидели, что произошло. Три снаряда попали в нежилые постройки и на землю, а один — в дувал, к которому был пристроен штаб. Рикошетом от него снаряд пробил крышу, сделанную из снарядных ящиков и двадцатисантиметрового слоя глины, и влетел мне в кровать. Так что почти всё железо оказалось в ней. Кроме взрывателя. Он какимто чудом оказался под подушкой у комбата — его кровать рядом. Хотя было 13 февраля, нам всем и особенно мне в ту ночь несказанно повезло: ни до, ни после этого случая я по нужде ночью не вставал, да нужно же было встать именно в эти три минуты!.. Вот тогда-то впервые прозвучали слова — реактивные снаряды...

«По вам работала реактивная установка. Найти и захватить! Кто захватит, представлю к «Герою». Иначе комбат и вы, начальник штаба, пойдёте под трибунал». Комдив, генерал Ярыгин, был лаконичен до безобразия. Нет, он ещё добавил, что мы бездельники, что «духи» у нас под носом табунами ходят и что если хотя бы один снаряд, не дай Боже, попадёт на аэродром... Но это уже детали.

Сидим с комбатом, Очеретяным Геннадием Васильевичем, морщим репы. Что это за такая реактивная установка? Маленькая «катюша», что ли? Как она выглядит, какие характеристики, откуда взялась и, самое главное, где её искать?

Что ещё жутко нам обоим не понравилось — так это та точность, с которой работала установка. С дальности никак не меньше двенадцати километров она умудрилась положить четыре снаряда в квадрат тридцать на тридцать метров. Рядом жилой кишлак, дувалы царандоя (афганская армия. — Ред.) и ХАДовцев (афганская контрразведка. — Ред.), но туда почему-то не попал ни один снаряд! Это не похоже на работу малограмотных «душков». Работал специалист.

Однако мы не угадали. Нет, не в смысле «специалист», а в смысле «работал» в прошедшем времени. По причине экстренной ликвидации последствий ночного пожара сидели мы с комбатом во дворе на солнышке и разговаривали, завернувшись в тулупы. Он был под впечатлением разговора с комдивом, а я потихоньку отходил от вчерашнего. Тихо, спокойно, солнышко пригревает.

Застава занималась повседневными делами. Прямо перед нами метрах в двадцати часовой бродил по дувалу, переходя от одной башни к другой. Вдруг знакомый уже короткий свист, грохот, пламя, дым и столб пыли. Когда пыль осела, башни как ни бывало. Просто как корова языком слизала...

«Тревога! Налёт! В укрытия!». Один за другим ещё два разрыва в районе окопов бронетехники, где трудились ремонтники во главе с зампотехом Лазаренко Виктором Павловичем. Вбегают внутрь заставы – все в копоти, грязи, с глазами по пятаку. Возбуждённые, перепуганные и радостные одновременно. Разрыв стодвадцатимиллиметрового снаряда в паре метров впечатлит кого угодно!

Комбат орёт: «Часово-о-о-ой!!!». Тот выглядывает с противоположной башни. Из-под каски смотрят два огромных, как у тельной коровы, немигающих глаза. «Зде-е-есь!». – «Живой?». – «Так точно!». – «Молодец!».

Все инстинктивно прижались спинами к дувалу, противоположному уничтоженной башне. Ну, что дальше? А дальше тишина...

Я просто физически ощутил, как с меня содрали кожу. Теперь не мы, а «духи» в любой момент могут смешать нас с кровью и грязью. По лицам бойцов понял, что думают они о том же. Застава перестала быть местом, где можно расслабиться и почувствовать себя в относительной безопасности. Дальше соображалось гораздо быстрей и чётче: «Офицеров ко мне! Личному составу проверить результаты обстрела! Построение под восточной стеной!».

Старшина принёс автоматический гранатомёт АГС-17, стоявший на разрушенной башне. Этот кусок железа ремонту не подлежал! Хорошенькое дело! Легковесное, пренебрежительное отношение к обстрелам моментально куда-то испарилось. То, что многократно доводилось видеть в кино и слышать от других, произошло прямо на наших глазах и в любой момент может повториться! Надо что-то делать.

Закрутилась нормальная боевая работа. Первым делом уточнили боевой расчёт на время обстрела. Каждому определили свою роль и место. Для тех, кто не имел места на позициях, вырыли блиндаж. Назначили наблюдателей и установили дополнительные сигналы оповещения. Определили потенциально опасные места и запретили там сбор личного состава. И так далее, и тому подобное…

Меня комбат от повседневной рутины освободил. Задача одна: отобрать и подготовить группу для поиска установки. Кого надо, с дальних застав перебросить на нашу, с ближних — собирать каждый день на занятия. Взять только добровольцев, без молодых. «Поведёшь лично». — «Спасибо за доверие!». — «На здоровье!».

Началось…

На всех заставах у бойцов один вопрос: «Кто поведёт?». Когда узнавали, дружно делали шаг вперёд. Это грело душу, но не спасало шагнувших вперёд от жесточайших ежедневных занятий по восемь-десять часов в день со всё возрастающими нагрузками.

За пару недель из вальяжных, накачанных заставных «десантов» мне нужно было подготовить полсотни поджарых и выносливых, как мулы, бойцов. Сначала в горку со стандартным комплектом, потом с миномётной плитой, потом то же и один «раненый» на троих, и только после этого — на огневой рубеж, если уложился в норматив. «Сдулся» каждый второй. Без комментариев их отправили назад на заставы. Причём «дед» или «годок» — параллельно...

Из оставшихся сформировали группы и провели слаживание. С каждой роты получилось по взводу. За три недели бойцы притёрлись, подсохли, настрелялись и набегались по горам досыта, готовы были к любым нагрузкам и с нетерпением ждали, когда закончится это издевательство и начнётся боевая работа.

А в это время комбат раскручивал местных. За год он уже знал, «кто кого дружит» и кого ненавидит, короче, кто про кого скажет правду, а кто соврёт. Ездил в гости, приглашал к себе, потратил все запасы водки, и из потока информации выкристаллизовался район поиска. Пачехак... Укреплённый «духовский» район. Ветераны батальона и полка рассказывали про него с уважением. При этом вспоминали о тюрьме, о французском госпитале в горах и даже о безуспешной операции дивизии в том районе.

Мы пару раз заскакивали туда, но коротенько, по-быстрому — прихлопнуть охранение, взять трофеи и назад. С последнего поиска прошло полгода. Дворников, командир

9-й роты, тогда на перевале взял тёплыми караул из двадцати двух «духов» и завалил Фаиза Мамата, который с группой бросился им на выручку. Охранению это не помогло, а сам он нарвался на пулю. Шороху было до самого Пешавара! Нам передали текст радиоперехвата, где оставшимся в живых командирам была дана неделя на то, чтобы «стереть с лица земли» нашу заставу. В противном случае им обещали отрезать головы. Вот это стимул! Но не получилось «их теляти нашего волка съести». Мы ту неделю провели в окопах вокруг заставы, заливая огнём все вероятные подступы. Так что Пачехак — это было серьёзно. Зуб на нас они имели ещё тот! Так что предстоящая встреча с «духами» сулит нам много интересного.

Про Фаиза Мамата разговор отдельный. Потомственный военный. Выпускник какого-то западного престижного колледжа, он закончил и спецфак Рязанского воздушно-десантного училища!!! Почти в те же годы, что я! У «духов» — легендарный командир. Грамотный, дерзкий и по-азиатски коварный. Имел несколько успешных рейдов. Славянской крови пролил немало. В новогоднюю ночь обобрал кишлак, в котором размещалась наша застава! Знал, сучий потрох, что в эту ночь с застав никто в засады не уйдёт! Под наш новогодний салют унёс более миллиона афганей. Ну, разве не молодец!? Кто его, интересно, замещает?

Информацию собирали по крупицам. Я присутствовал при одном разговоре, когда сразу после очередного обстрела к нам при-

шёл Маланг, командир афганского батальона «коммандос». Звучит грозно, а на самом деле бывший бандит (если бандиты бывшими бывают), который воевал ещё с Амином, потом с Бабраком, а после того как наши его в горах зажали, сдался и сразу заделался большим начальником местного значения. Связи с «духами» не терял никогда, держал их в курсе наших дел и сейчас (уверен на сто процентов!) пришёл узнать результаты обстрела. Мы ему честно сказали, что обстреляли нас из «непоймичего», никого даже не поцарапало, и неизвестные уроды, которые только башню попортили, могут дальше не напрягаться... Маланг, у которого во лбу было полтора стакана «кишмишовки», завёлся: «Это работала реактивная установка. Только доставили из Пешавара... Пришёл новый отряд после подготовки. Экипирован и вооружён как никогда... Триста моджахедов... Получают доллары... Десять ДШК... Четыре безоткатки... Скоро покажут себя... Пока Пачехак, потом Имишли...».

Я слушал и отчётливо понимал: не врёт, зараза. На этот раз не врёт. Даже если делить пополам, получается некисло. Поэтому готовиться надо не на прогулку и не к тёще на блины. Эти никакой ошибки не простят.

Пока бойцы сбивали в кровь спины и рвали х/б на локтях и коленях, я всё больше изучал карты да аэрофотоснимки, составлял таблицы да продумывал варианты развития событий. Потом прокачивал их с командирами групп. Лишь в самом конце проверил бой и почистил свой автомат, лично снарядил

магазины, проверил гранаты. Не барское это дело, но кто его знает, как всё повернётся. Провёл смотр и с чистой совестью доложил комбату о готовности.

Всё это время «духи» нас регулярно обстреливали. Настолько регулярно, что мы вычислили закономерность. Наша долина, как огромная аэродинамическая труба, постоянно продувалась. С утра в одну сторону, после обеда в другую. В момент получасового затишья «духи» нас и долбили. В этот момент все старались не шуметь, найти работу в окопе или блиндаже, внутри брони или быть ближе к восточному дувалу. Самое лучшее вообще быть подальше от заставы. В миг свиста все, как подрубленные, забивались в щели. Когда «духи» затягивали с обстрелом, даже зло брало — скорей бы уж! В один из таких моментов боец свистнул, получилось очень похоже. Естественно — кто куда!.. А взрыва нет... Только ехидненький смешок. Ещё бы, не каждый день по твоей воле комбат с начальником штаба ныряют фейсом в грязь. Пока я поднимался, ему уже кто-то «впечатал» этот смешок обратно в рожу. Вот грубые нравы, не оценили тонкий военный юмор!

Ещё затишье бывало ночью. Никто виду не подавал, ложились спать как обычно, но мне свежая заплата из досок над головой не давала полностью расслабиться. И даже окопные истины про снаряд, не падающий в одну и ту же воронку, и про того, кому суждено быть повешенным... помогали слабо.

Когда духи замолкали на несколько дней, мы начинали беспокоиться, не сменили ли

они район. И в следующий налёт вздыхали с облегчением: слава Богу, на месте.

Наконец накануне афганского Нового Года получено добро комдива. Он с парой батальонов закрутил реализацию в нашем секторе, но в стороне от Пачехака и ущелья Бара-Авдар. Там канонада, постоянно летает авиация. Мы же вели себя тихо, как церковные бабушки во время молебна. Последние дни с заставы регулярно уходили «ленточки» с личным составом на броне, а возвращались пустыми, хотя на самом деле всё было с точностью до наоборот. Просто возвращалась броня с бойцами внутри и разгружалась уже в окопах под маскировочной сетью. За пределы дувала — ни ногой, внутри крепости-заставы тихо и никого чужого. Накануне проверились, пообедали и спать.

Встали. Вместо ужина сладкий чай, больше ничего в рот не полезло. Оделись, попрыгали. Проблема номер один — уйти с заставы незамеченными. ХАДовцы и царандой привыкли, что бойцы вечером табуном на горшок ходят, вот и сейчас все вроде бы туда. А на самом деле на мягких лапах мимо — и в заминированную промоину. Там по проделанному проходу — в противоположную сторону от реальной цели. Нарезали кружок километров десять и только после этого, разделившись, подошли к хребту, каждый к своей точке подъёма. Важно не ошибиться. А ночь — хоть глаз выколи. С одной стороны, здорово, с другой — ничего не стоит заблудиться. Хоть какой бы ориентир!

Только начали подъём, слышу: зовут. Подхожу, боец держится за живот и расска-

зывает про больные почки. Присматриваюсь – «Кротяра» (сапёр. – Ред.)! Деловой, косил от занятий: мол, в «ленточку» некому без него сходить. Конечно, на броне трястись лучше, чем скакать по горам. Одного не оставишь. Потеряется – сам себе не прощу, да и голову откусят. А если с ним оставлять офицера, то как же выполнять задачи наверху?.. Такая злость меня взяла на его сопли, что врезал ему по роже, только шапка полетела: «Тебя кто сюда тащил? Сам напросился? Освобождения не будет! Раздевайся! Ещё раз присядешь, лично задушу!».

Я забрал его автомат, разведчик взял РД (рюкзак десантника. – Ред.). Тут снизу поднимается писарь – с размаха надел «Кроту» шапку на голову и говорит: «Ты шапку потерял, смотри, больше не теряй...». Многообещающе так сказал.

Дальше пошли молча. Только иногда чей-то шёпот. Подъём оказался тяжелее, чем я ожидал. Идём вне троп. Подняться надо на километр. На горбу по тридцать-сорок килограммов. Со всем этим добром легко можно ухнуться вниз, если неправильно поставишь ногу. Иногда движение, как по спине дракона или перевёрнутой расчёске: справа-слева обрыв. Около нуля, но под «броником» всё клокочет и парит. Пот выедает глаза. Останавливаться нельзя. Не успеем до рассвета – «духи» здесь и «упакуют». Сереет. Да когда же конец!? Сердце клокочет уже где-то в горле и отдаётся в висках. Перед глазами всё плывёт. В ботинки кто-то горячей золы насыпал. Если за этим камнем не

будет вершины хребта, упаду и сдохну. Падать не стал, но привалился спиной к камню и ртом хватаю воздух. За мной держатся только писарь, связист и пара разведчиков. Остальные отстали.

Наконец подъём неожиданно закончился. С той стороны потянуло сладковатым дымком и послышался собачий брех. Отлично, ветер на нас, значит учуять не должны. В предутреннем сумраке различаю далёкие очертания Пачехака и ближе, в полутора-двух километрах, — «духовского» лагеря. Неожиданно быстро вместе со всеми выполз «Крот»: «Товарищ майор, отдайте автомат». Не до разборов. — «На, бери и дуй на своё место!».

Дальше всё по нашему сценарию: одна группа на перевал, две другие по хребту охватывают «духовский» лагерь. Быстро светает, и разведка не успевает прихватить их охранение. Взять тёплыми, без стрельбы, на этот раз не получилось. Не дошли метров двести. Как потом оказалось, очень удачно: непосредственные подступы к перевалу — это одно сплошное минное поле. Разведка залегла прямо перед ним. Поднявший тревогу «дух» тут же поймал пулю, но с позиции охранения моментально огрызнулись несколько автоматов. Завязалась ожесточённая перестрелка. Из ожившего лагеря «духи» довольно точно открыли огонь из безоткаток и ДШК (безоткатное орудие и крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва—Шпагина. — Ред.). Видно, что работают по пристрелянным ориентирам. Разведчики, попавшие под перекрёстный огонь, забились под камни

и головы не могут поднять. Режим радиомолчания закончен. Прошу доложить обстановку. Все поднялись без потерь.

Закрепились на хребте, к бою готовы. Видя только разведчиков и не зная об остальных, «духи» решили обойти их с двух сторон и положить всех на перевале. Довольно организованно две группы человек по тридцать-сорок резво стали подниматься на позиции взводов 7-й и 9-й роты. Даю команду не спешить с открытием огня, а сам запрашиваю о готовности артиллерии соседней заставы. Свои миномёты подождут. «Грузи чужого коня», — говаривал один умный артиллерист, и я загрузил. Дымовые легли точно в цель. И пожалел, что сразу не дали залп осколочно-фугасными. Почти одновременно с флангов ударили из стрелкового. Ухо радуют чёткие, короткие в два патрона очереди с нашей стороны. Значит, работают без паники. Тогда я за них спокоен. Чего-чего, а в огневом контакте мои кому угодно фору дадут. Да и преимущество в высоте чего-то стоит. «Духовские» миномёты успели выплюнуть по паре мин, как их накрыл залп наших «нон». Безоткатки заткнулись ещё раньше, а ДШК никак не угомонятся. «Как «грачи?» — спрашиваю у авианаводчика. «Заправляют, скоро будут». — «Поторопи!».

Вышел на связь комбат: «Радиообмен слышал. Держись. На подходе дивизионная батарея залпового огня. Готовь задачи».

Тут меня жадность и подвела. «Ща, — думаю, — я ваши ДШК заткну». Даю координаты цели и наблюдаю солидный

перелёт. — «Ближе четыреста!!!». Опять перелёт. «Ещё ближе четыреста!!!». Следующий залп пришёлся прямо по хребту в районе перевала, где залегла разведка.

«У…у…у…» — это было первое, что сказал в эфир батальонный разведчик Иван Лусевич, но для меня это всё равно прозвучало, как песня. «Ураган», стой! Прекратить огонь!!! Вы что там, на огневой, совсем охренели?!!» — это я артиллеристам и совсем не по уставу: — «Ваня, ты как?». Пока он молчал, я чувствовал, как у меня по позвоночнику стекает струйка пота. Наконец: «Вроде целы, но оглохли… Мало того, что «духи» с двух сторон, так ещё и свои с тыла!!! Короче, больше такой «поддержки» не надо».

А ДШК, как будто издеваясь, опять забубнили по перевалу. Достали!.. «На подходе пара «грачей», — наконец доложил авианаводчик.

«Душки» в лагере, чувствуя недосягаемость нашего стрелкового, вели себя достаточно вольготно. Во всяком случае, передвигались в полный рост. Пара штурмовиков отработала красиво. Сначала две «капли» долго висели в воздухе, а потом, соприкоснувшись с землёй, смешали в кучу людей, железо и камни. Второй повторил маневр ведущего, но положил бомбы немного в сторону. Вслед выходящему из пике ведомому ушли две трассы ЗГУ (зенитная установка. — Ред.). К ним у «пернатых» особая любовь, поэтому во втором заходе они отвели душу НУРСами. Непривычно наблюдать за полётом СУ-25 сверху вниз. Когда рассеялся

дым, ЗГУ замолкли, а ДШК с ещё большим остервенением ударили по перевалу. А потом вдруг словно поперхнулись на полуслове. Секунд через тридцать рявкнули ещё раз и… синхронно замолкли окончательно.

Позже я узнал, что под шумок артиллерийского и авиационного налёта два брата-акробата, старшие лейтенанты Миронов и Сидоренко, спустились с перевала и подобрались к укрепрайону на прицельную дальность. Только «душок» на гашетку — а тут выстрел из СВД. Наводчик с дыркой во лбу и сел. Подскакивает другой — та же картина. Больше желающих не нашлось. Эта пара подействовала на «духов» гораздо сильнее артиллерии и авиации. Позабивались они в щели и молчат. Высматривают. Иногда появляются, но мечутся перебежками, как помойные коты. Зауважали, блин…

С флангов доложили, что «духи», подобрав убитых и раненых, отходят. У нас все целы. Разведка выскочила из-под огня, посечённая камнями, — оглохшая, но живая. Одному досталось даже пуля от ДШК — то ли рикошетом, то ли на излёте. Но жив, «курилка»! Рюкзак и «броник» сделали своё дело. Когда я его увидел через неделю, синяк у него так и оставался во всю спину — тазиком не закроешь!

«Осмотреться, закрепиться, перезарядиться…». «Духи» шуршат за обратными скатами своей горушки, куда не достаёт артиллерия. Стаскивают туда раненых и убитых. Даю команду разведчикам проверить. Для себя понимаю: главное не дать им увести реак-

тивную установку. Но никто из наших её на «духовских» позициях не видел. Может, её уже здесь нет? Об этом не хотелось думать. И ещё понимаю: если «духи» продержатся до темноты, то ночью уйдут и унесут всё тяжёлое оружие. Этого допустить нельзя.

Даю команду готовить «Лавину». Это не «ура!» в одну шеренгу (держи интервал и равнение!), а передвижение попарно от укрытия к укрытию: один бежит, другой страхует. Благо всё было отработано внизу и никому не надо ничего объяснять. Оставив на хребте тяжёлое вооружение и небольшое прикрытие, группы стали спускаться вниз, сжимая кольцо вокруг укрепрайона с трёх сторон. Для отхода оставлен один проход, но и он — сюрприз! — перехвачен двумя РПК и огнём миномётов.

«Душки» оценили всё правильно и рванули, куда надо. Наконец миномётчики дождались своего часа. Невольно залюбовался работой наводчиков. Практически первыми минами они накрывали то одну, то другую отходящие группы «духов». Да и пулемётчики разгрузились прилично. Проскочили лишь самые наглые, которые вплотную прижались к нашему хребту и, попав в мёртвую для нас зону, сумели уйти.

Какой-то час — и всё кончено. Укрепрайон наш. Командиры доложили, что все живы. Глянул на часы. Ого, время далеко за обед, а я со вчерашнего... Вдруг понял, как я хочу... не есть, а именно жрать! Нервы, что ли? Пока мой товарищ «Ататиныч» открывал банки, я доложил комбату. Неожиданно на

нашей частоте появился «Памир». По голосу узнал комдива. Стал докладывать, а он мне в лоб: «Докер», установку взял?». — «Никак нет». — «Так чем ты там занимаешься?». — «Ем». — «Ты что туда — пожрать пошёл!? Я тебя…».

Ну, вот и поел… Галета с холодной кашей застряла в глотке. Проглотил кое-как, встал, прошу «Ататиныча» посидеть на связи, а сам решил размяться. Точнее, просто не хотелось сидеть перед солдатом-связистом как оплёванному, он же всё слышал, хотя старательно делает вид, что ему никакого дела нет.

Спускаюсь к перевалу. Быстро смеркается. Интересные ямки-лунки вдоль тропинки. Вдруг вижу: дух сидит в окопе. Как он здесь уцелел после разведки? Тихо так сидит, не шевелится. Я автомат в его сторону, дёрнется — положу. Медленно к нему. Вдруг меня как током от пятки до темени: нога зацепила растяжку. Опускаю глаза: мина-американка склонилась на бок, чека наполовину выскочила, держится на сопле. Понимаю, что упасть не успею, у этой сволочи нет времени замедления. Стою, как парковая скульптура, только без диска и весла, боюсь дышать, не то что шелохнуться.

— «Крот!». — Голос пропал, из груди вырвался какой-то сип. Появился писарь. «Отойди, — говорю, — позови «Крота».

Тот подошёл, присел рядом и разобрался с миной, как повар с котлетой. Вставил чеку, сунул её в сумку и стоит, сматывает проволоку от растяжки. Что-то бормочет себе под нос. «Спасибо, — говорю, — и прости, братан,

за вчерашнее». – «Ладно, проехали. Всё нормально, я бы сам не поднялся... По перевалу всё заминировано, осторожнее. А в окопе там муляж, мы его давно рассмотрели. Правда, похож?». – «Что-о-о?!.». До меня, наконец, дошло: «Урод, скотина безрогая!!!». – Боец вопросительно посмотрел на меня и на всякий случай попятился. – «Не волнуйся, это я про себя».

Смотрю: два «туфа» от выстрелов к безоткатке связаны крестом, на горизонтальный одет френч, вместо головы мешочек с нарисованными глазами, сверху чалма. Подскочил, двинул его ногой так, что голова покатилась по перевалу, и... успокоился. Почти бегом назад к радиостанции: «Всем до утра оставаться на месте! Организовать охранение! Никакого огня и курения!». Командиры и так всё знают, но я разгрузился и... полегчало.

...Ощутимо стало холодать. Зарядил противный пронизывающий дождь, который вскоре перешёл в мокрый снег. Я попросил «Ататиныча» разбудить в два часа, бросил на камни бронежилет и накрылся сверху плащпалаткой. Через тридцать секунд уже спал. Правда, во сне продолжил командовать и спасаться от мин. Проснулся от собачьего холода. Вскочил, под ногами захрустел снег. Значит, мороз. Как бы не поморозить бойцов, особо-то никто не утеплялся. Но наш боец, вооружённый сухим пайком, непобедим. Никто и не собирался замерзать, а разведчики вообще нагло доложили, что им в «духовском» блиндаже на спальниках и под

одеялами даже жарко. Я же раз пятьсот отжался и поприседал и… с радостью встретил рассвет. Облака ушли, выглянуло солнце, и через полчаса я забыл про ночной собачий холод.

Спустился к разведчикам и приступил к сбору трофеев. Безоткатки, ДШК, миномёты, мины и боеприпасы больших эмоций не вызывали. Железо и есть железо. А вот карты под плёнкой вызывали профессиональное уважение. Ты её хоть стирай, а ей хоть бы хны. Новенькие американские спутниковые радиостанции в заводской упаковке. В комплекте «динамо» — крути педали и получай ровно двенадцать вольт. Не надо никаких аккумуляторов с их извечной проблемой подзарядки. Японские панорамные бинокли с осветлённой оптикой, спальники на гагачьем пуху, фонари, коробки с батарейками и прочая, и прочая… Однако ничего по-настоящему душу не грело. В другой раз от десятой доли такого «результата» скакал бы на одной ножке, но сейчас меня интересовала только установка. И ладно бы только меня…

На одной трофейной карте обнаружил какие-то непонятные значки. Доложил комбату. Тот — в дивизию. «Встречайте гостей», — перезванивает комбат. И точно, идёт вертушка. Присела — из неё выскочили двое: начальник ХАДа Кабула, а с ним «душок» с автоматом и одеялом. Посмотрели они на карты и одну забрали. А на другой, говорят, обозначены склады. Вот их вам наш активист покажет. — «Если это склады, то карты

и мы читать умеем, зачем показывать?». Но ХАДовец упёрся: «Пусть остаётся».

Активиста он оставил, а сам улетел, прихватив документацию и кое-что из трофеев. Я этого засранца покормил, показал, где отдыхать, поручил разведчику, а сам занялся своими делами. Только утром следующего дня вспомнил о нём, когда ставил задачи по поиску. А его и след уже простыл. Смылся, урод. Не знаю, то ли контрразведка разыграла свою комбинацию, то ли этот активист только и ждал, как бы поскорее к «духам» смыться. Но я же не пленного охранял, а вроде как союзника. Мало ли что ему надо было за тем камушком...

Осмотрели всё. Но целый день поисков ничего кроме боеприпасов не добавил. Не хотелось даже подходить к радиостанции: что я скажу комбату или, что во сто раз хуже, комдиву. Вроде и оправдываться не за что. Но, по всему выходит, профукал реактивную установку, которая комдиву, отвечающему за безопасность Кабула, как кость в горле. Стояла она на блюдечке с голубой каёмочкой, а я пришёл и профукал.

К вечеру прибыл в моё распоряжение взвод «маланговцев». Командир у них — толковый парень. Дважды проходил подготовку в Пешаваре, постоянно тренируется и бегает с моими бойцами. «Маланговцы» принесли с собой сухие пайки и миноискатели. Разместил их на перевале, предупредил о минах. Не проходит и получаса — взрыв!.. «В чём дело, Аминуло?» — спрашиваю. «Ди-ва-на-а-а (слабоумный — Ред.)», — отвечает спо-

койно так, как будто речь идёт о подорвавшейся курице.

С утра за пару часов миноискатели принесли первый результат — обнаружен склад реактивных снарядов. Склад, конечно, громко сказано, но двадцать снарядов, замотанных в мешковину и зарытых в землю, обнаружить удалось. Уже теплее! Если есть снаряды, значит, должно быть и то, из чего ими стрелять. Собрал офицеров, показал, как «душки» маскируют своё добро. И снова на поиск. До вечера обнаружили ещё три склада. Уже горячо!

Параллельно с нами свой поиск вели и маланговцы. Они обшмонали Пачехак, набили свои пустые мешки всякой дрянью и пригнали на перевал небольшое стадо баранов. Когда, заразы, успели? На войну всё в хвосте, а мародёрить — золотые руки! Второй раз поговорил с Аминуло и предупредил о границах их лагеря, мол, кого обнаружим за его пределами… пусть потом не обижается. Упаси, Боже, от таких союзников!

Ещё день поисков. Ещё два склада реактивных снарядов. На совещании офицеров Миронов предложил посмотреть свежие могилы: «Духи» знают, что мы никогда их не трогаем. Может, воспользовались?». — «Бери сапёров и осторожно…».

Я уже не знал, как буду оправдываться за свою никчемность. И кого убеждать, что сделал всё, что мог? Комбат и так знает, а остальным кроме результата ничего не интересно. Офицеры и бойцы откуда-то прознали про грозящий нам трибунал и в буквальном

смысле рыли землю. Я уже готовился закончить поиск, но прозвучал доклад, как песня, долгожданная и неимоверно дорогая: «Есть установка!!!». — «Не может быть. Тащите сюда!».

Приносят в мешках какие-то трубы, жирно смазанные солидолом или литолом, кто их разберёт. «Что за ерунда? Это реактивная установка?». — «Так точно. Надо только собрать».

Когда собрали и я убедился, что это действительно установка, вышел на связь и доложил комбату. С той стороны не то стон, не то вздох облегчения: «Спасибо, Васильич...». — «На здоровье!» — с удовольствием вернул комбату должок.

Буквально через пять минут он мне сообщает, что к нам за установкой вышла вертушка. «Не верят, что ли?». — «Нет, тут готовят выставку для иностранных журналистов и хотят показать, как империалисты вооружают против нас моджахедов».

Я ещё тангенту (переключатель на рации. — Ред.) не положил, а вертолёт уже мостится одним колесом на нашей горушке. Ё-пэ-рэ-сэ-тэ!!! Собрать-то мы её собрали, а как эта зараза разбирается? Не лезет в собранном виде в вертолёт!!! Угваздались мы все в этом солидоле, как чушки. Наконец разодрали и загрузили. Закинули снаряды, ДШК, миномёты, безоткатки и остальное трофейное добро. Если не будет погоды — не на себе же тащить вниз!

Посмотрели, как натужно вертушка ушла через перевал в сторону Кабула, и вздохну-

ли. Стоим, вытираем руки от смазки. Такое облегчение! У меня с плеч не камень, а гора свалилась и громко так чвякнулась. У бойцов тоже лица радостные. Смеются, толкаются... Мелькнула мысль: как пайки подбросить, то сутки вертушки не дождёшься. А тут гляди, как быстро прилетели! Про жратву не зря вспомнилось: галеты и сухие пайки уже в печёнках сидят.

Смотрю: на перевале у «маланговцев» опять канонада. Но разрывы явно не от снарядов. По минному полю мечется стадо баранов, испуганное вертушкой, и находит приключения на свои курдюки... Пара-тройка уже валяется.

Зато вечером был пир. Аминуло презентовал одного героически погибшего барана, казан и кое-что из приправ. Давал в придачу и повара, но мы отказались. Сами не пальцем деланные. Шурпа получилась... песня! Правда, пару раз чуть зуб не сломал о какие-то железяки в мясе. И каждый раз, выплёвывая осколок, проскакивала мысль, а ведь он мог быть моим... Но разве на такие мелочи обращаешь внимание, когда впервые за пять дней пробуешь горячее?

Утром по тропе на перевал поднялся комбат. Обнялись, как будто год не виделись. Принёс пайки. От себя — супердефицитные консервы. Открыли, да со свежим хлебушком... Вкуснятина! Мы с замполитом мечем, а комбат отчего-то грустный. «Геннадий Васильевич, что случилось?» — спрашиваю. «Вчера в дивизии разговор был, я напомнил про «Героя». А мне говорят — не

выйдет. Ведь у тебя ещё нет наград. Да и поиск вы провели слишком гладко: ни раненых, ни погибших. Какой-то негероический поиск получился. Вот если бы кто-нибудь на амбразуру… или командира собой прикрыл… или ещё лучше сам командир… — тогда другое дело. А так, сказали, чтоб подавал тебя на «Боевое Красное Знамя», всем остальным на ордена и медали — по нашему усмотрению». — «Знаете, Геннадий Васильевич, про трибунал я сразу поверил, а про «Героя» не очень. Бойцы целы? Задачу выполнили? И ладно. Сгодится и «Знамя». И вообще мы тогда так рассуждали: на войне главная награда — это жизнь…

Не знал я, дурачок, что по возвращении буквально через несколько часов ждёт меня «дальняя дорога» (новая реализация) и «казённый дом» (штаб полка), где был порван мой наградной, зато учинён разнос по партийной линии за упущения в службе войск на одной из дальних застав. Даже не упущения, а за преступление. Пока мы занимались установкой, на одной из застав бдительные проверяющие нашли флягу с брагой! Какой ужас!!! Типа, мы тут в парткоме и штабе полка ящиками кровь проливаем, наводим порядок на заставах, а они, бездельники, знай, наградные строчат…

Много чего пришлось мне за это время повидать и пережить. Но один случай не забыть никогда. Однажды, после многодневного рейда в горах, мы вышли, как было приказано, на перевал. Видим — наша дивизия на расстоянии двух километров внизу. Броня,

артиллерия — всё!.. А сообщить им о своём местонахождении не можем — пропала связь, сели батареи на рации! Знаем, что если бы мы не смогли захватить перевал с тыла, то разведке пришлось бы штурмовать перевал в лоб. Но как раз перед этим хребет должны обработать артиллерия и авиация.

Нам надо срочно сообщить нашим, что перевал взят, а рация не работает! Беру радиостанцию, чтобы доложить, нажимаю тангенту и... всё. Умерла радиостанция, аккумулятор сдох окончательно. У командиров групп связь пропала ещё ночью по той же причине. «Паук» (радиотелефонист. — Ред.) хлопает глазами и говорит, что это второй и последний запасный аккумулятор. Вон она, дивизия, внизу. Вон артиллерия на позициях. Если я не смогу взять с тыла, они попрут в лоб, но после авиа- и артподготовки. Оно мне надо?! Да что же это такое! Беру запасный аккумулятор и стучу им о скалу. Подключаю... есть сигнал. Слава Богу! Связист шепчет: «Господи, помоги». Берёт аккумулятор и повторяет процедуру. «Памир» слушает!». — «Я «Докер», перевал наш, перевал наш, подтвердите!». — «Я «Памир», понял, перевал наш, подтверждаю!».

На войне на самом деле атеистов нет...

КОМАНДИР ПОЛКА

Никто в Вооружённых силах СССР и России не командовал боевым вертолётным полком дольше, чем полковник армейской авиации Владимир Алексеевич Господ. Двенадцать лет. А тех событий, которые пришлись на военную судьбу полковника Господа, хватило бы на несколько жизней. На его счету 699 боевых вылетов в Афганистане и 327 вылетов в должности командира сводного вертолётного полка в Чечне. И ещё плюс к этому у полковника Господа – тридцать два захода на аварийный реактор Чернобыльской АЭС в 1986 году в первую неделю после аварии...

Полковник армейской авиации Владимир Алексеевич Господ родился в г. Павлограде. Закончил Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков (1979) и Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (1992).

После окончания училища служил в Южной группе советских войск в Венгрии. С 1984 по 1986 годы в составе 40-й армии находился в Афганистане, был командиром вертолёта и командиром звена. После возвращении из Афганистана в мае 1986 года участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С 1993 по 2004 годы командовал вертолётными полками Дальневосточного и Ленинградского военных округов. В 1995 году находился в командировке в Чечне и командовал сводным транспортно-боевым вертолётным полком. С 2004 года полковник В.А. Господ занимал должность начальника отдела боевой подготовки и боевого применения армейской авиации 6-й армии ВВС и ПВО. В 2008 году уволился в запас.

Лётчик-снайпер. За время службы совершил 699 боевых вылетов в Афганистане и 327 в Чечне, а также 32 захода на аварийный реактор Чернобыльской АЭС в первую неделю после аварии. Награждён орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооружённых силах СССР», двумя орденами Мужества и другими государственными и общественными наградами.

Рассказывает полковник Владимир Алексеевич Господ:

– В марте 1969 года произошёл конфликт с китайцами на границе в районе острова Даманский. До сих пор в памяти остались имена героев-пограничников – капитана В.Д. Бубенина, старшего сержанта Ю.В. Бабанского, старшего лейтенанта И.И. Стрельникова и полковника Д.В. Леонова, начальника пограничного отряда. Всем им было присвоено звание Героя Советского Союза (И.И. Стрельникову и Д.В. Леонову посмертно).

На меня тогда это произвело такое сильное впечатление, что я, мальчишка, загорелся: захотел стать пограничником и задумался о поступлении после школы в пограничное училище.

Помню, я собирал материалы о героях-пограничниках, организовал в нашем далеко не приграничном городе Воронеже отряд «Юные друзья пограничников» и даже написал письмо легендарному пограничнику Герою Советского Союза Н.Ф. Карацупе, попросив его прислать нам свою пограничную фуражку (эта фуражка у меня до сих пор хранится).

И так сложилась судьба, что, будучи уже командиром вертолётного полка, мне удалось побывать на заставе имени старшего лейтенанта И.И. Стрельникова, кумира моих мальчишеских надежд. Именно его застава в 1969 году приняла главный удар китайцев. Интересно, что сын И.И. Стрельникова одно время служил на этой заставе замполитом. (В ходе демаркации границы между СССР

и Китаем в 1991 году остров Даманский отошел к КНР. Ныне он называется Чжэньбаодао. — Ред.)

Но отец после моего окончания школы сказал: будешь лётчиком. (Сам-то он военный лётчик, закончил службу командиром эскадрильи на Камчатке.)

Отца я послушался и поступил в Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков. Его благополучно закончил 20 октября 1979 года с золотой медалью. К этому времени до ввода советских войск в Афганистан оставалось два месяца.

У меня было право выбора места службы, и я выбрал Венгрию. Сначала меня пускать туда не хотели, потому что я не был женат. Но всё-таки золотая медаль сыграла свою роль. (И во всей Венгрии, наверное, я был единственным лётчиком-холостяком.)

Венгрия вместе с Германией, Чехословакией и Польшей считалась передовым рубежом нашей обороны, поэтому в первые годы войны оттуда в Афганистан лётчиков не брали. Самыми первыми в Афган полетели лётчики Среднеазиатского и Туркестанского военных округов. У них были навыки полётов в горно-пустынной местности. Командование считало, что война закончится быстро, поэтому первоначально никакие замены не планировались.

Вот первые лётчики в Афгане по-честному два года и отвоевали. А конца-то войне всё не видно... И осенью 1981 года постепенно пришлось заменять тех, кто вошёл в Афганистан первыми. Но до поры до времени заграницу не трогали.

Только в мае 1984 года к нам в Венгрию приехал полковник Кошелев из Москвы, заместитель начальника армейской авиации. Он сказал: «Я прибыл для того, чтобы отобрать в Венгрии первую эскадрилью, которая пойдёт в Афганистан для замены отдельной 254-й эскадрильи». Эта эскадрилья базировалась на аэродроме в Кундузе и входила в состав 201-й дважды Краснознамённой мотострелковой дивизии. Потом эта дивизия была выведена в Таджикистан, где до сих пор и несёт службу уже под названием 201-й военной базы. Первый орден Красного Знамени дивизия получила за Великую Отечественную, второй – уже за Афганистан.

А в Афганистан в то время отбирали самых лучших лётчиков – только первого и второго класса. В Венгрии уровень боевой подготовки лётчиков тогда был очень высоким. Мы непрерывно летали, постоянно участвовали в учениях.

У меня жена молоденькая совсем, ей тогда всего восемнадцать лет было. В Венгрии, конечно, ей жить очень нравилось. А тут мне надо постоянно ездить в бесконечные командировки и её одну оставлять... Меня всё это очень расстраивало.

Настало время жене рожать. Меня, как назло, опять отправляют на месяц на очередные учения. Я командиру говорю: «Вы меня не отправляйте, у меня жена вот-вот должна родить», а он: «Да ты не волнуйся, езжай, мы тут всё сделаем...». Но я помню, что тогда пошёл на принцип и сказал: «Нет, жену не оставлю». Он: «Да мы тогда тебя с командира экипажа снимем!». Я говорю: «Снимай-

те, мне жена дороже». Кстати, как в воду глядел: жену прихватило ночью, и никто бы ей не помог. А так, слава Богу, дочку родила она благополучно.

Дня три-четыре полковник Кошелев просидел в штабе — изучал наши личные дела. Потом командир полка всех собрал и говорит: «Товарищи офицеры, сейчас до вас будет доведён список лётного и инженерно-технического состава, которому первым от нашего 396-го отдельного гвардейского Волгоградского ордена Красной Звезды вертолётного полка выпала высокая честь выполнять интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан». И все замерли... Мою фамилию назвали сразу. Первым фамилию командира звена капитана М.И. Абдиева, а потом — старшего лётчика капитана Господа... Так что никаких иллюзий!..

Нас собрали уже отдельно и сказали, что не отправят в Афган до тех пор, пока мы не получим квартиры на территории Союза. В Одесском военном округе был аэродром Рауховка, где должно было уже заканчиваться строительство пятиэтажного дома, в котором мы должны были получить обещанные квартиры. И только после получения квартир и переучивания на новую технику — вертолёты МИ-8МТ — мы пойдём в Афганистан.

Сложили вещи в контейнеры и отправили их поездом в Рауховку. Сами вместе с жёнами и детьми на военном самолёте прилетели под Одессу. Но в Рауховке нам сказали, что, хотя дом и построен, но госкомиссией не принят. Оно и понятно. Кто строил-то? Военный стройбат... В результате периметр

фундамента у дома оказался меньше, чем периметр крыши.

Дали три дня отпуска, чтобы мы нашли себе жильё в деревне. Весь гарнизон Рауховка — несколько пятиэтажных домов, а вокруг частный сектор. Нашёл я какой-то домик. Бабушка, хозяйка домика, мне говорит: «В самом доме места нет. Если хотите, занимайте сарай».

Первую ночь мы с женой и ребёнком спали в сарае. Повезло ещё, что был конец мая. Украина... Сады цветут, вишни-абрикосы... Но дочка ещё совсем маленькая — полтора года. Поэтому я её с женой из этой красоты отправил к родителям в Минск. Сам получил контейнер, разгрузил его в сарай. Оставалось только подождать, когда дадут обещанную квартиру.

Почти сразу нас отправили в Центр боевой подготовки и переучивания лётного состава армейской авиации в город Торжок под Калининым. Отучились мы месяц и вернулись в свою Рауховку. Квартиры так никто и не получил! На том доме — большие замки. Решения госкомиссии нет. Ситуация патовая: ясно, что перестраивать дом никто не будет, но и принимать его в таком виде тоже никто не собирается. До отправки в Афганистан оставалось две недели.

Нам говорят: «Вы езжайте в Афган. А мы, как только проблемы с домом порешаем, семьи ваши туда переселим». Мы стали задавать вопросы: «А как вы вещи будете перетягивать? Они же у кого где по всему селу разложены...». Короче, опять — безвыходная ситуация.

Закончилась вся эта история очень просто. Самые активные из нас решили: сбиваем замки и заселяемся согласно уже принятому решению жилкомиссии. Так мы и сделали. Я занял двухкомнатную квартиру. Даже адрес помню: дом пятьдесят пять, квартира пять. Перенёс я туда вещи, и после этого мы почти сразу вылетели в Каган (аэродром на границе с Афганистаном).

В те (как сейчас оказалось) хорошие времена перед отправкой в Афганистан все лётчики обязательно проходили ещё и горную подготовку. Это было нужно для адаптации в лётном смысле. Но оказалось, что не только для этого: от перемены воды и климата у всех стало плохо с желудком. В первое время от туалета дальше чем на полметра мы не отходили. Кашлянул человек, сразу побежал в туалет и... не добежал. Единственным спасением был отвар из верблюжьей колючки. В баке полевой кухни его заваривали на всю эскадрилью и как-то держались.

С нами работали очень опытные инструкторы — лётчики, которые вошли в Афганистан в 1979 году и два года там летали. Они передавали нам свой собственный боевой опыт. Например, у вертолётчиков есть такое понятие: держать шарик в центре. Дело вот в чём: на панели управления расположен прибор, который называется авиагоризонтом. У него внизу шарик, который в зависимости от траектории движения вертолёта перемещается. По обычным инструкциям, пилот должен стремиться держать этот шарик в центре — тогда вертолёт летит без скольжения, ровно. Но нам объяснили, что когда ша-

рик не в центре и вертолёт непредсказуемо перемещается в горизонтальной плоскости, попасть в него с земли из стрелкового оружия сложнее. Так что потому-то мы в Афганистане летали вопреки инструкции — с шариком где угодно, только не в центре.

Это сейчас молодые лётчики могут выполнять сложный пилотаж, чуть ли ни мёртвые петли на вертолёте крутят. В Советском Союзе была другая система: ты должен был летать тихо, спокойно, без больших кренов и углов тангажа (угол тангажа — угол между продольной осью летательного аппарата и горизонтальной плоскостью. — Ред.). А если нарушишь — крепко наказывали. А тут нам говорят, что атаку надо совершать с тангажом двадцать пять градусов. Для МИ-8 такой угол наклона очень большой. Ведь это МИ-24 по форме напоминает шило, у него сопротивление корпуса воздуху значительно ниже, чем у МИ-8. Но чем больше угол пикирования, тем точнее попадают ракеты в цель и тем труднее в тебя попасть с земли. Поэтому двигаешь ручку от себя до отказа — и вперёд...

В Кундуз мы прилетели 1 сентября 1984 года на транспортном самолёте АН-12. Открываем дверь, делаем шаг и... как будто вошли в парилку! Жара — под пятьдесят в тени.

Наша эскадрилья входила в состав 201-й дивизии. Командовал дивизией в то время генерал-майор Шаповалов. Обычно мы работали с разведбатом дивизии. В первый же день каждого из нас закрепили за инструктором из лётчиков, которых мы должны были

заменить. Командир экипажа, инструктор, сидит на левом сидении, ты — на правом. И он тебе показывает что к чему, причём — во время выполнения реальной боевой задачи. Но ты в таком полёте просто сидишь и смотришь. У правых лётчиков есть присказка: «Наше дело правое — не мешай левому. Руки вместе, ноги вместе, оклад двести». (Руки и ноги не касаются органов управления вертолётом. Должностной оклад правого летчика в то время был двести рублей. — Ред.).

Никогда не забуду первый вылет в Афганистане. Ситуация была следующая: МИ-24 «забили» караван в предгорьях. У нас задача была вроде бы простая — забрать трофеи. Подлетаем, вокруг картина ужасная: убитые верблюды валяются, лужи крови кругом... Но к этому времени бой ещё не закончился. «Духи» побросали оружие, которое везли, и стали разбегаться по барханам. Их били четыре МИ-24 и два МИ-8. Это страшная сила, поэтому у душманов даже мыслей не было отстреливаться. Лётчики МИ-24 нам говорят: «Мужики, помогайте!.. А то они, как тараканы, в разные стороны разбегаются, за всеми не уследишь». К пулемёту тогда сел борттехник. И до сих пор картина перед глазами стоит: «дух» ползёт по бархану, а борттехник его из пулемёта у нас на глазах укладывает. Ощущения были, мягко говоря, не самые приятные. Впервые у меня прямо на глазах убивали людей.

Ещё я сразу увидел, как садятся в Афганистане. По правилам, надо зависнуть над землёй и только после этого сесть. Но если сделать так, то винтами ты поднимешь такую

вековую пыль, что долго вообще ничего не увидишь. Поэтому вертолёт плюхнулся на скорости, обгоняя пыль. И это жёлтое облако тут же нас накрыло, пылища от винтов поднялась бешеная... Вблизи картина оказалась ещё страшней: слева-справа не только убитые верблюды, но и люди валяются... Десантники высадились с бортов и пошли собирать трофеи и пленных. Какие-то «духи» от верблюдов побежали — их тут же из автоматов положили...

В Афганистане было то, чего не было потом в Чечне. В Чечне, чтобы открыть огонь, нужно было запрашивать «добро» у ЦБУ (Центр боевого управления. — Ред.). А в Афгане командир экипажа или ведущий пары сам принимал решение на открытие огня. Если по тебе работают с земли или ты видишь, что люди на земле с оружием, то не надо никого запрашивать, а можно стрелять. В Чечне же доходило до абсурда: по тебе стреляют, ты запрашиваешь ЦБУ. А там говорят: «Мы сейчас посмотрим по карте, что это за банда. А потом уже примем решение». Говоришь: «Ведь по мне работают!..». Ответ: «Уходи». И ты с полным боекомплектом уходишь, потому что тебе «земля» работать запретила.

Так что от первого вылета, где я выполнял роль «вывозимого» лётчика, у меня остались очень сильные впечатления. Думаю: «Ничего себе. Это только первый день. А если так будет целый год?..». А так и было, но не целый год, а почти полтора. Правды ради надо сказать, что бывали дни и полегче.

О том, что это действительно война, я окончательно осознал через полтора меся-

ца пребывания в Афганистане. Помню, это было 16 октября 1984 года. У меня на глазах сбили вертолёт. На борту, кроме экипажа, было ещё двенадцать десантников. Я тогда увидел, как вертолёт падает, как он от удара о землю разваливается…

Тогда одновременно летело семь вертолётов МИ-8. Я шёл один, без пары, самым крайним, замыкающим. Обычно крайнего и сбивали. Так что, по всем законам, сбить в этот раз должны были именно меня. Но сбили вертолёт передо мной.

Мы должны были высаживать десант на площадку в Центральном Баглане. Это зелёнка в предгорьях. Место это было самым настоящим бандитским осиным гнездом. По плану, ещё до высадки десанта по площадке должны были отработать «грачи» (штурмовики СУ-25. — Ред.). И только после них МИ-24 должны были подавить то, что осталось после работы СУ-25. А потом уже мы своими МИ-8 должны были высадить десант на обработанную площадку.

Но с самого начала всё пошло наперекосяк. «Грачи» не пришли, потому что не было погоды. Наш комэска принимает решение: идти без штурмовиков СУ-25 под прикрытием только двух пар МИ-24. На одном из них впереди всей группы он должен был идти сам. Пара МИ-24 запускается, и тут даже не у самого комэска, а у его ведомого отказывают генераторы. Ну ладно, твой ведомый не может взлететь, так иди один — мы же не на воздушный бой идём: можно и без ведомого! Тем более, что комэска не один, а с нами. Но он докладывает руководителю полётов:

«У моего ведомого отказ авиационной техники, поэтому вся пара остаётся. Группу поведёт Абдиев».

Вторая пара МИ-24 выруливает на полосу и тоже докладывает об отказе. Не помню сейчас, что именно было у них, вроде отказал автопилот. Это несущественная поломка. По инструкции, конечно, они лететь были не должны. Но в реальности с такими отказами, конечно, летали. Без автопилота тяжело, но летать можно. Нужно просто совершать двойные действия органами управления вертолётом. Главное, чтобы работали двигатели, редуктор, гидросистема — и тогда вертолёт управляемый. Без всего остального, по большому счёту, летать можно.

Вторая пара МИ-24 докладывает комэске, который уже перебрался на пункт управления: «У нас отказ техники. Разрешите зарулить?». Он: «Заруливайте». И вторая пара МИ-24 тоже зарулила на стоянку.

Вышло так, что СУ-25 не отработали и МИ-24 — наше прикрытие — остались на аэродроме. Конечно, комэска должен был сказать нам: «Парни, заруливайте тогда и вы на стоянку. Будем устранять неисправности на МИ-24 или ждать погоды, когда СУ-25 смогут подойти. А потом уже пойдём на высадку десанта».

Я не вправе сейчас осуждать действия командира. Знаю одно — без прикрытия мы лететь были не должны. Но командир решил иначе…

Капитан М.И. Абдиев, которого определили старшим, у комэска спрашивает: «Так мы идём без двадцатьчетвёрок?..». Комэска:

«Идёте». Абдиев: «Понял. Выполняем контрольное висение, взлёт парами».

Пошла первая пара, вторая, третья, и я один замыкающим. Летели мы на высоте всего несколько сот метров. Подходим к району десантирования. И тут по нам отработали – скорее всего, из стрелкового оружия. Пуска ПЗРК не было, никто его не видел. Впереди меня шла пара Романенко–Ряхин, я за ними в двухстах метрах, крайний. Вижу: у Жени Ряхина из-под вертолёта пошёл жёлтый дым. Он нос опустил и почти сразу въехал в гору. Вместе с экипажем на борту были десантники: замполит роты, один сержант и десять бойцов. И экипаж: командир – капитан Е.В. Ряхин, штурман – капитан А.И. Захаров и борттехник – лейтенант В.М. Островерхов.

Тогда я впервые в жизни видел, как взрывается вертолёт. Он столкнулся с землёй и начал просто рассыпаться, разваливаться на части. Потом яркая огненная вспышка! – это взорвалось топливо. Видно было, как в разные стороны разлетаются люди, части вертолёта… Картина нереальная, кажется, что всё это ты видишь в страшном кино.

Докладываю ведущему: «Четыреста тридцать восьмой упал». Он: «Как упал?!.». Я: «Упал, взорвался…». Ведущий группы мне даёт команду: «Зайди, посмотри, есть ли живые». Я скорость подгасил и начал разворачиваться (к этому времени я уже мимо места падения пролетел). Завис… Картина жуткая: тела изуродованные, на них одежда горит, вертолёт весь разрушенный тоже горит. Я разгоняю скорость и докладываю

командиру: место осмотрел, спасать некого, вертолёт взорвался, все погибли.

Слышу по радиостанции, как комэска стальным голосом докладывает старшему начальнику: «Два ноля первый, у меня одна боевая потеря». Тогда все, кто был в воздухе, подумали: «А где же прикрытие, командир...».

Для сравнения надо тут вспомнить, что до этого комэска эскадрильей командовал подполковник Е.Н. Зельняков. Везде сам летал, где надо и где не надо, и за собой эскадрилью таскал. Складывалось впечатление, как будто он смерти себе ищет. Но смерти не нашёл, а стал в Афганистане первым командиром отдельной эскадрильи, который получил звание Героя Советского Союза.

После доклада комэска комдиву нам дают команду разворачиваться и идти на аэродром. Тут же взлетел поисково-спасательный вертолёт и привёз погибших. Точнее, то, что от них осталось...

Если бы всё шло по плану, то вряд ли «духи» в такой ситуации стали бы стрелять. До места высадки оставалось километра три. Конечно, СУ-25 в этом месте нам бы не помогли. Но с нами бы шли две пары МИ-24 — справа и слева. Их из пулемёта практически не сбить, потому что они со всех сторон бронированные. Плюс ко всему, «духи» отлично знали разницу в огневой мощи МИ-8 и МИ-24. У последнего есть и пушка, и пулемёт, и управляемые и неуправляемые ракеты.

На МИ-8 тоже иногда ставили бронированные плиты, которые прикрывали экипаж. Но плиты были тонкие и от пуль не спасали.

Практика показала: если колонна МИ-8 идёт под прикрытием МИ-24, то работать по колонне может только самоубийца. При малейшем огневом воздействии с земли МИ-24 разворачиваются и гасят всё с вероятностью сто процентов. А когда мы подходим к самому месту высадки, то двадцатьчетвёрки нас обгоняют и начинают обрабатывать ту площадку, где должен высаживаться десант. Потом они становятся в круг, а мы высаживаем. Если даже в этот момент кто-то из «духов» высунулся, двадцатьчетвёрки гасят их без вариантов.

В те времена работу больших начальников оценивали по трофеям и по числу погибших. Если ты сдал определённое количество автоматов, пулемётов, «буров» и нет погибших — это результат. А если есть погибшие — все предыдущие результаты смазываются. А тут за один день в дивизии погибло пятнадцать человек. Прилетел командующий 40-й армией генерал-лейтенант Генералов. Меня вызвали в штаб, где собралось всё начальство, и долго пытали, что я видел: стреляли ли с земли или не стреляли? Была версия, что причиной падения мог стать отказ авиационной техники. Или на борту кто-то баловался с оружием и случайно убил командира экипажа. Или случайно взорвалась граната. Такие случаи были и до, и после. Сидит солдат, волнуется перед высадкой, затвором щёлкает или в таком состоянии кольцо гранаты может выдернуть. Потом это учли, и когда один вертолёт из-за этого упал, приказали перед посадкой в вертолёт отсоединять магазины, чтобы исключить самопроизвольный

выстрел. Хотя поставьте себя на место бойца, которого вот-вот должны высадить на площадку, где по нему сразу начнут стрелять?! Ну кто тут будет держать магазин отстёгнутым? Так что в реальности магазин никто не отсоединял, и патрон был в патроннике.

Комиссия много версий перебрала. Авиационное начальство пыталось доказывать, что вертолёт не был сбит. Потому что, если вертолёт сбит, то надо привлекать к ответственности старшего авиационного начальника за то, что нам разрешили идти без обработки площадки штурмовиками и без прикрытия МИ-24.

Но потом из слов командующего я понял, что им всё-таки выгоднее было показать, что вертолёт был сбит именно огнём с земли. Командующий сказал: однозначно было противодействие стрелковым оружием с земли. Раз пошёл дым снизу, значит, пули попали по бакам.

Если кто-то скажет, что ему на войне не было страшно — не верьте. Боятся все. Мне, конечно, тоже было очень страшно. И жить я тоже очень хотел. Ведь мне было всего двадцать шесть лет. Жена дома, дочка маленькая... Но бояться можно по-разному. Кто-то боится, но дело делает, потому что стыдно перед боевыми товарищами. А кто-то боится и к доктору бежит и там говорит, что у него сегодня голова болит. Доктор в таком случае просто обязан отстранить лётчика от полётов. А проверить в полевых условиях без оборудования, болит ли у кого-то голова на самом деле или нет, невозможно. Но на самом деле все понимали, что никакой он не больной. Мы же видели: он, как и все мы, ест, спит, пьёт...

А как вылет — заболел... Вообще настоящий лётчик, даже если на самом деле болеет, всё равно доктору скажет, что жалоб у него нет, а вместо этого подойдёт к командиру и попросит: «Ты меня не планируй, я болею». Но если ты уже в плановой таблице, то сказать доктору, что у тебя есть жалобы, — это явно не по-лётному. Мы таких не уважали.

После этой трагедии мы поняли, что всё может быть. Ведь перед вылетом мы с Женей Ряхиным в столовой рядом сидели. И жил он рядом со мной в соседней комнате. Да и в Рауховке квартиры у нас были на одной лестничной площадке.

После таких ситуаций надо было прийти в себя, расслабиться. Но вся беда была в том, что в Афгане с алкоголем было очень сложно. Водку в военторге не продавали, купить её можно было только у своих же, кто постоянно в Союз летал, совести не имел и на войне деньги делал. Бутылка водки у этих «бизнесменов» стоила сорок чеков. А младшие офицеры — от лейтенанта до капитана — получали в месяц двести шестьдесят семь чеков. Нетрудно сосчитать, что на месячную зарплату можно было только шесть раз выпить — и ты свободен... От денег.

Так что первое время мы спиртные напитки волей-неволей не употребляли. Но мой ведомый, Миша Стрыков, был простой советский парень, умудрённый жизненным опытом. Он знал, как делают самогон. Говорит: «Парни, нужен сахар. Дрожжи я найду в лётной столовой, и потом вы все мне скажете спасибо».

Чай нам давали утром и вечером. К чаю положены два или три кусочка сахара. Си-

дели в столовой обычно мы так: ведущий со своим штурманом и ведомый со штурманом. То есть за столом четверо. Миша берёт эту тарелочку с сахаром и высыпает сахар в пакетик. Мы ему: «Миша, ну дай хоть по кусочку, сахар давно не ели...». Миша ничего нам не давал, только говорил: «Мужики, потом скажите спасибо». Так мы больше месяца не видели сахара.

Миша сахар собирал-собирал, в конце концов набрал несколько килограммов. Сам-то я вырос в городской интеллигентной семье, поэтому очень смутно представлял себе, как делается самогон. А хозяйственный Миша нашёл бак на сорок литров, залил туда сорок литров кипячёной воды, положил сахар и двести граммов дрожжей. Всё это замешал, и мы стали ждать... Стояла эта брага дней семь. Бак уже вот-вот на подходе. И тут, как назло, нам надо лететь на операцию в Баграм! Миша — по какой-то причине, сейчас уже не помню — в Баграм не полетел...

Возвращаемся мы через два дня. Сразу побежали к заветному баку и видим, что на дне осталось только чуть-чуть, как говорят на Украине, «муляки». Выясняется, что, когда мы улетели, Миша собрал со всего полка всех своих однокашников, которые тоже почему-то никуда не улетели. И они за два дня выпили все сорок литров. Мы Мише говорим: «Мы же целый месяц сахар не ели...». Миша оправдывается: «Не переживайте, я сахар достану, новый бак поставим...».

Наше производство самогона успешно действовало до 17 мая 1985 года. К тому времени свой бак был в каждой комнате.

Но Горбачёв, дай Бог ему здоровья, подписал Указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом. И наш командир полка прошёл с пистолетом по комнатам и лично расстрелял все баки.

А спирта в эскадрилье было много. Ведь на каждом вертолёте стояла так называемая «испанка» (её так в шутку называли потому, что она горячая, как испанская женщина) или, если по-другому, «липа». Официально по документам этот прибор назывался Л-166. По первой букве его и прозвали «липой». Это было самое эффективное средство против переносных зенитно-ракетных комплексов. Ракета ПЗРК через головку самонаведения идёт на тепло, излучаемое двигателями. По существу, это печка, которая стоит на вращающейся платформе в хвосте вертолёта за редуктором. Вокруг печки — стёклышки-отражатели. После взлёта ты её включаешь, и она создаёт вокруг вертолёта вращающееся инфракрасное поле. Температура этого поля больше, чем у двигателя.

Я неоднократно видел «липу» в действии. Пуск «редая» (переносной зенитно-ракетный комплекс Redeye широко применялся душманами в середине 80-х годов. — Ред.) хорошо виден с вертолёта. По мне лично не стреляли ни разу. Но как-то выпустили ракету по ведущему нашей группы. Сама ракета летит всего три-четыре секунды, за ней тянется специфический фиолетовый след. И я успел заметить, как ракету вдруг закрутило-закрутило-закрутило… Она улетела куда-то в сторону и самоликвидировалась.

Для того, чтобы «липа» исправно работала, каждый день перед вылетом стёклышки у

неё надо было протирать спиртом. И именно на это дело списывалось его очень большое количество. Ясно, что на самом деле «липу» нам никто спиртом не протирал. Мы у техников поинтересовались: «А почему не протираете?». Они: «А комэска спирт не дает!».

В эскадрилье положено ежемесячно проводить партийное собрание. Я был секретарём партийного бюро. Повестка дня, например, такая: личный пример коммунистов при выполнении боевых заданий. А тут у нас кое-кто из лётчиков выпил лишнего, и его начали подтягивать на персональное дело. По тем временам для него такой поворот событий мог закончиться очень серьёзными проблемами. Он понял, что ему надо как-то выкручиваться, и говорит: «Да вы не меня тут должны воспитывать! Лучше бы позвали командира эскадрильи. Пусть он доложит, куда наш спирт уходит. «Липы» не протираются, предварительная подготовка к вылету у вертолётов не выполняется...».

Все остальные коммунисты тут тоже поднялись на дыбы: «Господ, запиши в протоколе, что мы настаиваем, чтобы спирт делили по-честному! Иначе мы летать не будем! Ведь вертолёты не обслуживаются, как положено. Иди, докладывай командиру решение нашего партийного собрания».

Комэска на партийные собрания не ходил. Иду к нему. Стук-стук. Спрашивает: «Что такое?». Я: «Товарищ командир, разрешите доложить решение партийного собрания». Он: «Ты чего? Никогда не докладывал, а тут пришёл...». Я: «Решение принято единогласно. Коммунисты настаивают, чтобы спирт

делить по-честному». Он: «А сколько вам надо?». Я: «Ну, литров двадцать...». Он: «А не много ли вам?!.». Я: «Товарищ командир, спирт-то мы списываем. Каждый день в бортжурнале расписываемся, что использовано спирта столько-то и столько-то». Он: «Ну ладно, если партсобрание приняло такое решение, то куда мне деваться. Я ведь тоже коммунист». Подписывает заявку и говорит: «Иди, получай».

Беру канистру, сопровождающих, чтобы пехота спирт не отняла. И такой небольшой колонной мы дружно идём на склад ГСМ (горюче-смазочных материалов. — Ред.). Начальнику службы горючего, старшему лейтенанту, говорю: «Командир сказал, чтобы ты нам по решению партийного собрания налил двадцать литров спирта». Он посмотрел и говорит: «Нет, по этой бумажке не налью». Я: «Видишь, командир подписал?». Он: «Нет, не налью». Оказывается, у командира в подписи была точка под последней буквой. Если точка стоит, то всё нормально, документ к исполнению. А если точки нет, то понятно, что писал по принуждению. Так старлей нам ничего и не налил.

Иду обратно. Командир, скрепя сердце, точку всё-таки поставил. В эскадрилье у нас было пять звеньев, в каждом — партийная группа, которую возглавлял патргруппорг. Приношу двадцать литров, вызываю партгрупоргов. Пришли они с трёхлитровыми банками. Только начали мы спирт делить — явились комсомольцы: «А нам?..». Мы не стали от них требовать решения комсомоль-

ского собрания, просто так налили. И с этого времени спирт в эскадрилье начали делить по-честному.

В Афганистане трагическое и комическое было так перемешано между собой, что иногда трудно было отделить одно от другого. Например, нам однажды поставили задачу эвакуировать разведчиков. Они попали в засаду, половину роты «духи» положили, погиб комбат. Я забирал легкораненого командира роты, лейтенанта. А лейтенант — только после училища, ему двадцать два года всего. И вот картина эта до сих пор перед глазами стоит: уже на аэродроме сидит на земле этот лейтенант, плачет от горя, что друзей потерял, и от счастья, что сам жив остался... Но говорит: «Мне комдив сказал: молодец, Саня, я на тебя представление на орден Красного Знамени напишу за то, что ты остатки роты вывел из боя». И он в общем-то довольный, что раненый, но живой. А ещё более довольный и гордый, что ему командир дивизии лично сказал, что представит к Красному Знамени.

Надо понимать, по какому принципу в Афганистане награждали. Очень большие начальники получали орден Ленина или орден Красного Знамени. Все остальные получали Красную Звезду. Совершает боец следующий подвиг, пишут на Красное Знамя, дают всё равно Звезду. Ещё один подвиг — всё равно дают Звезду. У меня был земляк из Воронежа, командир разведроты. И на орден Ленина представляли, и на Героя Советского Союза. А в конце концов всё равно получил три Красных Звезды.

Очень часто мы обеспечивали бомбо-штурмовые удары. Обычно это выглядело так. Приходит местный житель и закладывает «хадовцам» (ХАД. Афганская контрразведка. – Ред.) «духов»: в таком-то кишлаке такая-то банда тогда-то будет сидеть за таким-то дувалом. «Хадовцы» передают эту информацию нашим советникам, те её анализируют и обобщают. Вся эта тайная работа, естественно, происходит без нас. А на выходе принимается решение о нанесении бомбо-штурмового удара по конкретному дувалу, где должны находиться бандиты. Мы должны обеспечить целеуказание для штурмовиков и бомбардировщиков, а потом осуществить объективный контроль результатов удара.

Назначалось время, когда мы должны забрать с конкретной площадки местного предателя, который должен показать, где нужно отработать. Район и кишлак обычно знали заранее. Но конкретный дом, где сидят «духи», этот предатель должен был показать уже на месте.

Садимся на площадке. Подъезжает уазик со шторками на окнах. Выходит наш капитан или майор, который работает советником в этом районе, и выводит шпиона, у которого на голове колпак. Это для того, чтобы его никто не опознал издалека. Оба садятся к нам в вертолёт, и мы идём к месту встречи с нашими самолётами. Потом уже вместе с ними – к нужному кишлаку.

Делаем первый проход над кишлаком, и предатель пальцем показывает на дувал, где бандиты сидят. Рассказывает: там пулемёт, ещё там пулемёт, и там ещё пулемёт... В гру-

зовой кабине у нас стоял огромный фотоаппарат. Открываем нижний люк и фотографируем то, что было до удара. В это время штурмовики или бомбардировщики ходят по кругу на высоте три-четыре тысячи метров. Эта высота считалась оптимальной, чтобы по ним не отработали из ПЗРК или из стрелкового оружия. «Стингеры», которые бьют на три тысячи пятьсот метров, появились позже. Самолёты плюс ко всему ещё и нас прикрывают. Если по вертолётам начинают работать с земли, то они должны подавить огневые точки.

Второй заход мы делали уже для целеуказания. Для этого мы использовали светящиеся авиационные бомбы. Обычно их на специальных парашютах сбрасывают ночью над полем боя, чтобы его подсветить. На парашюте бомба опускается в течение нескольких минут. А в Афгане вот что придумали. От такой бомбы отрезали парашюты (мы их, кстати говоря, использовали как наволочки, простыни или как ковры вешали на стены) и сбрасывали её уже без парашютов. От удара о землю взрыватель срабатывает и бомба горит на земле. С воздуха видно её очень хорошо. Но, конечно, точно сбросить бомбу наши штурманы – а это были молодые лейтенанты – не могли. Поэтому дальше мы должны были наводить самолёты уже относительно этой горящей бомбы. Говорим истребителям или штурмовикам: «Видите САБ?». – «Видим». – «От САБа на юг видите дерево?». – «Видим». – «От дерева слева дувал видите?». – «Видим». – «Это цель». – «Всё понятно, работаем».

Дальше я набираю высоту четыре с половиной тысячи метров. Теперь моя главная задача — подобрать лётчика, если кого-то вдруг собьют. А самолёты становятся в круг и по очереди вываливаются из этого круга для работы по дувалу. После того, как они закончили, я захожу снова и фотографирую результаты удара.

Где-то через год после того, как мы прибыли в Афган, меня назначили командиром звена. Все лётчики у меня в звене были старше и по возрасту, и по опыту. Но они сказали: «Ты училище с золотой медалью закончил, хочешь поступать в Академию... Поэтому пусть ставят тебя». Но тут почти сразу же возникла ситуация, из которой я едва-едва вышел живым.

Когда я отправился в Афганистан, то, как и подавляющее большинство своих товарищей, в Бога не верил. Мама в детстве крестила меня втайне от отца. Он у меня никогда не был рьяным коммунистом, но атеистом был всегда. Он и сейчас атеист. Маму частенько ругал, когда она куличи пекла и яйца красила на Пасху. И нас с братом за это дело гонял. Но когда я уезжал в Афган, его мама, Дарья Ивановна, дала мне маленькую иконку Николая Угодника и сказала: «Когда тебе будет тяжело, он тебе поможет. Ты его попроси — Николай Угодник, Божий помощник, спаси и помоги!». А я и понятия не имел, что есть какой-то Николай Угодник. Ведь, как и папа, я тоже был коммунистом. Я ей: «Бабуля, да ты что?.. Я ведь секретарь партийного бюро, практически представитель ЦК КПСС в нашей эскадрилье! А если у меня эту икону

там увидят?». Она: «Ничего, Вова, пригодится. Зашей её куда-нибудь в воротничок». Я и зашил иконку в воротник комбинезона, как она просила.

Очень долго я не вспоминал об этой иконке. Однажды, почти сразу после моего назначения командиром звена, нам ставят задачу на высадку десанта из тридцати шести бойцов на площадку Бану. Звено у меня было усиленное, из шести вертолётов.

Очень важно было правильно вертолёты распределить. Все в эскадрилье были в курсе, какие вертолёты сильные, а какие — слабые. Они только с виду все одинаковые. На самом деле какой-то вертолёт более старый, у какого-то двигатели послабее. Я говорю: «Я иду на вертолёте...». И все ждут, что я скажу: возьму себе самый сильный или самый слабый. Я знал, что если я возьму самый сильный, ребята скажут: «Ну ты, командир, обнаглел!.. У тебя же первая обязанность — забота о подчинённых!». И я, чтобы показать эту заботу, говорю: «Беру себе шестнадцатый борт». Это был самый слабый вертолёт. Все оценили мой поступок: «Молодец!». Говорю: «Десантников делим поровну, по шесть человек на каждый борт». Вообще МИ-8 может взять двадцать четыре десантника. Но высадка производилась на высоте две тысячи пятьсот метров. И мы подсчитали, что на этой высоте при такой температуре воздуха мы сможем взять на борт только по шесть бойцов.

Десантники загрузились, мы вырулили на полосу. И тут один борт у нас отказывает. Лётчик мне: «Я заруливаю». Отвечаю: «За-

руливай». Он заруливает на стоянку. А у меня в вертолёте сидит командир роты, старший этого десанта. Я ему: «У нас один борт выпал, летим без шести бойцов». Он мне: «Командир, да ты что?.. Ты меня без ножа режешь! У меня же каждый номер расписан. Мы-то думали, что вы высадите семьдесят человек, а нас и так всего тридцать шесть! Распредели этих шестерых по оставшимся бортам». Я: «Да мы не потянем!..». Он: «Нет, без этих шести я не могу, вообще не полечу».

Я ставлю своим задачу взять ещё по одному бойцу. Вертолётов пять, десантников шесть. Один остаётся. Я-то знаю, у кого самый мощный борт. Говорю ему: «Четыреста сорок первый, шестого возьми себе». Но вслух про то, что у кого-то самый сильный борт, у нас не принято было говорить. Он отвечает: «Командир, это что? Такая вот забота о подчинённых? Ты командир, ты и бери себе лишнего». Я: «Хорошо, отправляй его ко мне». И получилось, что у всех по семь человек, а у меня на самом слабом вертолёте – восемь. Мы пошли на высадку десанта.

Подходим к вершине горы, там маленькое плато. «Духи» поняли, что мы собираемся высаживать десант, и начали по нам работать. Я захожу первый, подгашиваю скорость и... вертолёт начинает проваливаться, не тянет. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и ухожу на повторный круг. Говорю: «У меня не тянет. Заходите, высаживайте». Все четверо зашли и сели с первого раза. Я делаю повторный заход – опять не тянет,

ещё один заход — всё равно не тянет... А у нас такой порядок: мы все вместе пришли, все вместе должны уйти. Не может быть, чтобы они ушли, а я один остался. А тут ещё идёт активное противодействие с земли, «духи» бьют. Мои мне говорят: «Четыреста тридцать девятый, ну когда ты наконец-то сядешь?..». Отвечаю: «Мужики, сейчас сяду».

И тут я понял, что сесть я не смогу, потому что это против всех законов аэродинамики. По идее, я должен был дать команду: «Четыреста тридцать девять, посадку произвести не могу. Вертолёт перегружен, ухожу на точку». И мы все уходим, оставив на горе десант без командира.

Теперь представьте себе: все мои подчинённые сели, а я, только что назначенный командир звена, один не сел. И я возвращаюсь в Кундуз с командиром десанта на борту. Тут я понял, что не уйду, потому что просто этого не переживу. Ведь надо будет на аэродроме прямо у вертолёта пускать себе пулю в лоб от позора. Ещё я понял, что и сесть я тоже не могу. Вот тут я и вспомнил бабушку. Взялся рукой за воротник, где была зашита иконка, и сказал: «Николай Угодник, Божий помощник, спаси и помоги!». К тому времени я выполнял уже то ли четвёртый, то ли пятый заход (ещё удивлялся, как это до сих пор меня не сшибли!). И неожиданно у вертолёта появилась какая-то дополнительная аэродинамическая сила — Божественная. Я сел, мы высадили десант, и он выполнил задачу. Именно тогда в Бога я и поверил. И лично для меня стала очевидной простая истина: среди тех, кто был на войне, атеистов нет.

Был ещё один случай, когда Николай Угодник мне помог так явно, что не увидеть этого было нельзя. Мне с ведомым надо было эвакуировать группу спецназа после выполнения задачи. Спецназовцы на пупке горы (высота была около двух тысяч метров) зажгли оранжевые дымы — обозначили место посадки. Я подсел. Подходит командир группы, старший лейтенант, и говорит: «Командир, у меня солдат сорвался в пропасть». И показывает на котлован у склона горы. Ширина этого котлована в этом месте метров сто. Когда спецназовцы на гору поднимались, один боец упал вниз и поломался. Лежит он на глубине от вершины горы метров семьдесят-восемьдесят. Кричит, стонет, ему больно, хотя и укол промедола он сам себе уже сделал.

Меня старлей просит: «Сядь туда, забери бойца». Я: «Я туда не сяду, потому что потом оттуда я не взлечу. Доставайте его сами». Он: «Да пока мы альпинистское снаряжение наладим, пока будем спускаться, пока будем с ним подниматься... Это очень долго». А тут ещё начало темнеть, солнце садится.

В 1984–1985 годах мы ночью в горах не летали. Оставаться ночью на площадке мы тоже не можем, потому что кругом — «духовский» район. Спецназ, пока пешком ходил, себя не обнаружил и вышел к месту эвакуации скрытно. Но когда они зажгли дымы, и ещё вдобавок прилетела пара вертолётов, «духам» стало ясно, что к чему; потому их можно было ожидать в любой момент.

Тут надо объяснить, почему вертолёт вообще летает. За счёт вращения винтов он воздух сверху нагнетает вниз и создает под собой

область более высокого давления, чем сверху. Так происходит, когда воздух вокруг, как говорят вертолётчики — «спокойный». Если же лопасти прогоняют через несущий винт воздух возмущённый, «плохой», то необходимой разницы давления не получается. А при посадке в этот котлован вертолёт гонял бы тот воздух, который отражался бы от земли и стенок котлована. То есть после посадки машина очутилась бы в окружении возмущённого воздуха. Взлететь в таких условиях нельзя.

Поэтому говорю старшему лейтенанту: «Я туда не сяду, потому что я там и останусь. Доставайте его сами». Они начали готовить снаряжение. Вниз полез сам старлей. Но солнце садилось, все торопились, и снаряжение готовили в спешке, так что срывается и падает в яму уже сам командир. Теперь их там лежат уже двое. Правда, старлей себе только ногу поломал. А у солдата, как потом оказалось, травма была очень серьёзная — сломан позвоночник.

Сесть на этом пупке больше негде. Мой ведомый ходит по кругу над нами и заодно смотрит, чтобы «духи» незаметно не подошли. Я, хотя и с тяжёлым сердцем, говорю бойцам: «Садитесь в вертолёт, уходим. Иначе все здесь останемся». Они: «Мы без командира не полетим». И я хорошо понимаю, что по-человечески они правы!.. С одной стороны, я не могу их здесь оставить, потому что мы их уже засветили своими вертолётами. Но, с другой стороны, если мы уйдём без них, то и этим на горе — крышка, и тем, которые внизу — тоже. Их потом просто забросают гранатами.

Другого выхода не оставалось: и я опустился в эту яму. Борттехник с «праваком» затащили в кабину старлея с солдатом. Но, как я и предполагал, вертолёт вверх не летит... (Недаром практическую аэродинамику мне в училище преподавал сам полковник Ромасевич, легенда аэродинамики, автор практически всех учебников по этой так до конца и не понятой курсантами науке.) Беру «шаг» — вертолёт дёргается, но не отрывается от земли. И тут я опять вспомнил про икону — и взлетел!..

Потом я двенадцать лет командовал вертолётным полком. И все двенадцать лет я на первых занятиях по аэродинамике говорил молодым лётчикам: «Есть законы аэродинамики. Но есть ещё высшие, Божьи, законы. Хотите верьте, хотите — нет. Но только они объясняют те ситуации, когда при абсолютной безнадежности с точки зрения физики человек всё равно выходит из безвыходного положения».

Как-то почти перед самым отъездом из Афганистана сидели мы на площадке около горы Джабаль. Это недалеко от Кабула. Как обычно, мы обеспечивали боевые действия своей 201-й дивизии. Всегда была так называемая «пара комдива», которая каждый день назначалась командиром эскадрильи. Это пара вертолётов, которая работает непосредственно по распоряжению командира дивизии. Он сам на командном пункте дивизии сидит, а мы на площадке у этого командного пункта дежурим. Сидим и сидим себе, довольные и счастливые, что до замены остаётся всего месяц-полтора.

Тут меня вызывает комдив и говорит: так, мол, и так, наш взвод находится на вершине горы, «духи» их обложили со всех сторон. У наших большие потери, есть «двухсотые» (убитые) и «трёхсотые» (раненые). Плюс ко всему с ними нет связи, на радиостанции сели аккумуляторы. Надо туда подсесть, выкинуть им аккумуляторы, воду, продукты. И ещё забрать убитых и раненых, потому что они связали наших по рукам и ногам.

Спрашиваю: «Где?». Он показывает на карте. Говорю: «Товарищ генерал, это же на высоте три тысячи девятьсот пятьдесят метров. А у меня допуск — до двух пятьсот. Не имею права». Он: «Да ты понимаешь!.. Там люди гибнут, а ты: не имею права, не имею права... Вот если бы у тебя пушки были в петлицах, я бы понял. А у тебя птицы! А может быть, это не птицы, а курицы?..». Короче, начал меня психологически обрабатывать. Я ему снова: «Товарищ генерал, не имею права. Если я туда полечу, то у меня будут серьёзные проблемы с командиром эскадрильи». Генерал: «Да я сейчас позвоню твоему командиру эскадрильи...». Отвечаю: «Нет, я не могу». И ушёл к вертолёту.

Подошёл ведомый, Миша. Спрашивает: «Что там?». Говорю: «Да зажали пехоту на какой-то горушке. Надо лететь, но мы явно не потянем, мощности не хватит». (Я сам на такой высоте никогда не садился, хотя вертолёты по мощности двигателей это позволяли.)

Через полчаса меня опять вызывает комдив. Докладываю: «Товарищ генерал, прибыл...». Он: «Ну что, ты решился?».

Я опять: «Товарищ генерал, не имею права». Но он мне помог — говорит: «Я позвонил командиру эскадрильи, он дал добро». Это сейчас есть мобильные телефоны. А тогда что: сидишь на площадке в горах и ничего не знаешь толком... Говорю: «Да не мог вам командир эскадрильи дать добро на это дело!..». Он взорвался: «Да я тебя обманываю, что ли? Давай так: если сядешь — тебе пишу представление на Знамя, экипажу — на Красную Звезду».

Тут я и поддался на эту провокацию. Орден Красного Знамени — это серьёзно, об этом все мечтали. Говорю: «Ладно, пойду, подготовлю вертолёт». Надо было поснимать и убрать всё лишнее, чтобы вес уменьшить. Он: «Хорошо, когда будешь готов, доложишь».

Подхожу к вертолёту. А у меня борттехник — лейтенант, правый лётчик — лейтенант. Говорю им: «Парни, так и так. Комдив сказал, что если сядем и выполним задачу, то мне — Знамя, вам — Звезду». А у нас у всех уже было по ордену. (В середине восьмидесятых годов в течение одного года получить второй орден за один Афган было практически невозможно, если только посмертно.) Надо отдать должное комдиву, он был хорошим психологом. Знал, чем нас «купить».

По максимуму облегчили вертолёт. Я пришёл к командиру дивизии и доложил, что мы готовы. Он: «Бери ящик с тушёнкой, ящик с мясными консервами, воду и аккумуляторы». А воду у нас в таких случаях наливали в автомобильные камеры и каким-то образом умудрялись запаивать. Я: «Только сесть я не смогу». Он: «Если не можешь, не садись. На

подлёте выбросишь, а они подберут. Хорошо было бы раненых забрать. Но если хоть это сбросишь — уже хорошо!».

Ведомому говорю: «Я буду заходить один, а ты вокруг ходи, «духов» отгоняй». Наши сидели на самой вершине горы, «духи» их со всех сторон обложили. Прилетел, начинаю скорость подгашивать, до шестидесяти километров загасил — вертолёт проваливается... Смотрю: — «духи» поняли, зачем я прилетел. Трассёры в мою сторону пошли слева-справа... Вижу наших: они сидят на «пупке» (вершина горы. — Ред.). Несколько человек бегают туда-сюда, раненые лежат в бинтах, убитые тут же, чем-то накрытые. Я скорость ещё подгасил, борттехник начал выбрасывать ящики. Высота была метров пятнадцать. Вижу: ёмкость с водой падает и рвётся!.. Там же камни острые везде. Один солдат с панамой в эту воду плюх!.. Это, чтобы панамой собрать и хоть несколько капель выдавить себе в рот. Аккумуляторы грохнулись и посыпались с горы куда-то вниз, в ущелье. Короче, задачу я не выполнил. Но «загорелся»... Мне стало понятно, что у наших там действительно тоска полная...

Сел на площадке у командного пункта. Ещё не успел винты остановить, — подходит комдив. Спрашивает: «Ну что?». Докладываю: «Товарищ генерал, ничего не получилось». Объяснил всё как есть. Он махнул рукой и говорит: «Ладно. Не смог — значит не смог. На нет и суда нет». Я: «Товарищ генерал, можно, я ещё раз попробую? И топлива я уже часть выработал, вертолёт стал легче». Он дал команду, чтобы мне ещё раз принесли

воду, аккумуляторы. Полетел во второй раз.

Когда подлетел, зависнуть не смог — воздух разряжённый. Плюхнулся с размаху на камни. Борттехник дверь открыл, воду начал подавать. Картина вокруг страшная… Везде лежат убитые, раненые. Вокруг вертолёта толпа сошедших с ума от жажды бойцов… Как сейчас помню их безумные лица с потрескавшимися белыми губами… А тут ещё «духи» по нам долбят, в корпусе первые дырки от пуль появились.

И тут бойцы на камеры с водой кинулись!.. Рвут их руками на части, воду пытаются пить. Командиром у них был старший лейтенант. Он даёт команду: «Построиться! Что за бардак?!». Куда там, никто его не слушает!.. Тут старлей даёт очередь из автомата вверх: «Я кому сказал, строиться!..». И тут же начал строить своих возле вертолёта и отчитывать: «Да что вы делаете? Воду сейчас будем распределять…». Я ему ору: «Старший лейтенант, ты чего?.. Давай, грузи раненых, потом своих отличников воспитывать будешь!..». Загрузили четверых. Бойцы были худые, килограммов по шестьдесят. Поэтому взлететь мы должны были нормально.

Пока борттехник дверь закрывал, а я вертолёт пробовал на «шаге», старший лейтенант своих бойцов всё-таки до конца построил. И сержант начал по очереди воду во фляги разливать…

Я приземлился, «санитарка» тут же забрала раненых. Пошёл к комдиву, доложил: «Товарищ генерал, задание выполнил!». Он: «Ну и молодец…». Возвращаюсь на аэродром и докладываю командиру эскадрильи:

«Задачу выполнил, слетал туда-то и туда-то… Командир дивизии сказал, что вы должны написать мне представление на Знамя, а экипажу – на Звезду». А комэска: «Да ты что!.. Ты же нарушил допуск по предельной высоте!». Я: «Так командир дивизии же на вас выходил, вы дали добро!». Он: «Какой командир дивизии? Никто на меня не выходил! А если бы вышел, я бы его… послал… У тебя допуск – две тысячи пятьсот метров, какие три девятьсот пятьдесят?..». И за нарушение лётных законов (то есть за то, что сел на площадку, которая не соответствует моему допуску) меня на неделю отстранили от полётов. Ни о каких наградах никто уже, конечно, не вспоминал…

Заканчивал свою службу в Афганистане я командиром звена, в котором был санитарный вертолёт, так называемая «таблетка». В нём была полностью оборудованная операционная.

Наша пехота выполняла задачу в кишлаке у Центрального Баглана. Там они нарвались на банду, которая вышла из Пандшерского ущелья для отдыха. Говорили, что это была банда «чёрных аистов» (элитный спецназ моджахедов. – Ред.). Тогда эти «аисты» намолотили наших видимо-невидимо. Нам поставили задачу раненых эвакуировать.

Сели мы вместе с ведомым на площадку в горах. Бой ещё идёт, просто отодвинулся в сторону. Солнце уже село, поэтому я ору подполковнику медицинской службы, который с нами был: «Давайте быстрее!». Ночью с площадки в горах очень тяжело взлетать. А тут на броне стали непрерывно привозить людей!.. Раненые, убитые, раненые,

убитые… И их всё грузят, грузят, грузят… Убитых на створки в самый хвост вертолёта положили, легкораненых – сидя, тяжёлых – лёжа… Я говорю: «Хватит, вертолёт не потянет». А мне доктор: «А что делать? Раненые точно до утра не дотянут!..». Начали убитых выгружать и оставили только раненых. Всего получилось двадцать восемь человек. Повезло, что двигатели у вертолёта были мощные. С трудом, но удалось взлететь.

Прилетел в Кундуз, зарулил на стоянку. Приехали четыре «санитарки», бойцы, конечно, влезли не все. Ведь у меня их – двадцать восемь, у ведомого – ещё почти столько же. Оставшихся раненых вынесли из вертолёта и положили прямо на бетонном пятачке стоянки. Ночь, помню, была просто удивительная, тихая! Только цикады стрекочут, в небе звёзды сияют!.. А тут вокруг вертолёта куча носилок, люди стонут… Я стою в сторонке, курю. И тут пацан один (у него нога была оторвана) мне говорит: «Товарищ капитан, дайте закурить». Я дал ему закурить и вижу, что он очень довольный!.. Спрашиваю: «Тебе же ногу оторвало! Ты чего такой довольный?». Он: «Товарищ капитан, да Бог с ней, с ногой! Протез сделают. Главное, что для меня всё это закончилось…». Конечно, ему приличную дозу обезболивающих вкололи, поэтому он в этот момент так легко боль и переносил. Но про себя я подумал: «Ёлки-палки! Вот оно, счастье!.. У человека нога оторвана, а он доволен, что для него война уже закончилась. И теперь его уже никто не убьёт, и поедет он домой к маме-папе-невесте».

Так что в жизни всё относительно. И часто в Афганистане в такой вечер выйдешь на улицу, посмотришь на небо это звёздное и подумаешь: «А смогу ли я завтра вот так выйти на улицу, чтобы просто подышать и посмотреть на небо?!».

К декабрю 1994 года, когда началась Первая чеченская кампания, я уже два года командовал вертолётным полком. А уже летом 1995 года мне сообщили, что я иду в Чечню командиром сводного вертолётного полка от всей авиации Дальневосточного военного округа. С собой я должен был взять группу лётчиков и на МИ-8, и на МИ-24. Из своего полка я взял человек семьдесят. Конечно, уровень подготовки у лётчиков в моём полку был разный. Взял я самых лучших: все летчики первого класса, все с афганским опытом. А своими замами и комэсками вообще поставил тех, у которых по два-три «афгана» за плечами. И техсостав у нас был надёжный, непьющий. Именно с такими людьми можно было идти на войну, зная, что не будешь как командир отвлекаться на всякие разборки и воспитание личного состава.

В Чечне мы базировались на бывшем аэродроме ДОСААФ (наши СУ-25 разбомбили его ещё в конце 1994 года; полоса была разбита, все постройки — в руинах). Руководство полка и лётный состав разместились в бывшей технико-эксплуатационной части, где ранее выполнялись регламентные работы (правда, у здания этого не было крыши). Вокруг в обычных палатках ютился техсостав.

Я уже говорил, что с лётным и инженерно-техническим составом проблем у меня не было. Зато с местными солдатами, которые входили в состав авиационной комендатуры Северо-Кавказского военного округа, выполнявшей задачу по обеспечению боевых действий полка, проблема была очень большая. Они были совершенно неуправляемыми, поэтому приходилось их воспитывать. А так как в полку «губы» не было, приходилось идти на поклон в пехоту, а чтобы приняли одного такого нарушителя на гауптвахту, я должен был отдать определённое количество спирта, в зависимости от количества объявленных суток. Спирта нам было жалко. Снова пришлось вспомнить Афган. Придумали наказание для нарушителей, наше, так сказать, ноу-хау. Если солдат сильно злоупотребил алкоголем, то приходилось ему рыть яму. Пять суток ареста — яма глубиной пять метров, восемь суток — восемь метров. (Командир полка, по Уставу, мог дать до десяти суток. Поэтому самая глубокая яма у нас была в десять метров.)

Конечно, в такую яму нарушителя мы сажали только на сутки. Ведь внизу дышать абсолютно нечем, кислорода нет. И стол, и дом — всё в этой яме. Да и хватало этих суток — боец становился шёлковым... Конечно, это наказание было не по Уставу и не по закону. Зато мы на спирте экономили и употребляли его по назначению — для протирки «лип».

Но изредка попадались такие отъявленные бойцы, которым даже эти ямы не помогали. Один до того обнаглел, что пьяный пытался с автоматом на лётчиков кидаться, когда они

ему что-то стали говорить. Поэтому однажды утром, когда в очередной раз полетел на разведку погоды, посадил я этого «героя» к себе в вертолёт. Подсел в Шатое. А до того с командиром полка тамошним я договорился: «У меня есть один урод, вообще неуправляемый. Давай, я его к тебе определю». Он мне: «Давай, только оформи документы, как положено. Оформишь — сразу привози».

Привожу я этого солдата. (А в полку как раз этой ночью был обстрел.) Мне командир полка говорит: «Алексеич, тут у меня есть и убитые, и раненые. Заберёшь?». — «Конечно, заберу». Подъезжает «санитарка» с ранеными, потом на броне подвозят перебинтованных бойцов. Вокруг запах йода, бинтов несвежих… А мой лихой боец с голубыми погонами… почти что лётчик… Он у нас был водителем топливозаправщика, на шее у него висела золотая цепь толстенная. Говорю ему: «Выходи, вот твой новый командир полка, гвардии полковник. И ты, может быть, гвардейцем станешь, если завтра не убьют. Но если что, ты не волнуйся, твой родной командир вертолётного полка за тобой прилетит и тебя заберёт».

Он же, увидев весь этот ужас — подвозят трупы, раненых, — бросился мне в ноги: «Товарищ командир, заберите меня отсюда!». И… обмочился прямо в вертолёте. Я: «Да что ты меня перед пехотой позоришь!». И начинаю его выпихивать из вертолёта. Но он в меня так вцепился, чуть комбез не порвал, сам плачет: «Товарищ командир, я всё понял, заберите меня обратно». Я тоже понял, что хватит с него. Видно, дошло всё-таки наконец.

И после этого случая с солдатами из подразделения обеспечения вообще не стало никаких проблем: за десять метров все они мне воинское приветствие стали отдавать, хотя, по Уставу, в полевых условиях вроде так и не положено. И даже товарищем командиром называть стали.

Справа от нас находился отряд одной бригады армейского спецназа, а слева — из другой бригады. Мы с ними были в очень хороших отношениях: часто ходили друг к другу в гости, чай пили и песни пели. Весь десантный песенный репертуар я до сих пор помню наизусть. Ещё и за то они нас уважали, что мы за всё время совместной работы ни разу никого из спецназовцев в бою не бросили. По первому их запросу сразу шла группа вертолётов: и боевых, и транспортных (боевые вертолёты «духов» отгоняли, а транспортные — бойцов забирали). Но не оставляли мы не только спецназовцев.

Как-то я с группой вертолётов должен был высадить десант в районе Алхазурово. Моя группа — шесть вертолётов МИ-8 с десантом на борту и четыре МИ-24 прикрытия — должна была обработать площадку перед высадкой и поддержать десант огнём.

Шли мы вдоль южной окраины Грозного низко, на высоте метров двести-триста. Вдруг слышим, как кто-то на нашей авиационной частоте зовёт нас: «Мужики, помогите! Нас зажали, «духи» совсем рядом. Боеприпасы заканчиваются, продержимся недолго, счёт идёт на минуты...». Я прошу: «Обозначьте себя». Они обозначили себя белым дымом. И тут я увидел, что именно по этому месту

«духи» бьют трассёрами с нескольких сторон. (Обычно свои обозначают себя оранжевым дымом, но наши зажгли, скорее всего, какой у них был.) Офицер с земли: «Наблюдаете дым?». — «Наблюдаю». — «Помогите, нам не продержаться...». Отвечаю: «Сейчас запрошу ЦБУ».

Докладываю на ЦБУ: «На меня вышла «земля». Группа ведёт бой, боеприпасы заканчиваются, боевики их окружили, находятся совсем рядом. Разрешите оказать помощь: подсесть и забрать». Отвечают: «Ждите». А почему ждите — понятно. На ЦБУ сидит подполковник, у которого нет права принимать такие решения, и он будет докладывать командованию. А по опыту знаю: ждать можно и пять, и десять, и пятнадцать минут. Мы в ожидании встали в круг.

Тут через три-четыре минуты мне с ЦБУ говорят: «Посадку запрещаем. Следовать по заданию». Можно было, конечно, начать задавать им вопросы: а кто наших будет спасать?.. Но ответ тоже был известен заранее: сейчас мы отправим туда дополнительные силы... Но нам на месте было ясно, что если именно сейчас мы не заберём бойцов, то минут через пять-десять им наступит конец.

На такой случай у нас была домашняя заготовка. Когда в группе вертолётов надо было поговорить о том, чего не должны были слышать на ЦБУ, мы переходили на отдельный канал, который с ЦБУ прослушать не могли. Перешли на этот канал. Ставлю своим задачу: я своей парой захожу на посадку, пара такого-то меня прикрывает. Остальным встать в круг, ждать нас.

Когда мы начали заходить на посадку, «духи» стрелять перестали. Ясно дело, увидели четыре МИ-24, всякое желание воевать у них отпало само собой.

Я уточнил, сколько наших на земле. Их оказалось пятеро, поэтому ведомому садиться не пришлось. Сам я подсел около какого-то полуразрушенного двухэтажного домика — оттуда выскочили пятеро и запрыгнули в вертолёт. Один из них был легко ранен, но бежал сам. Ни тяжелораненых, ни убитых они с собой не тащили. Уже в вертолёте, посмотрев на них, я увидел, насколько они были перепуганы.

Полетели мы дальше, выполнили задачу по высадке десанта и вернулись в Ханкалу. Выключили двигатель. Бойцы сидят опустошённые, но в то же время счастливые. Только сейчас до них стало доходить, что ещё бы чуть-чуть — и всё... И в этом состоянии старший лейтенант говорит мне: «Командир, спасибо тебе!». Я ему: «Старший лейтенант, со старшим по званию, с полковником, почему на ты?». Он: «Товарищ полковник, спасибо, никогда не забуду...». Но и не нужны были никакие слова. Помню, лицо у него было всё закопчённое, а по чёрным щекам прорезались две белые борозды... Кстати, про этот случай я так никому и не доложил. Вроде как его и не было вообще...

Когда наступил сентябрь 1995 года, была получена оперативная информация, что «духи» день Ичкерии — 6 сентября — хотят отметить залпом из установок «град» по Ханкале и по нашему аэродрому. Мы получили приказ готовиться.

Спецназовцы специально ходили по горам и искали эти установки. И вот однажды они доложили, что нашли две замаскированные установки БМ-21. Командующий поставил мне задачу спланировать операцию по их уничтожению. Мы со всеми мерами безопасности подошли к тому месту, какое нам показали на карте спецназовцы. Увидели навес, под которым хранилось сено. Якобы было разведано, что как раз под этим сеном и стоят два «града», а «духи» просто ждут 6 сентября. А потом отсюда их возьмут и подойдут поближе к аэродрому, чтобы нанести удар.

Эту избушку на курьих ножках мы размолотили в пух и прах. Но никаких установок там не оказалось. Прилетели, и я доложил командующему группировкой, что в том месте ничего не было. Он: «Да быть такого не может! Собирай всех лётчиков». Пришли все, кто участвовал в операции. Командующий спрашивает: «Господ говорит, что спецназовцы ошиблись, там ничего не было. Кто-нибудь что-нибудь видел?». Никто ничего не видел. Он поднимает одного офицера: «Ты кто?». – «Заместитель командира эскадрильи майор такой-то». – «Ну, а ты что-то видел?». – «Да вроде бы, когда стрелял, какая-то вспышка была». Командующий: «Ну, вот видишь, командир! Майор, оказывается, уничтожил «грады». Давай мне наградные на него за то, что он выполнил боевую задачу». Я: «Да не было там ничего, товарищ командующий. Поэтому никаких наградных не будет». Он: «Ну ладно, спецназ завтра сходит в горы и подтвердит результаты вашей работы».

Каково же было моё удивление, когда через два дня командующий снова меня вызвал и сказал: «Спецназ сходил и посмотрел. Действительно, уничтожены две установки «град». Это вы тут все бездельники, а замкомэска слетал и их уничтожил». Я говорю командиру отряда спецназа: «Ребята, да что же вы делаете?..». Ведь я-то летел ведущим группы и своими глазами видел, по чему реально мы там отработали и что на самом деле уничтожили. Потом у замкомэски спрашиваю: «Ты сказал командующему, что видел какую-то вспышку. Ну, говори, какую вспышку ты видел?». Он отвечает: «Мы же «НАРами» (неуправляемая авиационная ракета. — Ред.) стреляли. Ударяет ракета по камню, взрывается, вот и вспышка». Я: «Так ты так бы и сказал ему, что видел вспышки от разрывов своих ракет!».

В результате наградили и спецназовцев, и замкомэску. Даже мне объявили благодарность. Но я-то точно знал, что удар 6 сентября может случиться на самом деле, ведь у «духов» действительно две эти установки БМ-21 есть. А так как почти весь наш личный состав живёт в палатках, удара по аэродрому нам не пережить без потерь и надо как-то защищаться.

Я отправил замкомандира полка по инженерно-авиационной службе в пехоту, и мы взяли у них пару экскаваторов и подъёмный кран. Прямо у взлётно-посадочной полосы и вертолётов выкопали глубокие ямы. Экскаватором же сорвали с полосы бетонные плиты и ими ямы сверху перекрыли. И вот, в ночь с 5 на 6 сентября 1995 года (когда раз-

ведка предупреждала нас о возможной атаке «градов») я всех загнал в эти «блиндажи». И сам туда же залез. Прямо на земле на вертолётных чехлах и лётных куртках мы так и просидели всю ночь в ожидании обстрела.

Края у ям были необработанные, и постепенно земля под тяжестью плит начала проседать. Под утро мы оттуда еле-еле вылезли.

Потом задним числом меня осенило, что могло случиться самое страшное: весь полк можно было похоронить без обстрела под этими плитами, устроить всем одну большую братскую могилу.

Но никакого удара мы так и не дождались. Мне потом командующий сказал: «Вот видишь, спецназовцы — молодцы, нашли установки. Твой лётчик — тоже молодец, уничтожил их. Спецназовцы ещё раз молодцы: удар подтвердили. Поэтому по вам никто и не работал»...

После боевиков главным врагом для нас стали мыши. Их в этом месте было просто невероятное количество, и жизни они нам не давали никакой. Потому были изобретены два главных способа поражения мышей. Первый, простой, требовал только трёхлитровой банки, штурманской линейки и колбасы. Конечно, колбасы нам и самим не хватало, но для такого важного дела мы её не пожалели. Клали колбасу в банку, а к банке прислоняли линейку. Мышь на запах колбасы бежит по линейке, нырк в банку, а вылезти уже не может... Другой способ был поинтересней. Берётся патрон от автомата, выковыривается пуля. Порох изнутри почти полностью убирается, иначе мышь просто размазывается

по стенке и приходится её потом лезвием со стены соскабливать. А вместо пули кладётся маленький кусочек мыла.

Обычно это выглядело так: только мы ляжем отдыхать после вылета, как мыши начинают бегать по стенам, по шкафам... А личный состав лежит с автоматами наготове и начинает соревноваться, кто больше мышей отстреляет. Так что борьба с мышами у нас была ничуть не менее беспощадная, чем с бандитами.

Вспоминается мне случай, когда колонна МВД, которая шла из Грозного на Моздок, была зажата «духами» в селе. Обычно, если колонна везёт каких-то ценных пассажиров или важные грузы, то её сопровождают МИ-24. Эта колонна была без сопровождения.

Вызвали нас. Мы полетели — пара МИ-8 и четыре МИ-24, — перевалили через Терский перевал и пошли по долине: слева невысокие горы, справа горы... Пришли на место, встали в круг. Как и обычно, когда пришли вертолёты, бандиты успокоились: ведь только сумасшедший может из автомата стрелять по пехоте, когда над головой ходят МИ-24.

Мы летаем. «Духи» не стреляют. Колонна стала из села выходить. Когда она вышла полностью, мы её даже немного сопроводили, чтобы она подальше от села отошла. Дело было сделано, и мы собрались уходить на аэродром.

Конечно, вина на мне: во время этой круговерти я не заметил, как подошли тучи и закрыли вершины гор. Но мне и в голову тогда не пришло, что в группе есть лётчик, который никогда не летал в облаках.

Ведь из своего полка я взял лётчиков только первого класса и несколько – второго. Но тут оказалось, что ведомым в одной паре был капитан – лётчик из 394-го полка, – который имел третий класс. А чем они отличаются друг от друга? Лётчик третьего класса может летать только днём и в ясную погоду, второго класса – днём в облаках, ночью – в ясную погоду, а первого класса – днём и ночью в облаках.

Штурман определил по карте, что высота этого перевала примерно тысяча пятьсот метров. Я всем говорю: «Горы закрыло облаками. Распускаем группу, начинаем по одному в облаках набирать безопасную высоту и преодолевать горы». А за горами – уже Грозный и Ханкала. Лётчики доложили, что поняли, и уходят. И тут вышел на меня по радиостанции этот капитан и говорит: «Товарищ командир, я в облаках никогда не летал». После этих слов мне стало не по себе: колонна ушла, в селе боевики, и сесть мы здесь никак не можем. Топливо рано или поздно закончится. А ждать, когда уйдут облака, можно было и два, и три дня.

Даю всем команду: «Уходите, мы будем думать, как быть дальше». Остались мы в этом котловане с капитаном вдвоём, ходим над селом. Наши доложили, что все уже пересекли перевал, и там облачность уже не такая сплошная, видно землю.

У нас топливо уже на пределе, долго мы тут с ним уже летаем. Я капитану говорю: «Иду первым, ты – за мной. И я буду тебе говорить, на какие приборы смотреть».

Надо пояснить, в чём проблема. Если че-

ловек не летал в облаках, он летает по горизонту. При видимости горизонта летать гораздо легче. Лётчик выдерживает скорость и высоту по приборам и по горизонту. А когда ничего не видно, у неподготовленного лётчика начинаются галлюцинации — потеря пространственной ориентировки. Это проблема чисто психологическая. Ему начинает казаться, что он летит с правым креном (а на самом деле никакого крена нет или же крен как раз левый). Он начинает этот несуществующий крен исправлять, да ещё и не в ту сторону. Всё дальше и дальше заваливает вертолёт... И тут и до беды уже недалеко.

Я сразу своё же решение изменил, и решил отправить его первым. Думаю: войдёт в облака, испугается и сразу же выйдет из облаков. А я уже буду за перевалом. И тогда получится, что я ушёл, а он один остался. Говорю ему: «Давай ты первым».

Потом спрашиваю: «Зашёл в облака?». — «Зашёл». — «Какая скорость у тебя?». — «Сто шестьдесят». Спрашиваю для того, чтобы он на приборы смотрел. Снова: «Какая скорость?». — «Сто двадцать». Говорю: «Давай скорость сто шестьдесят». Опять: «Какая скорость?». — «Сто». А это всё имеет объяснение: когда лётчик попадает в облака первый раз, то у него появляется ощущение, что впереди стена, и он вот-вот с чем-то столкнётся, и тогда он инстинктивно начинает ручку на себя подтягивать и гасить скорость. И закончиться это может тем, что, как только скорость дойдёт до шестидесяти-семидесяти километров, вертолёт может просто упасть. И я всё время капитану про скорость: «От-

дай ручку от себя, отдай ручку от себя...». И в какой-то момент он мне говорит: «Сто десять... сто тридцать... сто шестьдесят». Всё нормально.

Перелетели мы через этот хребет, заняло это минут десять-пятнадцать. Нам повезло, что за хребтом километров через пятнадцать было уже малооблачно. Я увидел его. Он сам увидел землю. Приземлились мы нормально. Хорошо, что аэродром был открыт. А вот если бы нам пришлось заходить на посадку в облаках, тут он мог бы уже и не справиться. Повезло, что он не потерял самообладания и сумел, слушая меня, сохранить скорость, высоту и при этом не перевернуть вертолёт. Вот так человек первый раз в жизни совершил полёт в облаках в горах.

Без удачи на войне никак нельзя. В пятидесяти километрах от Грозного есть такой населённый пункт — Серноводск. Ещё с советских времён там был санаторий. И вот от одного капитана, сотрудника местного МВД, поступила информация, что в этот санаторий прибыла отдыхать банда, спустившаяся с гор. Этот капитан рассказал очень подробно о том, сколько бандитов, даже какие-то фамилии громкие называл.

Командующим нам была поставлена задача: рано утром высадить десант и захватить этих бандитов. Чтобы сориентироваться на местности и определить место высадки десанта, я, не привлекая внимания, под видом одиночного транспортного вертолёта слетал на разведку из Грозного в Моздок мимо Серноводска, а потом тем же самым путём вернулся обратно.

На высадку должны были идти десять-двенадцать вертолётов МИ-8 под прикрытием шести МИ-24. Хотели захватить «духов» спящими, поэтому площадку до высадки обрабатывать не планировали.

Всю ночь перед операцией я не мог заснуть, мучило какое-то нехорошее предчувствие. Не нравилось мне и то, что сесть можно было только в одном месте, и что вокруг этого единственно возможного места посадки было много беседок и небольших кирпичных строений, где были целебные источники с минеральной водой.

Утром встали и идём на стоянку. Нехорошее предчувствие нарастает... Но делать нечего — мы подготовили технику, подвесили боеприпасы. Десант уже сидел в вертолётах. Я поставил своим задачу, и мы пошли запускаться. И вдруг меня вызывает к телефону командующий. Говорит: «Вылета не будет, вам — отбой». — «А почему, товарищ командующий?». — «Потом узнаешь».

Оказалось, что контрразведчики, дай Бог им здоровья и долгих лет жизни, раскололи этого капитана. Милиционер то ли за деньги, то ли под угрозой расправы с его семьей передал нашим ложную информацию. На самом деле никакие бандиты в санатории не отдыхали, а приготовились к встрече с нами. На единственной площадке, где могли сесть вертолёты, ими была пристреляна каждая пядь земли. Как нам потом сказали, с «мухами» (ручной гранатомёт. — Ред.) там сидело столько «духов», что они сожгли бы всю нашу десантную группу за две минуты...

Во время этой командировки я летал каждый день. Только солнце встаёт, полк ещё спит, а я сажусь на МИ-8 и лечу на разведку погоды. Брал один МИ-24 для прикрытия. Обычно летал с командиром эскадрильи Андреем Скворцовым. Цель была такая — походить по Аргунскому ущелью, по Веденскому ущелью, посмотреть погоду: есть облака, нет облаков, есть ли туман в ущельях.

И, кроме того, я облетал все площадки в зоне нашей ответственности, где стоят полки, бригады, отдельные батальоны. На каждой площадке был авиационный наводчик. По очереди их запрашиваю: «Есть ли «двухсотые» или «трёхсотые»?». Ведь обстрелы обычно случались ночью. Так что одновременно кроме разведки погоды я решал ещё несколько задач: проверял связь с передовыми авианаводчиками и собирал раненых и убитых. На обратном пути залетал в Грозный, выгружал в медсанбате раненых и убитых и возвращался на свой аэродром.

Весь утренний полёт обычно занимал около часа. К моему возвращению полк уже просыпался, все уже позавтракали. Сажусь, заруливаю — а полк уже стоит возле командирской палатки, командного пункта полка. Тут же даю предполётные указания: кто куда летит, кому какая задача и так далее.

В сентябре 1995 года нам была поставлена задача отработать по Алхазурово. Там, по данным нашей разведки, «духи» организовали школу наводчиков переносных зенитно-ракетных комплексов. Наши лётчики почти все имели афганский опыт, поэтому сообра-

жали быстро. И первая мысль у всех одна: как прикрыть ударные группы вертолётов от пуска ПЗРК. И вот что изобрели: впереди идёт группа МИ-24, которая и должна работать по цели. Сверху летят МИ-8, которые бросают САБы (светящаяся авиабомба. — Ред.) на парашютах.

У нас было четыре вертолёта МИ-8, у каждого — по шесть светящихся бомб. Этими бомбами мы всё небо забросали. Так что, если бы были пуски с земли, то ракеты должны были уйти на эти бомбы.

И ещё — за ударной группой шла ещё четвёрка МИ-24, которые выпускали С-8О (осветительная ракета. — Ред.). Эта ракета тоже светится во время опускания на парашюте. Её обычно используют для стрельбы ночью с самоподсветом. Делается это так: сначала этими ракетами надо цель подсветить, а пока они опускаются на парашютиках — ты наносишь удар уже боевыми ракетами. То есть мы сверху подвесили большие САБы, а снизу на парашютиках — С-8О. Тем самым мы полностью прикрыли от пусков ПЗРК ударную группу МИ-24.

Таким образом, по земле мы отработали по полной программе, а по нам не было ни одного пуска. Я думаю, что с такой воздушной армадой вертолётов «духи» решили не связываться. Когда вертолёт с пушкой, пулемётами, управляемыми и неуправляемыми ракетами и бомбами идёт на тебя на пятнадцатиметровой высоте, то надо быть полным идиотом, чтобы начать стрелять. Я сам видел, как люди и в туалеты прыгали, и в канавы сточные, — хоть куда, лишь бы скрыться.

В этой командировке я придумал новый способ посадки на площадку ограниченных размеров в горах, которым до сих пор горжусь, — посадка на площадку с боевого разворота. Расчёты, конечно же, должны быть точнейшие и для каждой площадки отдельные, причём с обязательным учётом загрузки вертолёта, температуры воздуха и ещё многих других составляющих. Если всё было рассчитано и учтено, получалось не только красиво, но и безопасно. Боевой разворот выполняется для того, чтобы при полёте на предельно малой высоте своевременно выполнить атаку по цели. Ведь когда ты летишь низко, заранее цель увидеть почти невозможно, и ты часто её видишь, когда уже пролетаешь мимо. Вот тут ты делаешь резкий набор высоты, который переходит в разворот на сто восемьдесят градусов с креном. И при этом цель ты из виду не теряешь и дальше работаешь по ней с пикирования. Точность стрельбы в этом случае резко увеличивается.

А я придумал с боевого разворота садиться. В горах пехота обычно сидит на высоких площадках. Ведь в горах так: кто выше, тот и хозяин положения. Заход и посадка на площадку обычно выполняются следующим образом: на удалении километра полтора-два плавно подгашиваешь скорость, плавно зависаешь и плавно садишься. Но чем медленней ты заходишь на посадку, чем больше висишь, тем дольше приходится находиться в зоне обстрела. Поэтому все и норовят зайти покруче и сесть покруче… А в случае посадки с боевого разворота идёшь по ущелью очень быстро, на скорости двести пятьдесят

километров. На такой-то скорости тебя только начали в прицел ловить, а ты уже ушёл... В определённый момент ты начинаешь делать боевой разворот, но не для того, чтобы ударить, а чтобы сесть. Тут мне пригодилось, что в училище я очень любил аэродинамику. Поэтому для каждого элемента разворота я высчитывал параметры: скорость, высота, крен, тангаж. А расчёты эти нужны, чтобы знать, в какой точке надо начать боевой разворот, чтобы он закончился посадкой точно на площадку. И такие расчёты мы выполнили для каждой площадки. Поэтому-то при заходе на площадку ни один вертолёт у нас не был атакован, хотя «духи» эти площадки давно вычислили и пристреляли.

Когда мы вернулись в родной полк на Дальний Восток, то устроили торжественное офицерское собрание по случаю благополучного возвращения из Чечни. И там наши жёны, да и мы вместе с ними, плакали от счастья, что, слава Богу, все до одного вернулись живыми. Именно это я и считаю для себя главной боевой наградой.

«ДОК»

Врачи спецподразделений делят с боевой группой всё: жажду и голод, зной и холод. Нередко, отложив перевязочные пакеты, они берут в руки оружие и сами вступают в бой. Их так же, как и всех, настигают вражеские пули, осколки гранат, мин и снарядов. Этот рассказ – о военном медике, который с честью исполнил свой врачебный и воинский долг в Афганистане, Таджикистане, Анголе и Чечне.

Полковник медицинской службы Владимир Олегович Сидельников в 1975 году закончил Военно-медицинский факультет при Саратовском медицинском институте, в 1979 году – интернатуру Туркестанского военного округа по специальности «хирургия», в 1986 году – двухгодичный курс 1-го факультета руководящего медицинского состава Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова.

В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию «Лечение обожженных в условиях горно-пустынной местности и жаркого климата Афганистана», а в 2003 году – докторскую диссертацию «Медицинская помощь обожжённым в локальных войнах и вооружённых конфликтах». Автор 206 научных работ, в том числе шести монографий. Научный руководитель четырёх защищённых кандидатских диссертаций.

Ветеран боевых действий в Анголе, Афганистане, Таджикистане, Чеченской Республике, Югославии. В Афганистане был дважды тяжело ранен. Участник первого (декабрь 1994 – январь 1995) и второго (декабрь 1999 – февраль 2000) штурмов Грозного. Награждён орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Мужества и другими правительственными и общественными наградами.

Рассказывает полковник Владимир Олегович Сидельников:

— Благодаря документальным и художественным фильмам ещё со времён Великой Отечественной войны в нашем восприятии существует довольно устоявшийся штамп, касающийся военных медиков: чаще всего это или врач-хирург в белом халате, склонившийся над раненым в госпитале, или героическая девушка-санинструктор, выносящая на себе с поля боя пострадавшего бойца. Но я могу со всей ответственностью сказать, что в реальной жизни иногда всё бывает значительно сложнее.

Я абсолютно уверен, что врачам спецподразделений необходимо проходить тщательный психологический и физический отбор. У них должна быть возможность тренироваться вместе с бойцами, узнавать ближе личный состав и набираться опыта ещё до того, как первые пули просвистят над головой. Врач боевого подразделения должен быть хорошо оснащён и экипирован, прекрасно подготовлен по специальности. Но самое главное: он должен чувствовать себя полноправным участником военной операции. И ещё он должен осознавать свою значимость, так как ему доверены жизнь и здоровье людей, идущих в бой.

Печально, но факт: до войны в Афганистане курсантов-медиков на военно-медицинских факультетах и в Военно-медицинской академии практически не готовили к реальным боевым условиям. Помню, сколько смеха и ядрёного сарказма вызывали у военной публики в Афганистане манипуляции нович-

ков-врачей с оружием, радиостанциями и так далее. Мне и моим товарищам уже на месте приходилось самостоятельно многому учиться у «обстрелянных» солдат и офицеров: владеть оружием, средствами связи, разбираться в тактике ведения боя, совершать марши по пересечённой местности, учиться подавлять в себе страх, голод, усталость. Ведь у войны свои реальные законы. И очень часто жизнь свою и пострадавших спасти врач может только одним способом — эффективно применить оружие. Порой кажется, что в бою фатальным оказывается слепой случай. Полностью этого отрицать нельзя. Но главное всё-таки — это степень готовности человека к возможным испытаниям. Закон войны прост и суров: если ты слаб и плохо подготовлен, то шансов на выживание у тебя крайне мало.

Огромное значение для военного врача имеет личное отношение к нему солдат и офицеров. И как много надо знать и уметь, чтобы заслужить (у офицеров очного, а у солдат — заочного) короткого и значимого обращения «док». Это наивысшая степень уважения. «Док» обычно немногословен, имеет несколько суровый вид; он таинственно умалчивает о своих медицинских премудростях и смел без «пижонства». И ещё он должен быть выносливым и уметь спокойно, без бравады, делать своё дело под огнём. Резким можно позволить себе быть только в случае крайней необходимости и обязательно к месту.

Бывало, что врач окончательно терял авторитет у солдат и офицеров, попадая в разряд «клистирных трубок», «истребителей мух» и так далее из-за неумения вписаться в

сложную боевую семью с очень непростыми внутренними отношениями. Законы жизни внутри спецподразделений жёстки и бескомпромиссны. Качества офицера обычно оцениваются личным составом за один-два боевых выхода. К врачу внимание у солдат всегда пристальное. А если солдаты взялись кого-то изучать, то – будьте спокойны! – изучат в лучшем виде! И в случае, если солдатская молва нелестно отозвалась о личностных качествах врача, поверьте, очень трудно будет впоследствии доказать обратное.

При общении на войне с солдатами необходимо учитывать, что они побывали в разных переделках и нервы у них на пределе. Но если конфликт между врачом и солдатом всё-таки произошёл, упаси его Бог сделать этот конфликт достоянием «офицерского собрания»... Порядок, конечно, наведут, всех поставят на место, но... Врач должен решать все конфликтные ситуации только сам, если хочет, чтобы его уважали и солдаты, и офицеры.

Врач, как «Отче наш», должен усвоить обязательные правила поведения в боевой обстановке. Правило первое: в бою – один командир, на него надо «замыкаться» во всём. Во время выдвижения идти надо «след в след» за впереди идущим, не разговаривать, внимательно следить за местностью и за людьми. Во время движения необходимо строго соблюдать определённое командиром место и никуда самовольно не перемещаться. Стараться не выбиваться из сил, идти ровным шагом, не семеня. Оружие должно быть готовым к бою, но обязательно поставлено на предохранитель. Снимать его с предохрани-

теля можно только по приказу или в условиях явной угрозы! Радиостанция должна быть готова к работе. При необходимости надо внимательно слушать эфир. На себе — ничего лишнего. Снаряжение должно быть подогнано так, чтобы ничего не мешало, обувь должна «сидеть» на ноге. И уж чего ни в коем случае нельзя делать, так это дать что-либо из своего медицинского скарба нести солдату, выполняющему свою собственную боевую задачу. Он, конечно, понесёт, но «доком» тебе уже не быть никогда.

По прибытии на место не высовываться, не курить, соблюдать тишину, не ослаблять внимания. Если группа занимает позиции, оставленные противником, то идти туда можно только после сапёров. Ни в коем случае нельзя произвольно передвигать или поднимать любые, даже самые безобидные на вид, предметы. Если в небе появляются наши самолёты или вертолёты, надо постараться залечь и вести себя скромно, не выказывая «родным соколам» бурной радости. Бережёного Бог бережёт.

Бой, как бы мы его себе ни представляли заранее и как бы ни готовились к нему, всегда настигает врасплох. Он подавляет своей простой и жуткой реальностью, парализует волю, вызывает леденящее чувство пустоты внутри и ощущение пульсирующего где-то у горла сердца, горечь во рту. Мир кажется нереальным: что-то грохочет, что-то пунктиром пролетает мимо лица, брызжет щебнем, каменной крошкой по одежде, лицу. Все чувства обостряются в ожидании главного и непоправимого. По-моему, в этом суть страха.

Все проходят через это. Крещение боем – как детская болезнь, которой необходимо переболеть. Но у каждого бойца процесс приобщения к реалиям войны проходит по-своему.

Кстати, солдаты и офицеры с большим сочувствием и пониманием относятся к банальным людским слабостям в бою, то бишь: бледность, дрожь, заикание, «земные поклоны» пролетающим «твёрдым телам». Всё это принимается с иронией и незлобивым подтруниванием: мол, сами такими были. Но свирепо, не по-уставному, воспринимаются постановки каких-то дурацких задач людям, которым уже поставлена боевая задача их собственным командиром, «отставание» от подразделения, попытка путешествия «куда не велено», враньё при докладе.

Задача врача в подразделении, ведущем бой, одна: оказание помощи раненым. И посему врача если и не холят (а кого холят?..), то, по крайней мере, всеми силами берегут. Толковый командир всегда врача подстраховывает. Часто он негласно поручает опекать доктора одному-двум старослужащим солдатам. Они постоянно держат «учёного» в поле зрения и за врача отвечают головой, прикрывая его в прямом и переносном смысле.

Оказание помощи раненому – это дело коллективное. Первое – обнаружить, второе – вынести, третье – оказать помощь, четвёртое – эвакуировать. Это безумно тяжёлая работа, требующая титанического напряжения. Трудно раненого обнаружить в горах, ещё труднее – его вынести.

Помню, как во время боевых действий в Рамитском ущелье под Душанбе в феврале

1993 года мы попали в засаду и были обстреляны с близкого расстояния. Капитан бригады армейского спецназа Сергей Лысанов получил сквозное огнестрельное пулевое ранение мягких тканей правого плеча, сопровождавшееся сильным кровотечением. В этот момент я лишился каблука на ботинке — его отбила пуля. Из-за этого на некоторое время я отвлёкся. Увидел я Лысанова только тогда, когда он, согнувшись пополам и держась за залитый, как мне показалось, кровью живот, бежал, не разбирая дороги, в сторону противника. Пули били в камни и, визжа, летели вертикально вверх. Головы просто было не поднять! За одним из валунов Лысанов залёг. Честно говоря, я думал, что он смертельно ранен. Ведь кое-какой опыт участия в боевых действиях я имел: Афганистан, Ферганская долина, Баку, Ошская область, события в Душанбе, «осенняя кампания» в Таджикистане в сентябре-ноябре 1992 года.

Минут через пять-десять наша группа оправилась от неожиданности. К тому же свои поддержали нас миномётным огнём. Стрельба «духов» заметно поутихла, и мне с майором Жорой Удовиченко удалось короткими бросками добраться до валуна, за которым залёг раненый. Но его там не было... Лысанов, хоть и получил тяжёлое ранение, оказался весьма скор на ноги и этим наверняка спас себе жизнь. Когда мы его обнаружили и оказали медицинскую помощь, он рассказал, как оказался впереди всех. Он подсознательно принял решение броситься в сторону противника в так называемое «мёртвое пространство», имитируя, что тя-

жело ранен в живот. Расчёт был правильный: «духи», видя, что зацепили Лысанова серьёзно, решили заняться пока нами, а его на время оставить в покое. Лысанов в «мёртвом пространстве» отполз на сто метров (!) в сторону, где мы его с великим трудом обнаружили, когда «духов» уже сбили с позиций.

Боевая работа

В моей афганской врачебной практике был эпизод, который я не могу забыть до сих пор. Вот как это было. Весной 1982 года «духи» раздолбали нашу колонну. Шестнадцать человек из десантно-штурмового батальона и автобата были ранены тяжело, то есть была реальная угроза для их жизни. У них были проникающие ранения в живот и в грудь, сопровождающиеся массивным кровотечением – внутренним и наружным. У многих были огнестрельные переломы костей конечностей. Оказывали мы им помощь в медицинской роте 66-й отдельной мотострелковой бригады, которая стояла в Шамархейле под Джелалабадом.

При поступлении раненых создали две одноврачебных бригады, которые перевязывали легкораненых, и кроме того – две двухврачебные хирургические бригады. Эти бригады оперировали тяжёлых. Работа шла одновременно на двух операционных столах и ещё на двух перевязочных столах. У меня к тому времени уже был двухлетний опыт реальной хирургической работы, в отличие от остальных ребят-хирургов, которые по замене приехали недавно. Поэтому как самый опытный хирург я оперировал самых тяжёлых.

До сих пор помню одного сержанта-десантника. У него было сквозное пулевое ранение в живот. Закончив оперировать тяжелораненого, перехожу от одного стола к другому и смотрю, как идут дела у коллег: вроде всё нормально… Подхожу к столу, где двое молодых хирургов оперируют сержанта. Кровотечение вроде остановили. Я уже успокоился, что всё, как надо, сделано. Через некоторое время смотрю: ребята что-то там всё ещё колдуют. Вижу: раненый у них какой-то не такой. Спрашиваю: «Что так долго? Ведь второй час уже пошёл…». Оказалось, что у сержанта ранение печени. Говорю: «Ребята, что же вы делаете? Ведь перебита печёночно-двенадцатиперстная связка!». А это связка, в которой проходит главный кровеносный сосуд, питающий печень. То есть они его практически на сухой печени оперировали.

И я — самодовольный идиот! — проходил мимо, смотрел… Как я мог это проглядеть? Ну, думаю, работают и работают…

Конечно, навсегда запомнились и те ребята, которых удавалось вытащить буквально с того света в почти безнадёжных ситуациях. Поступил к нам как-то раненый водитель одного из автомобильных батальонов. Наша колонна была обстреляна в районе поста «Байкал». Уж не знаю, по какой причине, но привезли его не в Кабул, а именно к нам. Помню, мы сидели, ужинали. Дело уже было к вечеру. Сигналит машина. Подхожу, смотрю: раненый водитель полулежит на сидении КАМАЗа, весь белый, как лист бумаги. Везли его часа полтора-два. Вокруг него суетятся разгорячённые бойцы в банда-

нах. Водитель был в полуобморочном состоянии: покрыт липким холодным потом, глаза закатились. Пульс нитевидный, за сто сорок ударов в минуту. Все признаки массивной внутрибрюшной кровопотери и геморрагического шока.

Говорю: «Бегом, зовите анестезиолога! Срочно на операционный стол!». Анестезиологом тогда у нас был майор Саша Мухин — классный специалист! Он мгновенно поставил подключичный катетер по Сельдингеру (пункция и катетеризация центральной вены для проведения инфузионной терапии. — Ред.), быстро заинтубировал раненого (интубация — введение особой трубки в трахею при сужениях, грозящих удушьем. — Ред.) и ввёл его в наркоз.

Делаю разрез — в животе жидкая кровь и сгустки! Пуля зашла парню в поясницу, каким-то очень хитрым образом проскочила так, что ранение получила только селезёнка и брызжейка ободочной кишки. Питающие сосуды, артерия и вены — всё было перебито. Естественно, кровь изливалась в брюшную полость. Мы собрали и реинфузировали ему около двух литров его же крови. Выполнил спленэктомию — удалил селезёнку. Затем ввёл ему зонд в желудок — поставил его на декомпрессию. Осушил и дренировал брюшную полость, наложил швы на рану. Сама операция закончена. Но основная борьба за жизнь водителя ещё впереди. Сейчас главная фигура — наш прекрасный реаниматолог Мухин. Только от его знаний, умения и таланта зависит теперь жизнь солдата. И он справился великолепно.

Лежал парень в отделении реанимации до утра на ИВЛ (искусственная вентиляция лёгких. – Ред.). Мы, честно сказать, думали, что шансов у него очень мало, может не вытянуть. Сочетание в совокупности очень нехорошее – тяжёлое ранение, тяжёлая операционная травма и массивная кровопотеря! И выглядел он, прямо надо сказать, неважно. Естественно, что для него мы брали ещё и донорскую кровь у так называемых «резервных доноров», солдат из бригады. Взяли где-то литр донорской крови, четыре флакона по двести пятьдесят граммов. Помногу мы у одного донора не брали. Во-первых, солдаты были обезвоженные, а во-вторых, им боевые задачи надо выполнять. Повезло ещё, что группа крови у него была достаточно распространённая – первая, резус-положительная.

Рано утром пошёл проведать его в отделение анестезиологии, реаниматологии и интенсивной терапии. Подхожу – а он глазами хлопает, пришёл в себя. Мы его с Сашей Мухиным экстубировали (удалили интубационную трубку из трахеи), он слабым голосом попросил пить. Появилась реальная надежда на спасение, но я всё ещё очень боялся за него. Ведь, как правило, массивная кровопотеря опасна развитием двух тяжелейших осложнений, чрезвычайно опасных для жизни раненого. Первое – так называемый синдром ДВС, при котором кровь у раненого не свёртывается, и буквально всё раневые поверхности интенсивно кровят! И второе – развитие острой почечной недостаточности.

Ему было очень тяжело: тяжёлое ранение, лишился селезёнки, потерял столько кро-

ви, да и живот ему, бедному, «распахали» здорово. Мы не угнетали его сознание намеренно — надо было оценить его состояние. Но наш чудо-анестезиолог делал ему программное и вполне адекватное его состоянию обезболивание и проводил интенсивную терапию. Слава Богу, миновали его и ДВС, и острая почечная недостаточность. Трое суток держали его у себя, стабилизировали, а потом — вертолётом в Кабул. Молодец, выздоровел! От армейского хирурга мы всё же получили нагоняй. Но так, больше для порядка. Он сам переживал и за раненого и за нас, дураков, — справимся ли?! Все армейские хирурги, с которыми мне в Афганистане пришлось работать, были замечательные люди. Это и Пётр Николаевич Зубарев, и Эдуард Владимирович Чернов, и Иван Данилович Косачёв. Великолепные хирурги, требовательные командиры и мудрые учителя!

В Афганистане не было таких массовых потерь, как в Чечне. Воевали очень грамотно, людей берегли на всех уровнях. По каждому раненому у нас была налажена чёткая обратная связь буквально на всех этапах, начиная с эвакуации с поля боя. Потом последовательно медицинская рота, гарнизонный госпиталь, 650-й армейский госпиталь, 340-й Ташкентский окружной военный клинический госпиталь. Когда раненого везут, очень важно знать характер ранения, истинную тяжесть его состояния, не развились ли в дороге какие-либо осложнения. В Кабуле для этих целей на аэродроме был специально развёрнут эвакуационный приёмник, в котором дежурили круглосуточно военные врачи.

Они должны были принимать, оценивать степень тяжести раненых и готовить их к доставке в 650-й армейский госпиталь.

В Афганистане руководством Военно-медицинской службы проводился очень серьёзный анализ медицинской помощи. Драли нас за промахи очень жёстко. Раза два в год проводились всеармейские конференции хирургов. Как правило — в Кабуле. Детально проводили анализ и разбор всех допущенных ошибок и недостатков в лечебно-диагностической работе. Разбирались по каждому гарнизону, по каждому отдельно взятому «учёному» и по каждому конкретному случаю.

Главный хирург ТуркВО Евгений Арсеньевич Волк при проведении конференции хирургов 40-й армии имел привычку, как только прозвучит в докладе армейского хирурга фамилиям очередного «выдающегося учёного Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане», тут же поднимать его с места пред ясные очи всей хирургической общественности. До сих пор помню своё ощущение холодка за воротом, когда Евгений Арсеньевич через свои очки посматривал в мою сторону. Это был не страх, а скорее стыд. А потому кто из нас как работает, знали все по публичным результатам трудов праведных. При этом интересовало не то, какие и кто имел в прошлом заслуги перед социалистической Родиной, а кто и — главное — как организовал у себя хирургическую работу, каковы осложнения и какова летальность. Исходя из поставленных перед нами задач раненый просто не имел права погибнуть во время эвакуации. А смерть на

хирургическом столе — это вообще был нонсенс. Была очень высокая «планка» качества оказания медицинской помощи.

А какие были собраны силы, какие выдающиеся личности в самом Кабуле!.. Лучших специалистов медицинской службы Вооружённых сил в кабульский госпиталь подбирали методом тщательного отбора. Каждый специалист там был уникальным в своём направлении. Мне запомнились многие: ведущий хирург госпиталя Владимир Михайлович Лагоша, травматолог Ярослав Степанович Кукуруз, уролог Коля Зыков! А чего стоил наш армейский нейрохирург Володя Орлов, выпускник кафедры нейрохирургии ВМедА им. С.М. Кирова, золотые руки! Если у кого ранение в голову и раненый нетранспортабелен, Володя — в вертолёт и немедленно летит к раненому в Файзабад, Джелалабад, Кундуз или ещё невесть куда и оперирует раненого на месте.

Особый разговор о начальнике медицинской службы 40-й армии, полковнике Цыганке́ Георгие Васильевиче! Это был настоящий организатор военного здравоохранения в Афганистане. Мудрый человек, обладатель энциклопедических знаний, одновременно проницательный и слегка ироничный командир. Мы его безумно боялись и сильно уважали. Он обладал феноменальной памятью и всех нас, хирургов, знал по именам. Его любимые слова: «Это только для вас — вас здесь много. А для меня вы — каждый отдельный!».

У армейского хирурга Чернова Эдуарда Александровича даже некое подобие формуляра было заведено на каждого врача. Он от-

слеживал, как Сидельников, иванов, петров, сидоров оперируют. Если во время его очередного прибытия в медицинскую роту или отдельный медицинский батальон внезапно поступал раненый, он моментально сам становился к операционному столу и работал, давая своеобразный «мастер-класс» молодым хирургам.

У нас в гарнизоне вера в военных медиков среди военнослужащих была абсолютная. Очень важная деталь — все должны быть уверены, что в медицинской роте сачков держать не будут. Как-то ко мне обратился «крупнокалиберный» политработник: «Положите к себе солдата, у него тонкая душевная организация, и его в роте по морде бьют». Я наотрез отказался: «Почему он должен лежать вместе с пострелянными-побитыми за Родину? Вы хотите, чтобы у меня тут конфликт начался? Есть клуб, вот пусть он там у вас лепит, выжигает или плакаты рисует». (Кстати, командир бригады в этом вопросе принял мою сторону.) — «Подождите, доктор, но вы же клятву Гиппократа давали, вы же гуманный человек! У него психологический срыв!». Говорю: «Клятву давал. Но при чём здесь клятва Гиппократа? У меня здесь не богоугодное заведение, а я не Земляника из «Ревизора». Это же вы — людоведы и ловцы душ человеческих! Вот вы его психологически и реабилитируйте!». Так потом и случилось: клуб у нас превратился в спецприёмник для таких «узников совести». Они там плакаты рисовали, афганскую гальку белой краской красили. Короче, занимались общественно-полезными делами...

Но был у меня один случай, когда я всё-таки пошёл парню навстречу. Привозят ко мне бойца с непроходимостью кишечника. Уже в вертолёте, когда группа направлялась выполнять задачу, у него начались резкие боли в животе. Он не был ранен, не было у него никакой травмы, а начинает вдруг корчиться от боли. У всех мысль – ага, ваньку валяет, «косит». Вертушка возвращается на базу, задача сорвана, парня привозят ко мне в медроту. Я его осмотрел, поставил диагноз: «кишечная непроходимость». Сделал всё, что в таких случаях положено врачу делать. Дело оказалось в том, что до этого на каком-то блокпосту ему «обломился» ящик винограда. Он в охотку и «приговорил» килограмма три вместе с кожурой и косточками. Вот у него живот и раздуло, да ещё с диким болевым синдромом. Тут всё по-честному!

Когда дела у него пошли на поправку, этот боец меня спрашивает: «Товарищ капитан, а от этого вообще-то умирают?». Отвечаю: «Конечно, умирают. Если не лечить, начнётся перитонит и так далее...». – «Значит, и я мог умереть?». Но тут ловлю себя на мысли, что начинаю играть по его правилам игры, и он мне задаёт эти вопросы не просто так. Ведь завтра в роте ему надо будет объяснять боевому сообществу что да как, и почему его не оперировали. Я ему говорю: «Да, друг мой Саша, ведь завтра тебе в роту родную?». И попал в точку: «Да, товарищ капитан, даже не знаю, что будет». Говорю: «Ладно, подсоблю тебе». И действительно, написал, написал, написал... И он у меня недельку «лечился». Но это было лечение тру-

дом: он мыл, убирал, стирал, таскал. Делал это с радостью, потому что алиби ему было обеспечено. Хотя живот у него болел законно, по-настоящему.

И вот ещё что: врач на войне плюс ко всему прочему не должен быть трусом. Лев Николаевич Толстой в своём рассказе «Набег» словами одного из героев даёт такое определение храбрости: «Храбрый тот, который ведёт себя как следует. <...> Место своё знает». Но «место своё знать» — не значит, что ты должен идти, как идиот — никуда не смотреть и ни о чём не думать, подобно Василию Алибабаевичу из фильма «Джентльмены удачи»: «Все бежали, и я бежал». Надо понимать, что во время боевого выхода, находясь по боевому расписанию рядом с командиром, а точнее, с этой «сладкой парочкой» — командиром и его радиотелефонистом — ты находишься возле источника информации. Грузить командира вопросами нельзя: он руководит боем. Но разумный вопрос, касающийся твоей службы, всегда уместен.

К врачу те люди, которые с ним вместе шли в бой, всегда относились изумительно. Это естественно, потому что все на равных под Богом ходили. Помню, как-то офицерам говорю: «Слушайте, ребята, если меня вдруг зацепит, туда попадёт, сюда попадёт, то делайте вот так, вот так...». Они: «Док, мы тебя промедолом (обезболивающее средство. — Ред.) уколем, а ты уж потом сам руководи, что нам с тобой делать».

Военный медик обязан уметь организовывать оказание медицинской помощи при раз-

личных видах боя. Это и при разведывательно-поисковых действиях, и при следовании маршем, и при совершении обходных маневров, и при наступлении-отступлении. Врач должен быть профессионально подготовлен и как военный: знать основы военной тактики, топографии, уметь пользоваться картой и ориентироваться на местности. Он должен знать штатные средства радиосвязи, чтобы быть в курсе, какая сложилась обстановка, кто под каким позывным действует, на каком направлении. Разумеется, гражданские врачи ничего этого не знают, даже если они проходили военную подготовку в мединституте на кафедре ОТМС (организация и тактика медицинской службы. — Ред.).

Особенно остро эта проблема встала в перестроечное время. Тогда эти «перестроечные» дети приходили служить на два года примерно с таким настроением: «Нам это не надо. В армии все дураки. Мы здесь два года тупо отсидим, а если вам надо, — вы и делайте». Я тогда был уже в звании повыше, и воспитание лейтенантов и старших лейтенантов в рамках дозволенного проводил «огнём, штыком и прикладом». У нас эти методы воспитания особо не афишировались. Но это был спецназ, тут не до сантиментов…

И плюс ко всему врач в спецназе должен соответствовать физическому уровню солдат, которые вместе с ним служат. Ведь он ещё и офицер. А солдаты наши к войне были хорошо готовы практически все. Приходили они из учебных полков спецназа, которые стояли в Чирчике и Печорах. Механиков-водителей и наводчиков присылали из Теджена, из

учебной мотострелковой дивизии. И за всё время службы в Афганистане я не видел там ни одного психологического срыва (это когда солдату снятся кошмары, когда он рыдает и стенает, хватается за оружие и ведёт себя неадекватно).

А то, что народ это был крепкий физически и психологически, хорошо видно, например, из случая с моим санинструктором Виктором Тумановым. Помню, мы продвигались вверх по склону горы, где на вершине засели «духи». Наши вертолёты сильным огнём их с этой вершины сбили. «Духи» свои окопы бросили и отползли зализывать раны. Вплотную подходим к их земляным укреплениям. Не успел я сказать: «Ты куда, Туман?», как он в окоп спрыгнул и — ба-бах!.. Взрыв!..

Я за ним туда метнулся. Вижу — у него полстопы оторвало. Сидит белый весь, от озноба зубами стучит... Я жгут, повязку начал накладывать, промедол ему вколол. И вдруг он начинает смеяться. Я тогда подумал, что он, наверное, умом тронулся. Начал голову ему ощупывать — может, ранен? Спрашиваю: «Ты чего смеёшься?». А он отвечает: «Знаете, товарищ капитан, плохо, конечно, что ногу оторвало. Но хорошо, что мало оторвало!». Он же санинструктор — сидит себе и рассматривает свою несчастную ногу! Стопу то вправо, то влево повернёт. Парень стальной. Интересно, где он сейчас?

Быть готовым психологически к разным casus belli (лат. — военным случаям. — Ред.) вообще-то учили. Но это не было занятиями в прямом смысле слова. Обычно в курилке собирались солдаты, и, как правило,

какой-нибудь прапорщик, тёртый, бывалый, начинал рассказывать истории. А потом эти истории детально обсуждались. И это вот человеческое общение и формировало линию поведения солдата. Ведь разбор боевых действий у командира — кто как себя вёл в бою — это официальная сторона дела. А потом начинался разбор полётов уже неформальный, который нередко заканчивался очень жёсткими воспитательными мерами. И многие уже на себе почувствовали, что значит не вести наблюдение в своём секторе, что значит зазеваться и не увидеть сигнальной ракеты или запустить её слишком низко. Люди прекрасно понимали, что на боевом выходе каждый боец — это один винтик огромного общего механизма, который должен работать чётко и слаженно.

Мне до сих пор кажется, что психологический портрет бойца спецназа или десантника в Афгане можно определить таким словом, которое они сами там придумали и использовали: «рэкс». Помотается так вот три-четыре месяца на боевых выходах человек — и становится «рэксом». Здорово при этом закалялся характер, появлялись терпение и выдержка. И если, например, пить очень хочет, воды не попросит, терпит. Рациональным таким становится, рачительным. Причём это не зависело ни от национальности, ни от вероисповедания, ни от уровня образования.

У меня поначалу слабость была такая: как же удержаться и в противника не стрельнуть, ежели весь оружием обвешан. Этим грешили почти все. По поводу и без повода бывало ствол высунешь и начинаешь куда-

то молотить. У меня это быстро прошло, и вот почему. Когда во время первого выхода я помолотил таким образом, то майор Володя Ступак, командир 83-го отдельного десантно-штурмового батальона, отвёл меня тактично в сторону и говорит: «Брат, лучше ты нам поручи заниматься этим делом. Мы уж не подкачаем. Тебе за нас стыдно не будет. Вот, мил человек, ты бы часом не подкачал, чтобы нам за тебя стыдно не было!». Передаю не дословно, но по смыслу верно. Всё культурно, всё нормально, но предельно жёстко. Он не хотел меня унижать, а хотел, чтобы я понял: «Когда припрут, брат, я первый тебе скажу: всё, без тебя никуда, без тебя Родина в опасности».

В рассказах отдельных докторов, реально в боевых действиях не участвовавших, иногда можно услышать: «Дело прошлое, но помню, как сейчас: как-то раз взял я автомат и в горы смотался на войну...». Что значит «смотался»? Это что, пионерлагерь, что ли? Собрался, взял котомку и пошёл?.. Ведь перед любой боевой операцией создавался боевой приказ. В него включаются все должностные лица с фамилиями, указанием конкретных задач. Начальник медицинской службы бригады на совещании у начальника разведки или у командира бригады согласовывает порядок медицинского обеспечения. Где, кто, как и что обеспечивает, в каком порядке и каким образом будут осуществляться вывоз-вынос и транспортировка раненых, — всё направлено на то, чтобы оказать качественную медицинскую помощь, спасти человека. В Афганистане было глав-

ным это! Поэтому просто по воле сердечного порыва «смотаться» в рейд или на боевую операцию — это вообще немыслимое дело, это из области научной фантастики. Во всяком случае, в той части или соединении, где был порядок. А в боевых частях в Афгане порядок был железный.

Если ты остаёшься на «базе», в пункте постоянной дислокации, то тоже не до расслабонов. В любой момент ведь могут поступить раненые или больные. Командование постоянно должно знать, где ты находишься и чем занимаешься. И как только кому-нибудь в головушку приходила шальная мысль съездить в город на рынок, к вертолётчикам в баню или просто искупаться, по закону подлости обязательно что-то происходило или именно в этот момент, например, раненый поступал. Поэтому мы были всегда в тонусе.

В пункте постоянной дислокации случалось всякое: кто-то кому-то по морде двинул, кто-то что-то нарушил. Жизнь есть жизнь. И на выходе дедовщина была. Конечно, была. Но только она носила характер, противоположный нынешнему. Наказывали? Конечно, наказывали. Но за то, например, что боец уснул на посту. Я не только не раз это видел, но и сам говорил «военным воспитателям»: «Вы там, ребята, поосторожней!». А они в ответ: «Товарищ капитан, ну как же, когда он, гад такой…». Ведь если часовой заснул на посту, то «духи» не только его могут убить, он же ещё и всех других тогда подведёт.

Официально ко многим ситуациям нас не готовили. Самая главная и иезуитская по своей

сути, но очень советская фраза, звучала так: «Действуйте по обстановке». Давайте вспомним апофеоз коммунистического гражданского мужества, выраженный в словах из известной песни: «Если кто-то кое-где у нас порой...». В этом предложении заключена вся сущность таких ситуаций: два пишем, три — в уме.

Никаких особых критериев для ведения контрпартизанских действий у нас не было. Кого считать военным, а кого — гражданским? Брать в плен или не брать? Но ведь формула: «Пленных не брать» — это оскал империализма. Поэтому почти всегда выбирали страусиную политику — делать вид, что ничего этого нет. Правда, в военной разведке этот вопрос был реально отработан ещё во время Великой Отечественной. Для разведчиков нет пленных. Есть только «языки», которые живут ровно столько, сколько они говорят.

Конечно, не всё в наших внутренних взаимоотношениях было гладко. Вспоминаю, например, как-то однажды ехали мы куда-то на моём родном «Варяге» — бэтээрдэ № 683 (БТР-Д. Бронетранспортёр десантный. — Ред.). Ко мне на броню подсел капитан Костенко из десантно-штурмового батальона.

Водителю приходилось подавать команды следующим способом: один раз ногой по левому плечу — значит, налево, по правому — направо; два раза — стой. Вообще-то полагается подавать команды голосом через внутреннюю связь. Но для этого надо надеть шлемофон. Но в этой штуке ты становишься глухим — ничего не слышишь или слышишь

плохо. Да и не любил я этот шлемофон. Когда на голове ничего нет — легко, удобно, ты всё слышишь и ориентируешься…

И вдруг этот Костенко вмешался и сам начал командовать механику-водителю: «Эй ты, чурка, налево, направо!». А парень был казах, мы звали его Коля (Кольжан Негимбаев). Он к такому обращению не привык; посмотрел на Костенко удивлённо, в глазах его при этом вспыхнул злой огонёк. Чувствую, сейчас Кольжан взорвётся. Парень был из шахтёрской семьи, из Усть-Каменогорска. Так что такой мог. И вдобавок Костенко Кольжана — раз!.. — пихнул ботинком прямо в лицо! Я: «Ты что, скотина, себе тут позволяешь? Кто тебе дал право солдата трогать?». Костенко нарушил все наши внутренние писаные и неписаные законы. Он оскорбил подчинённого в присутствии его командира, да ещё и ни за что.

Костенко завёлся: «Ах ты, сволочь! А ну пошли!..». Мы спрыгнули на землю, автоматы остались на броне. Тут он… нож достал: «Ну всё, «клизма», тебе конец». Хватает меня за грудки. Он был из морской пехоты — здоровый, как танк! Мне деваться было некуда. Солдатик смотрел на нас во все глаза. Я понял, что катастрофически «теряю лицо». У меня слева внутри десантной куртки был пээм (ПМ, пистолет Макарова. — Ред.). Плохо соображая, я выхватил пистолет и ткнул им ему в живот: «Ну, давай попробуй порежь, рейнджер!». Он как-то от неожиданности отскочил от меня и быстро свёл всё к шутке. Разумеется, дальше он поехал уже на другой машине… И до сих пор помню вос-

торженно-благодарный взгляд Негимбаева, за которого я, его командир, таким образом заступился и восстановил его честь и достоинство. Мой рейтинг пошёл вверх…

Надо сказать, что кончил Костенко очень плохо. В 1992 году он поехал в Приднестровье. Но под предлогом борьбы за независимость просто занялся обычным разбоем. В конце концов он так достал приднестровскую публику, что его грохнули и сожгли в машине.

Ранение

Во время боевых выходов я был дважды серьёзно ранен. Но особенно хорошо запомнился день 9 августа 1982 года, когда меня действительно здорово зацепило. Стояли мы тогда в Сурхруде. Где-то что-то надо было блокировать, засада какая-то была. Я, как и положено, находился на броне рядом с командиром батальона. Тут вдруг начинается стрельба… Командир говорит: «Док, двигай в кишлак, есть работёнка. Там на месте сам разберись».

Сажусь с фельдшером Колей на родной 683-й. Подлетаю к кишлаку и вижу: несут солдата. Выясняется: когда он находился на крыше дома, кому-то из наших что-то показалось, и они его случайно обстреляли. Он с этой крыши со страху загремел и сильно ушибся. Ничего серьёзного. Только я начал его в машину укладывать, как слышу характерный шуршащий звук. Бум!.. Это нас из миномёта накрыли. Хорошо, не зацепило никого. Командир взвода заорал во весь голос: «Давайте, отъезжайте быстрей!». Мы и поехали.

Тут метрах в ста пятидесяти от дороги, на горе, я заметил «духов», которые перебегали от камня к камню. Они здорово маскировались — в покрывала замотаны были. Сядет «дух» в таком покрывале рядом с валуном — ну точь-в-точь камень, почти не видно его. Разглядел, как несколько таких же фигур на фоне камушков перемещаются. Потом слышу — пи-ии-у... Это пули просвистели. Я говорю водителю: «Коля, проскочим?». Он: «Товарищ капитан, нас сразу же из граника (гранатомёта. — Ред.) долбанут. Давайте подождём, пока рота подойдёт».

Связываюсь с командиром. Он меня спрашивает, что с раненым. Говорю: «Всё в порядке, ничего страшного». — «Вертушка нужна?». — «Нужна». Командир обрадовался. Ведь если мы вызываем вертушки, то — всё, уходим.

«Духи» стали быстро обходить нас справа по горе. Понимаю, что ждать больше нельзя... Кричу водителю: «Коля, вперёд!». И он так рванул!..

Вдруг — ба-ам!.. Я сначала не понял ничего. Смотрю, у меня что-то потекло по ноге в левый ботинок. Чувствую — захлюпало. Думаю: «О-о-па, приехал!..». Тут водитель: «Товарищ капитан, что с вами?». — «Зацепило меня». — «Я осторожно, на первой поеду». — «Коля, гони!». И чувствую, во рту горечь появилась. Что-то мне плохо стало: перед глазами круги пошли. Правда, боли не было. Боль пришла потом. Сначала было такое ощущение, что я ногу отсидел. Сперва на стопе, потом на подошве пошли иголочки. Какой-то страх-не-страх появился, а мысль:

что там, под маскхалатом? Вдруг совсем уже разнесло?..

Едем дальше. Чувствую, меня затошнило и стало совсем плохо, навалилась боль адская. На броне лежал чей-то забытый эрдэ (РД-54. Рюкзак десантника. – Ред.). В рюкзаке было специальное металлическое зеркальце. Солдаты «зайчиков» им пускали, когда надо было сигнал подать. Я его открыл и себя увидел: белые глаза, и сквозь пыль проступает абсолютно белое лицо. Было сложное чувство: как будто бледность моя отдельно, а пыль – отдельно. Жара, а мне холодно – самый настоящий шок. У меня упало давление, появились головокружение, слабость, тахикардия... Ведь кровищи с меня налилось – ого-го!.. Встаю – а у меня вся левая штанина маскхалата, от бедра до берца, как в кровавом киселе. Кровопотеря была приличная. Я начал сам себя перевязывать. Когда до комбата доехали, Володя Ступак меня спрашивает: «Вовка, сильно тебя зацепило?». Я – краше в гроб кладут – отвечаю ему с бравадой: «Да нет, ерунда...». Володя выразительно постучал себя пальцем у виска, давая понять, что оценил по достоинству мой «бравый» ответ. Так мои геройские подвиги во время этого выхода и закончились. Загрузили меня в вертолёт и отправили в Кабульский госпиталь, а оттуда – в Ташкент. Там я «весело и интересно» провёл два с половиной месяца. Но, слава Богу, с ногой всё обошлось благополучно.

Плен

Тема плена для многих военных — табу. Но всё же расскажу, так как я на своей шкуре испытал весь ужас этого кошмарного состояния.

Ничего не предвещало такого жуткого финала. Была стандартная ситуация — разведывательно-поисковые действия в районе кишлака Алихейль провинции Нанганхар. Это населённый пункт в низине, недалеко от границы с Пакистаном. Утром, около семи часов, нас высадили с вертолётов. С нами были сапёры и авианаводчики. Задача, по сути, была поставлена довольно обычная: мы блокируем населённый пункт, а хадовцы (ХАД. Афганская контрразведка. — Ред.) выполняют свои задачи уже в самом кишлаке. Наши позиции — на горах, откуда мы ходовцев и прикрываем. Около двенадцати часов дня к этому месту должен был подойти батальон 66-й мотострелковой бригады из Джелалабада и уже осуществлять дальнейшие действия. То есть выполнение нашей задачи должно было занять по времени часов пять — с семи утра приблизительно до двенадцати дня.

Со мной были фельдшер-прапорщик, прекрасный парень Виктор Страмцов (он через несколько месяцев погиб), и двое санинструкторов. Никаких «масштабных боевых деяний» не предполагалось, поэтому мы взяли всё по минимуму. Из медикаментов с собой — только то, что в дэвэ (ДВ. Десантно-врачебная сумка. — Ред.).

Всё шло чин-чинарём. В двенадцать часов, как и положено, с лязгом и грохотом

прибыла 66-я бригада на танках и бээмпэ. До этого времени из кишлака — ни одного выстрела. Всё спокойно, всё тихо. В кишлак ушли хадовцы и ещё какие-то народные мстители — в гражданском, но с оружием. Потом они стали возвращаться. Как позже выяснилось, возвращались хадовцы уже с «духами» — в кишлаке они снюхались и решали уже какие-то свои афганские вопросы, которые корень имели один: купи-продай. За время пребывания в Афганистане я убедился, что первое, что хадовцы искали при обысках, было не оружие. Они сначала узлы добром набивали. Бакшишники! И относился я к ним поэтому соответственно. Хотя, если быть честным, и у наших иногда эта купля-продажа тоже имела место.

Вдруг в двенадцать часов один из наших танков как саданёт по кишлаку!.. И тут началось! Никто ничего понять не может! Ведь как обычно русские воюют? Прямой связи с бронёй нет. Мы сидим на одном диапазоне, они — на другом. Кто-то вызвал вертолёты. Прилетели несколько пар двадцатьчетвёрок (МИ-24. Ударный вертолёт. — Ред.). Нанесли удар. Сначала врезали по горам, потом по окраине кишлака бабахнули. И эта катавасия продолжалась примерно до двух часов дня.

Вдруг нам поступает команда — спускаться с горы и идти вниз, к кишлаку. Но это уже вообще не свойственная нам задача! Тем более рядом стоит целый батальон пехоты, который приехал на броне. Но вроде бы кто-то из Кабула сказал, что в кишлаке будет для нас что-то интересное.

Командир принимает решение отправить вниз одну группу. Бойцы компактно, не рассредоточиваясь, идут к центру кишлака. Там находится небольшая площадь, в центре — мечеть. По связи бойцы сообщают — всё тихо, нормально, никого не наблюдаем, движения нет, народа в кишлаке нет. И им дают команду вернуться.

Но тут вдруг командир группы докладывает: «У меня нет одного солдата». И как раз в этот момент началась неплотная автоматная стрельба. Мне командир роты говорит: «Володя, сходи, посмотри. А вдруг кого-то из наших зацепило?». И бойцы опять же по рации докладывают, что они как будто кровь на земле увидели.

Вот так я в кишлак и попал. Вите Страмцову говорю: «Ты остаёшься здесь за старшего, никуда не суйся». Сумку свою медицинскую взял, ещё несколько перевязочных пакетов, жгуты для остановки крови. Думаю: «Если что, так мы раненого наскоро перевяжем и до своих быстро дотащим. Потом вертолёты вызовем да отправим в госпиталь».

Моя ошибка была в том, я не заметил, как те двое солдат, которые должны были меня сопровождать, ушли вперёд. И на каком-то этапе они свернули куда-то, и я остался один! С собой у меня был апэээс (АПС, автоматический пистолет Стечкина. — Ред.) и сто патронов к нему. Был акаэмэс (АКМС, автомат Калашникова модернизированный. — Ред.) калибра 7,62 с шестью магазинами и ещё несколько гранат. То есть вооружён я был по полной программе. Но шёл-то я не воевать, а посмотреть, что

там случилось. Ещё думал автомат оставить!..

Это сейчас я понимаю, что я сам куда-то не туда свернул. Увидел перед собой глинобитный свод какой-то и дверь в виде лаза высотой метра полтора. Наклонился – и тут же получил по башке. Дальше – темнота... Оказалось, что меня сбоку по голове ударили прикладом «бура» (английская десятизарядная винтовка «Ли Энфильд» образца конца XIX века. – Ред.) с металлической накладкой.

Прихожу в сознание – сижу связанный зелёной капроновой верёвкой по рукам и ногам. Причём руки, видно, были с такой силой закручены, что стали фиолетового цвета. Чувствую – вот-вот кожа лопнет! Вокруг человек пять пожилых людей и один пацанёнок – у него борода ещё не росла. Одеты все в гражданские пиджаки, широкие штаны, рубашки длинные из-под пиджаков торчат. А поверх пиджаков – «разгрузки» китайские с магазинами автоматными и гранатами. У всех автоматы Калашникова калибра 7,62. Автомат мой забрали, а пистолет вообще ходил у них по рукам. Они из-за него чуть не подрались. Медицинскую сумку раздербанили...

Я в то время по-афгански кое-что понимал и услышал, что в разговоре меня назвали доктором, «шефокором» (согласитесь, что догадаться было несложно: глупо, не будучи доктором, носить медицинскую сумку!). Они о чём-то меня спрашивали, а я делал вид, что не понимаю. А сам в это время лихорадочно соображал: как мне быть дальше? В это время как раз налетели вертолёты и начали

обрабатывать горы. И… потом наступила тишина! У меня возникло ощущение, что больше меня уже не ищут…

На самом деле искали, и ещё как! Как только поняли, что я не вернулся обратно, сразу доложили на цэбэу (ЦБУ. Центр боевого управления. — Ред.), что доктор пропал. Всех пехотинцев с брони сняли, они окружили кишлак и пошли концентрическими кругами к центру. Лужу крови, которая натекла у меня с головы, наши обнаружили, кепку мою нашли. А меня самого — нет. Когда часам к шести-семи вечера наступила тьма египетская (это же горы!), поиски прекратили.

А утром я понял, что наступил для меня конец. Я испытал какой-то дикий, кошмарный, липкий ужас от того, что меня больше никто не ищет и никому я не нужен! Это самое страшное чувство, какое только может быть в такой ситуации, — ты совершенно один! Почему-то с самого детства я боялся, что меня запишут в предатели. Этот страх у нас на каком-то генетическом уровне в подсознании сидит со времён Лаврентия Павловича. А вторая мысль — будут искать, напорются на «духов», наверняка будет бой. Будут раненые и убитые с нашей стороны. Думаю: «Из-за меня, дуролома, кто-нибудь жизнь потеряет или здоровье». Это вторая волна переживаний. Затем третья, потом всё вместе… Потом думаю: как же жить дальше? В Академию хотел поступить, теперь хрен получится!

Но духи меня быстро из этого состояния вывели, когда потащили с собой. Ага, думаю, если они меня тащат, значит, убивать не бу-

дут. Хотя я допускал такую мысль, что если сейчас наши «духов» заметят и кого-нибудь завалят, то меня сразу грохнут. Чтобы уходить было удобней. Так что, точно, быть мне так и так убитым — застреленным или с перерезанным горлом. Вот примерно сумятица тех чувств, что мной овладели.

Во время привала ко мне пришёл «дух», который разговаривал по-русски. Он начал задавать вопросы — кто я? Говорил на очень плохом русском, но понять его было можно. Воевали мы без знаков различия, «песочка» (полевая форма песочного цвета. — Ред.) у всех одинаковая. Он спрашивает: «Командор?» — «Командор». — «Сколько, куда, где, Джелалабод?». — «Джалалобод». Вот на таком уровне я с ним и разговаривал. Другой «дух» говорит: «Пичкари нист». Это означает — резать не будем. Я отвечаю: «Хуб». Это значит: ну хорошо. Мой ответ их очень развеселил, они засмеялись.

Но когда вертолёты прилетели во второй раз и саданули по ним, я понял, что шутки кончились. Меня хорошо пнули пару раз по рёбрам и двинули автоматом в спину!.. Именно в этот момент все мои радужные надежды на всё хорошее в плену испарились без следа. И тут же перед глазами снова возникла страшная картина: вот сейчас меня убьют, завалят камнями — и всё!.. И не будет больше меня вместе с моим богатым внутренним миром. Я в душе к смерти уже приготовился. То, что я перечувствовал тогда, — ужасно...

Потом они меня куда-то снова повели. Как мне показалось, шли долго. К утру я услышал, как играет музыка, женщины раз-

говаривают, пахнет дымом и гавкают собаки. Это верный признак, что рядом населённый кишлак. «Духи» сели у костра, кто-то с кем-то ссорился. Потом была какая-то разборка: они друг на друга накидывались и орали страшно. И тут меня потащили по земле к дому около кладбища. У афганцев могилы — это небольшие холмики с парой камней в голове и в ногах покойного. Ни надписи, ничего больше. Когда они меня ещё только поволокли в сторону кладбища, я снова подумал: «Ну вот, сейчас они меня в башку стрельнут, в «земотдел» спустят, и всё». Обнадёживало то, что мне оставили ботинки, никто их с меня не снимал. На мне остался, как это ни странно, разгрузочный «лифчик», только они из него всё вытащили. Оставили мне офицерский ремень, «песочку». А кепку я потерял, когда по башке прикладом получил…

В доме в земляном полу была круглая дыра метра полтора в диаметре. Из неё несло жутким трупным запахом. Меня в эту дыру и бросили. Причём летел я с ощущением, что меня убивают: ведь кидали-то они меня вниз головой! Как я не разбился насмерть, до сих пор понять не могу. Ведь яма была глубиной метра три.

Приземлился я больно. Но не на голову, перекатился как-то. На дне ямы было какое-то невыносимо зловонное месиво, а в углу сидел труп… В темноте я на него натолкнулся, а потом уже разглядел, что он старый, находится здесь не меньше полугода. И ещё вокруг стоял такой звон! Я даже не сразу понял — отчего! Оказалось, что я разбудил мух,

когда бухнулся в то, что было на дне ямы. И ещё полчаса стояло такое гудение! Потом они затихли, но стало ещё хуже — мухи всего меня облепили. Я попытался лицо закрыть руками, но помогало это мало. Вот в этот момент я подумал, что, наверное, так выглядит ад. Вот в этой жуткой яме я в Господа Бога и уверовал. Как я Ему молился!..

То, что поместили меня в эту яму с какой-то целью, я понял сразу. Это, скорее всего, был способ психологически сломить человека. Внутренне я одурел от всего этого так, что ай да ну! Думал и о том, что даже если останусь жив, как же сложится моя дальнейшая судьба, как это на мне отразится. С другой стороны, меня терзал вопрос: как я в такой ситуации вообще могу остаться живым.

Уверенность, что меня ищут, не покидала меня всё это время. А вот надежды на спасение у меня никакой не было. Тем более рядом со мной находился мой молчаливый визави, который всем своим видом свидетельствовал о бренности всего сущего.

И все эти мысли в уме крутились беспрерывно. А что если они меня будут допрашивать с пристрастием — пытать, проще говоря? То, что от боли, от страха я буду им врать, а не правду говорить, это однозначно. Ведь проверить меня они не могут, как не смогут сразу и отличить правду от лжи. Но то, что они, помучив, меня убьют, сомнений нет. Самостоятельно после такого допроса я уже передвигаться бы не смог. А на руках меня тащить — какой им смысл?

А на следующий день утром началась страшная война! Когда пошла стрельба и за-

гудели вертолёты, я понял, что это по мою душу! Какое-то время сидел и думал: когда же кто-нибудь из «духов» мне гранату сюда кинет? Но, на моё счастье, «духам» было просто не до меня. Как потом выяснилось, они вышли в свой базовый район, который находился очень недалеко от кишлака, и по радиостанции, идиоты, доложили, что у них пленный офицер. Наша служба радиоперехвата эти переговоры засекла и мгновенно их вычислила!

Помню — крутятся вертушки, вертушки, вертушки!.. А недалеко от ямы стояла зенитная пулемётная установка «духовская», СГУ калибра 14,5 мм. Она по вертолётам палила, палила, но в конце концов её всё-таки накрыли. Потом раздался какой-то крик, короткие очереди!.. И сверху от края ямы на меня глянуло родное славянское лицо!!!

В кишлаке нашли меня очень просто: пленных «духов» взяли в оборот так, что они сразу показали, где я сижу.

К этому времени я находился в Афганистане два года и был уже воробей стреляный. У меня уже был орден Красной Звезды. Но думаю, что если бы меня взяли в плен в начале войны, то я бы испугался меньше. Просто за эти два года я насмотрелся, что творили «духи» с нашими пленными. Я уже чётко знал, что война в Афганистане — это не шуточки.

Психологических последствий плена, как это ни странно, у меня не было. Иногда мне мои коллеги говорят про какие-то боевые стрессы. А я им всегда отвечаю: «При правильном профессиональном отборе никаких

боевых стрессов быть не может. Просто не надо брать в армию хлюпиков». Я не утверждаю, что я тогда был весь из кремня и стали. Конечно, умирать мне очень не хотелось. Но внутренне к этому я был готов. Во-первых, я уже видел, как люди погибают. А во-вторых, если я иду на боевой выход, то это не пионерский поход за тюльпанами. Мы идём воевать. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Бой у мечети

Один бой я не забуду никогда. На это есть несколько причин. В этом бою на моих глазах погиб мой друг, старший лейтенант Миша Румянцев, погибли бойцы Андрей Голендухин и Иван Харчук, который умер прямо у меня на руках. Но самое страшное не это. Я хочу рассказать обо всём по порядку, чтобы даже мельчайшие детали этого жуткого боя остались в памяти не только у меня.

14 февраля 1983 года рано утром нас срочно погрузили в несколько вертолётов, и мы вылетели в направлении населённого пункта Картатут, Улусвали Ачин, провинции Нанганхар... Тут бойцы спрашивают: «Где Сорокин?». — «Нет Сорокина». А Сорокин — это командир группы (командир минометного взвода 1-й десантно-штурмовой роты), с которой я должен лететь. Оказалось, что в спешке он сел в другой вертолёт, и я оказался единственным офицером на борту. Спрашиваю командира экипажа, Володю Авдеева: «В каком вертолёте Сорокин? Вы парами работаете?». — «Какими парами!.. Вас надо довезти да высадить. Карта-то у тебя

хоть есть?». А карта — у командира, то есть у Сорокина. Ведь моё место по боевому расписанию — рядом с командиром роты, в шаге от него. И не должен я никуда ни шагать, ни бегать, а обязан быть всё время рядом с ним. Поэтому мне карта ни к чему. Правда, задачу отряда в общих чертах я знал. Но конкретную задачу для группы ставили Вите Сорокину.

Летим. Высота метров пятнадцать. Прямо под нами мелькают деревья, дувалы... И вдруг я вижу красные «духовские» трассера (трассирующие пули, оставляющие при полёте видимый след. — Ред.), которые густо летят в нашу сторону!.. У нас трассера были зелёные, то есть это был явно огонь противника. Потом раздалось несколько ударов, как будто палкой шарахнули по пустой бочке. Бум, бум, бум... Это были попадания по хвостовой балке нашего вертолёта. Борттехник сорвался со своего сидения и начал бегать по салону вертолёта, пытаясь определить, насколько серьёзные повреждения получила машина.

В этот момент мы влетаем в сухое русло реки. Это место представляло собой ущелье, внутри которого летел наш вертолёт. Вертолёт начал снижаться. Быстро, как скоростной лифт. Я знал, что нам надо высадиться дальше, недалеко от старой глинобитной крепости. Но Володя Авдеев дал нам команду: «Срочно высаживаться!». Других наших вертолётов ни впереди, ни сзади не видно, они ушли вперёд, к крепости.

Вертолёт завис на высоте метра два с половиной, его ощутимо раскачивало. Мы же

были в полном боевом снаряжении, с миномётными минами, рациями. Прыгать с этим грузом с такой высоты тяжело. Я даю команду младшему сержанту Ивану Харчуку десантироваться замыкающим, а сам сиганул на камни первым. За мной посыпались бойцы.

Побились мы крепко. Но, слава Богу, переломов и вывихов ни у кого не было. Я сориентировался по населённому пункту, определил направление движения, и мы начали подниматься по каменистой гряде сухого русла реки. И почти сразу «духи» по нам начали стрелять сзади, из глубины ущелья. Расстояние до них было примерно метров сто пятьдесят. Мы залегли и открыли ответный огонь.

Здорово помогли вертолётчики. Они, возвращаясь на базу, ударили по «духам» из всего, что у них было. Огонь немного стих. Смотрю, три головы высовываются из-за гряды. Стрельнут — спрячутся, стрельнут — спрячутся. Потом ещё и сверху нас стали долбить те «духи», которые от вертолётов убежали.

Нам всё равно надо было пробиваться вперёд, к крепости. Но пока эти «снайперы» за спиной, вперёд идти было нельзя: перестреляют на открытом месте, как курей. Я дал команду своим залечь, стволы вправо-влево и вести огонь. Беру с собой Абдужапара Валиева и Стефана Матея. Втроём мы поползли назад к гряде, из-за которой «духи» по нам стреляли. Когда подползли поближе, оставил Матея нас прикрывать, а сами двинулись дальше. Но Матея почти сразу же ранило: осколок пули после рикошета от камней по-

пал ему между вторым и третьим ребром. Возвращаться было нельзя, «духи» были уже на расстоянии броска гранаты. Если они нас обнаружат — конец всем троим!

Тут Ваня Харчук с другой стороны гряды незаметно подполз и за неё две гранаты закинул. Сразу вслед за взрывами мы через гряду перемахнули и приготовились к рукопашной!.. Но «духи» просто убежали. Даже бросили двоих раненых и одного убитого. Раненым «духам» Харчук быстренько «помощь оказал», мы забрали оружие и рванули назад к своим.

Только поползли дальше вверх — взрыв!.. И стрельба... Били из пулемёта. Но нам повезло — оказались в мёртвой зоне, «духовский» пулемёт нас прицельно не доставал. Раненых у нас стало уже трое: касательное ранение кисти у Валиева и касательное ранение голени у младшего сержанта Андрея Голендухина. Он меня больше всех беспокоил, потому что уже не мог идти самостоятельно. Я лично его и тащил.

Поднялись на гряду, выглянули и окончательно поняли, что сели мы прямо в «духовский» кишлак! Метрах в пяти перед собой видим заборчик высотой сантиметров пятьдесят-шестьдесят и шириной сантиметров сорок. Он был сделан из плоских камней, сложенных друг на друга без раствора. За ним здание с плоской крышей. Мы у заборчика залегли. Вроде стало полегче, укрытие хоть какое-то.

Огляделись. От каменной кладки до здания метров восемь, не больше. Справа в десяти-двенадцати метрах — глинобитные дома

с плоскими саманными крышами. Сзади нас, за дальней каменной кладкой-забором, чуть правее, ещё несколько глинобитных построек. А за ними уходит ввысь каменистая гора. На левом фланге, позади квадратного здания, — деревья, кустарники, словом — «зелёнка». От нас до глинобитной крепости, куда мы по плану должны были прорываться, было около полукилометра.

Самым логичным решением было занять это здание. Но меня что-то насторожило, наверное — наступившая тишина. Даже с противоположного склона ущелья на какое-то время по нам перестали стрелять. Приказал бойцам залечь возле каменной кладки, разобрать её верхнюю часть и каждому соорудить из камней индивидуальное укрытие.

Присмотрелись к зданию — это мечеть. Окна закрыты частыми металлическими решётками. С нами в вертолёте прилетели четверо афганцев, капитан и трое солдат. Они тоже добрались до кладки, и один из них, не скрываясь, пошёл прямо к двери здания. Я успел сказать Ивану Харчуку: «Подстрахуй его». Иван перепрыгнул через заборчик в тот момент, когда афганец открывал тяжёлый засов и распахивал створки. И тут слышу выстрел из «бура» — и афганец падает прямо на пороге мечети головой вперёд, только ноги в ботинках остались снаружи.

В этот момент всё и началось!.. Оказалось, что в мечети засели «духи», которые открыли по нам ураганный огонь!.. Стрельба по нам началась буквально отовсюду — из строений на правом фланге и расположенных за мечетью, тоже справа, домишек, с левого фланга

из «зелёнки» и с противоположного края каньона. Мы залегли за свои камни, которые успели сложить наподобие укрытия, и поняли, что оказались в огненном мешке! А Ваня Харчук остался вообще на открытом месте у стены, куда он отпрыгнул после выстрела из мечети, который оказался роковым для афганского десантника.

Все бойцы открыли ответный огонь. Но это больше для успокоения души — целей-то мы конкретных не видим! Лежать смысла нет — «духов» больше. Они просто начнут постепенно сжимать кольцо, и нам тогда долго не продержаться.

Но самое отчаянное положение было у Вани Харчука. Он вжался в стену между входом в здание и левым окном и даже умудрился забросить внутрь гранату. Но заскочить вслед за ней не смог — тут же из правого окна его начали обстреливать из автомата. Командую своим: «Прикройте!». Бойцы ударили из всего, что было, по окнам, а я проскочил простреливаемый участок и тоже вжался в стену, только справа от входа. К несчастью, окна были затянуты мелкой металлической сеткой. Попробовали сбить их гранатами, но они от сеток отлетали, как мячики. Нас самих же осколками чуть не побило. Меня тогда в лоб своим же осколком ранило. Хорошо, что не сильно…

Мы с Харчуком забросили в дверь три гранаты и несколько шашек оранжевого дыма. Под прикрытием дыма бросились ко входу!.. И тут из клубов дыма, как из преисподней, выскакивает «дух» с «буром» и стреляет в меня практически в упор! Я даже видел пла-

мя, которое из ствола вылетело! Достал его очередью из автомата. Он назад в дым завалился, а я опять отпрыгнул в простенок между дверью и окном.

Стало понятно, что внутри здания у «духов» ещё есть какие-то укрытия, раз мы гранаты туда забрасываем, а они потом живые оттуда выскакивают. Мы с Ваней решили попробовать выманить наружу ещё одного и, пробежав навстречу друг другу перед дверью, поменялись местами. Но «духи» на наш маневр не клюнули, даже не выстрелили. Стало понятно, что надо уходить. Побежали!..

И тут я увидел, как через сетку окна ствол винтовки высовывается! Выстрел!.. У меня от него разлетается радиостанция Р-148, вдрызг – пластмассовая фляжка, наполненная водой. Их одной пулей шарахнуло. Потом слышу клацанье затвора – и второй выстрел!.. Я находился к стреляющему спиной, а Ваня за мной бежал и прикрывал меня грудью. Пуля бьёт ему прямо в сердце! Я оттащил Ваню за угол. Из его сердца прямо на меня хлещет струя крови! Я ещё попытался его перевязать. Он прошептал: «Спасите, спасите...». И закостенел...

Я оказался отрезанным от основной группы и от связи – мою рацию разбило пулей. «Духи» вели по мне сосредоточенный огонь. Может быть, распознали командира. Я оставил тело Харчука между камнями у стены, снял с него разгрузку с магазинами и ринулся к своим. В этот момент меня наш пулемётчик Тургун Тураев чуть не застрелил. Его, конечно, в какой-то степени можно было по-

нять. Когда я выскочил прямо на него, то представлял из себя страшилище, залитое кровью с головы до ног. Но, слава Богу, его пули меня не зацепили.

Я добрался до рации и доложил обстановку как она есть. Она была безрадостной. Конечно, я не кричал: «Спасите, помогите!». Так не принято. Но я говорил: «В двенадцати-пятнадцати метрах справа от меня находятся дома. Из них по нам ведут прицельный огонь. С расстояния двухсот метров передо мной со ската гряды ведётся пулемётный огонь. Слева, со стороны сада, до меня долетают ручные гранаты». А в ответ услышал ответ исполняющего обязанности командира старшего лейтенанта Котовича: «Держаться, держаться, держаться!..». Как держаться? Чем держаться? Непонятно... Но держаться!..

Я дал команду бойцам менять огневые позиции: надо было, чтобы «духи» подумали, что нас больше, чем на самом деле. Какое-то время эта тактика давала свои плоды — «духи» держались на расстоянии. Но долго так продолжаться не могло. Во время перебежки Андрей Голендухин был смертельно ранен. Но он ещё тогда не потерял сознания. Хрипя, задыхаясь, проговорил: «Товарищ капитан... Стрелять не могу. Но... дайте... пустые магазины... Буду заряжать...». Он терял сознание, а очнувшись, брался за опустевшие магазины. Потрясающий парень!

Я и раньше участвовал в боях. И люди погибали. Но никогда мы не воевали так близко от противника. До него было всего пять метров. Я чувствовал, как они дышат,

слышал, как они переговариваются. Страшнее всего было это близкое дыхание смерти в прямом и переносном смысле.

И хотя я делал всё, как положено, в то же время я ясно осознавал, что какая-то сила — военная фортуна или, уж не знаю, как это назвать, — вдруг стала направлять и оберегать нас. Вот я вижу, как на расстоянии пятнадцати метров из-за угла высовывается бородатая рожа и начинает палить в меня!.. И я слышу, как пули с чавкающим звуком впиваются в глинобитную стену в десяти-двадцати сантиметрах от меня! И после этого я опять жив! И иногда мелькала мысль: «Ну хоть одна пуля уже попала бы в «чердак», чтобы всё это для меня закончилось». А потом пришло определённое спокойствие. Бог есть. Он меня спасёт, потому что по всем сложившимся обстоятельствам это может сделать только Он!

К двенадцати часам дня положение наше стало отчаянным. Патронов почти не было. У меня оставался один магазин 7,62 мм — пулемётная «сороковка» к автомату АКМС — и две гранаты эргэдэ (РГД-5. Наступательная граната. — Ред.). Ребятам я сказал: «У нас есть всего один вариант, первый и последний: биться насмерть, как полагается».

Я не думал, что мои бойцы так влёгкую меня поймут. Смотрю — моментально начали себе на левую сторону груди к лямкам эрдэ гранаты привязывать. Почему именно так, можно догадаться... Ещё и пластырь медицинский у меня попросили, чтобы понадёжней прикрепить. Пластырь был намотан на круглую бобинку. Так они её из коробочки

вытащили, друг другу передают. Какие-то разговоры деловые ведут, как будто они подшиваются (подшивают белый подворотничок на ворот обмундирования. — Ред.): дай-ка мне вот это, вот то.

Психологически это понятно: была безысходность, а я подсказал им хоть какой-то, но выход! До этого момента я всё-таки опасался, что могу потерять управление бойцами, и нас будут бить поодиночке. Слава Богу, что люди меня поняли и очень хорошо отреагировали. Меня они тогда тоже укрепили. Это была моя цементная, железобетонная основа на тот момент. Я понял, что «духи» нас не возьмут.

И тут на левом фланге началась интенсивная стрельба. Взрывы гранат, крики!.. Через кишащую «духами» «зелёнку» с боем к нам прорывались четверо десантников под командой моего друга, старшего лейтенанта Михаила Румянцева. Потом мне рассказывали, что он на командном пункте крикнул Котовичу: «Там в кишлаке Володька Сидельников с ребятами погибает!». На что Котович ему ответил, обращаясь к нему на «вы»: «Отставить! Во-первых, товарищ старший лейтенант, не Володька, а капитан Советской Армии Сидельников. А во-вторых, не погибает, а держит оборону и ведёт бой». Котович был из тех командиров, которые начальству докладывают: «Для меня нет невыполнимых задач». Но Миша всё-таки на свой страх и риск к нам пробился.

Я стоял за углом мечети и в первый момент не видел, как Миша Румянцев со своими бойцами из кустов выскочили на площадь

перед мечетью. Им и в голову не приходило, что противник и впереди нас, и сзади. А батареи на единственной рации к тому моменту совсем сели, мы только криками могли с ними общаться. Они увидели, что мы ведём бой, и Румянцев влетел в мечеть через дверь. Я заорал во весь голос: «Мишка, ты куда?». Никак не предполагал, что он ломанётся прямо в мечеть под пули. Мои бойцы тоже начали дико орать: «Товарищ старший лейтенант, в мечети «духи»!..».

Пуля попала Мише Румянцеву ниже уха с одной стороны и с другой стороны ниже уха вылетела. Убит он был в одну секунду…

И тут у меня, что называется, «снесло башню». Смерть Румянцева так меня потрясла, что я решил со связкой гранат ворваться в здание через дверь и там подорваться. В голове мелькнула мысль: «Может, сразу не убьют, успею несколько шагов внутрь сделать. Тогда взрывом «духов», точно, достанет». Я успел связать пластырем четыре гранаты в две связки, встал в полный рост и шагнул ко входу.

И тут началось невообразимое!.. Одни бойцы кричали: «Товарищ капитан, миленький, не надо!..». Другие: «Нет уж, товарищ капитан, вы нас сюда завели, вы и выводите!». Так продолжалось несколько минут, я даже препирался с ними. Но в конце концов мне пришлось вернуться.

Миша с бойцами принёс нам патроны — ящик калибра 7,62 к пулемёту и ящик 5,45 и гранаты. У одного из его солдат, Сафиуллина, была рация. В ответ на мой доклад о гибели Румянцева я услышал всё те же слова

Котовича: «Держаться до последнего!». Состояние моё в тот момент описать невозможно: ком в горле, злость! Я опять взялся за старое. За гранаты...

И вдруг из-за дома справа неожиданно появляется старик верхом на ишаке. Это выглядело настолько нереальным, что мы все замерли. Получается, что старик своим появлением меня спас, потому что образовалась пауза и надо было решать, что делать дальше. Я дал своим команду прекратить огонь. «Духи» тоже стрелять перестали. Кстати, пока он был рядом с нами, снаружи по нам не сделали ни одного выстрела — боялись его зацепить. Наступила такая тишина — аж в ушах зазвенело!

Старик слез с ишака, привязал его к кусту и направился к нам. Выглядел он очень живописно: на голове белая чалма, благообразное лицо, белоснежная борода, длинная белая рубаха и безрукавка вроде жилетки. Под мышкой он держал свёрнутый в трубку молельный коврик. С нами был солдат-афганец, его звали Барат. Он сказал Валиеву по-узбекски, что это местный мулла.

Я через Валиева и Барата этому старику сказал: «Если надо, иди молись. И заодно объясни тем, кто засел в мечети, что пора им сдаваться, — они окружены». Старик внимательно Барата выслушал, покивал головой и, поднявшись с земли, где лежал с нами за камнями, пошёл к мечети.

Надо, конечно, принимать во внимание, что все мы были дети страны научного атеизма. Никакого особого пиетета ни к служителям культа, ни к культовым зданиям мы

не испытывали. Воспользовавшись передышкой, мы начали перезаряжать оружие. Мулла вошёл внутрь мечети. Для этого ему пришлось переступить через тела афганского солдата и Миши Румянцева. Старик, похоже, дословно передал мой ультиматум. Из мечети раздались протестующие громкие выкрики. Мулла вышел и развёл руками. Барат перевёл: «В мечети засели шахиды. Они почти все ранены, один убит. Но оставшиеся не сдадутся».

Я снова связался по рации с Котовичем, доложил о переговорах. В ответ услышал уже привычное и неоригинальное: «Держаться!». Надо было что-то предпринимать самим.

В куче хозяйственного хлама мы нашли банку бензина, литра четыре. Мулле я объявил, что раз «духи» осквернили мечеть, превратив её в огневую точку, то мы, если они продолжат сопротивление, их подожжём. Через муллу передали требование отдать тела наших убитых. А в ответ услышали, что, если мы не уйдём, они начнут резать тела наших ребят по кусочкам и выбрасывать: сначала одно ухо, потом другое, потом и всё остальное. После этих слов в голове у меня словно что-то переключилось — с этого момента они для меня превратились в нелюдей, на которых не то что Женевская конвенция не распространяется, но и никакие другие правила ведения войны не должны действовать. Люди, которые с нами схлестнулись, не были настоящими солдатами, воинами. Они были уродами, для которых резать уши — это нормальный способ ведения войны. Для меня это был сигнал. Ну ладно, простой дехканин

кровь за свою афганскую родину проливает. К таким отношение у нас было другое. Я сам, случалось, и перевязывал таких. Но эти были бандиты-нелюди, и поэтому кончили они все плохо.

Не хочу сейчас вспоминать, каким способом, но всё-таки мы заставили духов отдать тела наших убитых. Мулла вытащил за ноги убитого афганского солдата, подхватил Мишу Румянцева под руки и с трудом притащил к нам. Дед попросил меня не поджигать мечеть. Потом вздохнув, опустил голову. Он всё понимал. Кстати, после боя расстались мы с ним вполне мирно.

Канистра с бензином меня чуть не убила. Я отвинтил пробку, сунул внутрь бинт, зажёг и метнул канистру на крышу здания. Она ка-а-к взорвалась!.. И этот огненный шар пролетел у меня над головой с таким воем!

А глиняная крыша, разумеется, не горит! Бензин выгорает — и всё. «Духи» внутри кайфуют. Они поняли, что мы их никак достать не можем. Крыша не горит, решётки на окнах даже гранатами сорвать не можем, через дверь никак не войти... А нас тут ещё и снаружи со всех сторон долбят. Вся наша защита — заборчик из камня высотой в пятьдесят сантиметров. Дело идёт к вечеру, а мы ведь находимся в населённом пункте. Начало смеркаться. Докладываю Котовичу, а ответ всё тот же идиотский: «Держаться любой ценой!».

Перед самой темнотой появились вертолёты. Мы забросили на крышу оранжевые дымы, чтобы обозначить противника, а себя обозначили двумя красными ракетами. Но

вертолётчики обработали для профилактики подозрительные складки горной местности и улетели.

И тут в тылу у «духов», обстреливающих нас с противоположной стороны ущелья, мы увидели родные зелёные трассеры. Загрохотали разрывы агээсов (АГС, автоматический станковый гранатомёт. — Ред.). Это прорывался к нам 3-й батальон 66-й мотострелковой бригады под командованием капитана Валеры Черкашина. Пришли они пешком, так как «духи» броню их сумели остановить. Наши тут же навели огонь артиллерии. Те «духи», которые нас окружали, быстро заткнулись и отвалили. А с теми, которые засели в мечети, мы быстро справились с помощью гранатомётов.

Из тринадцати человек нашей группы трое были убиты, семеро ранены. Нам очень повезло, что в мире нашёлся такой человек, как Миша Румянцев. Иначе уже к обеду все бы мы полегли. А он со своими бойцами взял и принёс нам патроны. И сам погиб, исполнив евангельскую заповедь: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

После боя я был в состоянии, которое трудно назвать нормальным. Только что потерял лучшего друга... Раненые почти все... Андрей Голендухин, когда нас деблокировали, был ещё жив, я его сам в вертолёт заносил. Его довезли до медроты, и он умер там, бедный, от внутренней кровопотери.

Двоих оставшихся в живых «духов» я без раздумий застрелил. А что с ними после всего случившего надо было делать?.. Передать их

афганцам? А это означает, что через несколько дней эти «героические воины Аллаха» наслаждались бы жизнью. А для меня жить, зная, что живут эти нелюди, было просто невозможно. Миша Румянцев домой в ящике поехал, Андрей Голендухин в ящике поехал, Иван Харчук в ящике поехал... Все остальные — по госпиталям, включая меня. И что?.. Эти будут гулять? Нет, я так не согласен.

Уже в Военно-медицинской академии я увидел прямое противоречие между тем, что мне приходилось делать на войне, и тем, чему нас учили. Уважаемые профессора нам говорили, что нельзя стать хорошим хирургом, если ты не являешься хорошим человеком. Но во время войны мне пришлось совершить столько ужасных поступков, о которых и вспоминать до сих пор страшно!

Я напрямую поговорил об этом со своим учителем, профессором Юрием Николаевичем Шаниным. Всеми уважаемый учёный, первый Главный реаниматолог Вооружённых сил Советского Союза, отец клинической патофизиологии. Мудрый и высоко эрудированный человек, он мне тогда ответил вопросом на вопрос: «А ты сам как считаешь?». Я сказал: «Эту задачу в это время и в этом месте нужно было кому-то выполнять. И я её выполнял». И он сказал мне: «Вот и правильно считаешь!». И я понял, что решение у этой проблемы должно быть естественным. Если бы после всех афганских событий мне было бы на всё наплевать — на мораль и нравственность, или если у меня появились бы патологические пристрастия, то это означало, что я стал моральным уродом. А если

осмысление прошлого вызывает у меня беспокойство и волнует меня, то значит, что у меня совесть есть. Хотя я хорошо осознаю, что за свои поступки ответ мне придётся держать ещё и на Высшем Суде.

По всем законам войны в этом бою мы должны были все до единого погибнуть. Ведь противник численно превосходил нас в разы! Он превосходил нас в тактическом отношении, он превосходил нас по знанию местности. Двенадцать часов мы вели бой в полном окружении, да ещё и на два фронта. Мне до сих пор непонятно, как это я остался жив.

Первая чеченская. Хроника кошмара

В Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербург я приехал в сентябре 1994 года. Но из-за неразберихи с приказами я даже денег не получал. На меня какие-то бумаги не пришли, и надо было ехать в Москву их разыскать. Приезжаю в Главное военно-медицинское управление Министерства обороны и звоню своему близкому другу, генералу Юрию Ивановичу Погодину. Он меня пригласил к себе. Подхожу — он как раз выходит. На голове шапка-ушанка, одет в камуфляжную форму. А я сам в шинели, в фуражке и в обычной форме. Он: «Володя, у меня сегодня из Чкаловского (военный аэродром в Подмосковье. — Ред.) в два часа борт. Полетишь со мной во Владикавказ?». Отвечаю: «Юрий Иванович, с тобой — хоть куда». У меня шестьдесят суток отпуска без учёта дороги, отпускной билет с собой. Тем более вся семья моя осталась в Ташкенте, где я раньше служил.

Из Чкаловского мы прилетели в Моздок (город в Северной Осетии, база Вооружённых сил. — Ред.). В начале декабря Юрий Иванович говорит мне: «В Беслане, в 19-й мотострелковой дивизии есть 135-й отдельный медицинский батальон. Поезжай туда. Тебе надо за неделю, до десятого декабря, произвести боевое слаживание. По своей хирургии посмотри — есть ли всё, что надо. Если что-то срочно нужно — оформляй заявки». Я с головой в эту работу окунулся. Только попросил дать мне хоть какую-нибудь полевую форму, а то я, как идиот, так и ходил в фуражке и шинели.

В Беслане встречает меня бравый майор с усами по фамилии Муталибов. Он служил в Афганистане в Гадрезе, в славной 56-й отдельной десантно-штурмовой бригаде. Я ему: «Муса, как ты сюда попал?». Узнал он меня, обнялись, расцеловались. И началась подготовка медроты к маршу и работе.

Инстинктивно я почувствовал, что мы както несерьёзно готовились. Очень важно сейчас понять, чем войска занимались в подготовительный период. В соответствии с нашей тактикой мы за это время должны предусмотреть все сто двадцать восемь вариантов возможного развития событий. Если, например, мы предполагаем, что враг будет применять против нас особые отряды дрессированных крыс — переносчиков ботулизма, то надо на войну взять семь вагонов противоботулинической сыворотки.

Техника была, мягко говоря, в паскудном состоянии. Ведь кто-то «умный» додумался создавать сводные подразделения! Видок у

них был ещё тот! Этот тип подразделений до этого был военной науке не известен. Ну какой вменяемый командир отдаст куда-то на сторону нормальную технику? Конечно, отдавали то, что самим не нужно. У бээрдэ-эм пулемёт пэкатэ стреляет, а капэвэтэ — нет (БРДМ, бронированная разведывательно-дозорная машина. ПКТ, пулемёт Калашникова танковый калибра 7,62 мм. КПВТ, крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый калибра 14,5 мм. — Ред.). У бронетранспортёра один двигатель работает, а другой — нет. И так сплошь и рядом.

Ну а какой нормальный командир отдаст в сводный отряд хорошего бойца? Конечно, туда отправят хромого, косого, больного. Вот и видел я в январе в Грозном бойцов ростом с автомат, бронежилет на них до пят, а каска на голове, как шляпка у гриба. И вот таких солдатиков посылали на передовую! В довершение ко всему дембелей осенью уволили строго по плану — как раз накануне этих событий. А вместо них пришли вот эти ребятишечки восемнадцатилетние... На их фоне 19-я дивизия выглядела отлично.

Одиннадцатого декабря в составе сводного отряда 19-й мотострелковой дивизии группировки «Запад» мы перешли границу ещё пока Ингушетии и двинулись через Дарьял к административной границе Северной Осетии и Ингушетии. Дивизией командовал полковник Кандалин, группировкой «Запад» — генерал Петрук. Маршрут движения: Владикавказ — Назрань — Барсуки — Асиновская — Пригородное.

В Назрани всё и началось... Обстреляли машину, и появился первый раненый. Солдатик лет восемнадцати был никакой — белый, испуганный. Но ранен он был легко — получил пулевое касательное ранение где-то под левой лопаткой.

Мы все находились в тревожном ожидании. Никто, начиная от солдата и заканчивая генералом, не был уверен, будут ли в нас стрелять по-настоящему. Мнений было два. Первое: они (чеченцы) нас испугаются и разбегутся. Но офицеры из опытных знали чеченцев лучше: эти люди даже в доблестные советские времена оружие имели по домам. Но у всех наших была мысль: «Дудаев ведь советский генерал. Красную звёздочку носил, лампасы. Ну не даст он команды в русского солдата стрелять!».

Но когда я первого раненого увидел, то сразу понял — нас будут валить. А тут ещё до нас слухи докатились, что десантников наших ГРАДами (установка залпового огня. — Ред.) накрыли. Мы-то думали: у чеченцев автоматы, пулемёты, снайперские винтовки, пистолеты, а ещё сабли и кинжалы. Но мы никак не предполагали, что у них танки, бээмпэ, бэтээры, артиллерия.

Двадцать пятого декабря мне привезли уже несколько человек раненых, у всех в общем-то не опасные для жизни осколочные ранения мягких тканей. По официальной версии, их накрыли из агээса (АГС, автоматический гранатомёт станковый. — Ред.). Но я думаю, что они что-то разбирали или ковыряли, скорее всего — наступательную гранату РГД-5. Трое были из Внутренних войск, человека

четыре были из каких-то частей непонятных. У одного было ещё пулевое ранение в кисть. У другого — гноящиеся фурункулы на ногах. Все заросшие, грязные, закопчённые, в старых бушлатах советского образца. Я им: «Чего вы такие грязные?». Они: «Холодно, так мы в цинк солярку наливаем, жгём и греемся». Перевязали их и отправили во Владикавказ, в госпиталь.

Дальше всё испортилось настолько, что я даже хронологию не могу вспомнить. Наши вертолёты носились прямо над нами и куда-то стреляли — то из пушек, то ракетами. Я в этот момент чувствовал себя очень неуютно. Ведь они над нами буквально в нескольких метрах пролетали, и что-то со звоном сыпалось прямо на колонну, на крыши машин. Как военный я не понимал, какие цели поражают вертолётчики. У меня, например, возникало ощущение, что я окружён противником. Потом оказалось, что мы действительно шли прямо через «духов».

А когда одновременно начинала бить артиллерия, то у каждого нормального человека возникал вопрос: чья? Может, это и по нашим войскам стреляют, просто пока что не в нашу сторону. Если бы нам объявили, что это бьёт наша артиллерия, было бы как-то спокойней.

Мы вообще перестали нормально спать. Ведь если у чеченцев есть ГРАДы, то нас могут накрыть в любой момент — и ахнуть не успеешь... А тут пошла оперативная информация, что у них сто двенадцать танков, шестьдесят бээмпэ, тридцать бэтээров, больше ста артиллерийских орудий... Цифры сейчас уже могу не очень точно вспомнить,

но порядок их был такой. В «полный рост» встал вопрос: а куда же это мы идём и что вообще будет?

Вовсю циркулировали слухи о том, что в Ингушетии вроде захватили роту Внутренних войск. Обмены, размены... Стало понятно: мало того, что идёт война, так у нас ещё и тыла нет! Сзади у нас, мягко выражаясь, недружественная республика. Когда по Ингушетии ехали, то нас толпы народа встречали с плакатами, орали. Такие рожи... Все казались на одно лицо. Дети наглые, камнями в нас кидают. Женщины пытались в свою пользу с нами разговаривать: «Куда вы едете? Вы же наши братья...».

Потерь вроде пока не было. Но именно тогда у меня появилось предчувствие, что надвигается что-то очень страшное.

Лично меня продолжали доставать постоянная отдаленная артиллерийская стрельба и полное отсутствие официальной информации о противнике. Телевизор мы в дороге не смотрели. Новости все – на уровне радистов. А новости безрадостные: там взорвали это, там стрельнули друг в друга, тут перевернулась машина. Помню трагикомический случай. Ехала бээмпэ, пушка была развёрнута вбок. Навстречу ехал бэтээр. Так солдату на бэтээре стволом пушки так по лбу навернуло! Слава Богу, что он был в каске и потому получил только небольшое сотрясение.

Меня поразило, что когда мы проходили уже через чеченские населённые пункты, то я там практически никого не видел. Никто в нас не стрелял. Внутри опять затеплилась надежда, что всё будет нормально. Вот они

увидят, сколько нас, испугаются и сдадутся. Когда об этом заходил разговор, многие считали, что Дудаев как-нибудь поможет разрулить ситуацию. Я не помню, чтобы о нём отзывались негативно. Говорили, что он всё-таки наш, что Ельцин его специально поставил.

Подошли к Грозному и встали около Пригородного, километрах в двух-трёх от города. В машине было радио, слушали мы «Маяк». Но сообщения были какие-то, мягко говоря, странные. Пошли слухи, что в город поехали какие-то депутаты, которые должны всё уладить. Надежда, что войны всё-таки удастся избежать, ещё теплилась. Никто не хотел воевать. Ведь это свой народ, своя страна.

30 декабря мы уже чётко знали задачу.

В Грозном мы должны будем развернуться в приспособленном помещении какой-нибудь больницы, поликлиники или в школе. 31 декабря кто-то притащил ёлку. Скорее всего, из какого-то чеченского дома. Солдаты украсили её пустыми пулемётными лентами, подвесили гильзы разного калибра. Только успели нарядить (это было часов в пять-шесть дня), как началась такая какофония! По городу била артиллерия. Дым, пыль, разрывы!.. И тут прямо к нам в расположение прилетает миномётная мина! Ба-бах!.. Но на этот раз никого не задело.

Нам объявили, что оборонять себя в Грозном мы должны сами. Разведчики 693-го мотострелкового полка дали мне трофейный автомат Калашникова. К нему было четыре магазина на сорок и два на тридцать патронов. Только носить их было негде – не было

разгрузочного жилета. Чтобы не казаться самым военным, я не стал магазины перевязывать по два. Сороковку поставил, а остальные просто положил в портфель. Потом кто-то из проезжающих подарил две гранаты эфки (Ф-1. Оборонительная граната. — Ред.). Я их тоже в портфель отправил.

Входим в город и видим: на дороге стоит бээрдээм и чадит! Люки открыты, и из них идёт даже не дым, а именно жуткий чад, как будто внутри горит ватный матрац! На антенне висит российский флаг маленький. Когда проезжали мимо, я разглядел следы двух попаданий из гранатомёта.

А потом пошло!.. Машина, ещё машина, машина... Все брошены, двери раскрыты, пулевые следы на капоте, на стёклах... Вокруг валяются бинты, вата, какие-то коробки, носилки! Откуда это всё?! Потом узнал, что это была колонна, которую существенно пощипали. Но убитых пока я не видел. И раненые к нам пока не поступали.

А в городе бои уже идут по полной программе. Полосуются около Президентского дворца, около железнодорожного вокзала, на площади Минутка. Мы продвигались по городу по улице, по-моему, Шерипова. Видим: на дороге лежит труп в каске. А мне говорят: «Это не наш, это чеченец». Смотрю — на каске полоса из яркой зелёной шёлковой материи. Одет он был в однотонный армейский бушлат, в армейские ботинки с берцами. На боку подсумок штатный на четыре магазина и противогаз. Автомата не было — наверное, забрали. Это был первый убитый противник, которого я увидел в Чечне.

Когда мы втянулись в город — вокруг четырёх- и пятиэтажки, а чуть дальше маячат девятиэтажки, — такая вдруг началась стрельба, так вокруг всё начало грохотать, бить, колотить!.. Облачность низкая. Что-то с рёвом проносится над облаками! Потом взрыв: бу-бух!.. И я понял — приехали!.. А тут ещё перед нами появилась замечательная надпись: «Добро пожаловать в ад!». «Духи», кстати, писали её везде и всюду. А дальше я увидел наших убитых. Один, второй, третий… Стоят две бээмпэ подбитые, рядом убитый, у него на спине бушлат горит… Наш 693-й полк прорывался к железнодорожному вокзалу, где героически сражалась 131-я Майкопская мотострелковая бригада, но был остановлен. Начались затяжные кровопролитные бои в самом Грозном.

Пока добрались до парка культуры и отдыха имени Ленина, натерпелись! На моей машине выбило лобовое стекло веткой, срезанной осколками. Уже перед самым парком перед глазами предстала нереальная, фантастическая картинка: на пересечении двух улиц арка (ворота с колоннами) и сквер полностью засыпаны ветками и листьями. Дома вокруг чёрные, закопчённые. Они не обгорелые, а будто землёй закиданные. Так выглядел пейзаж после бомбардировки и артобстрела.

Расположились мы у кафе, где и стали разворачивать медицинскую роту. Работали в кафе числа до 6-7 января, пока не перебрались в полуподвал здания, где и работали всё оставшееся время. В это время 693-й полк и приданные части заняли круговую оборону и

отражали атаки врага со всех направлений.

В середине дня 1 января подошёл 503-й мотострелковый полк нашей дивизии. 1 января командование группировкой «Запад» принял генерал Тодоров, но ненадолго. 3 января нами стал командовать десантный генерал Бабичев, замечательный человек и командир! А уже 5 января нам сообщили, что 129-й полк взял три моста через реку Сунжу и захватил 86-й военный городок.

Солдат тогда выглядел примерно так: на голове каска, на каску надет маскировочный чехол из маскировочной сетки с тряпьём. Однотонный бушлат, бронежилет, штаны, ботинки. Штатное оружие: автомат, пулемёт. И всё! Никаких вещмешков. Все были обвешаны гранатомётами, «шмелями». Глаза у всех пустые. Но из них выделялись те, которые отчётливо напоминали пьяных.

Почти сразу раненые пошли нескончаемым потоком! В первую декаду января через нас проходили сотни искромсанных людей с оторванными руками, ногами, перекрученных в узел, простреляных! Я даже не мог сообразить, какой сегодня день. Раненых привозили-увозили, увозили-привозили...

Помню, как притащили сверху парня, раненного при миномётном обстреле нашего двора. Стоял солдат. Взрыв!.. Осколок попал ему в пах. Он побежал, а перед ним — стреляющая струя крови!.. Попадает он ко мне, а я как раз был в стерильных хирургических перчатках. Поэтому удалось чётко прижать повреждённую бедренную артерию. Потом «пилотом» (тугой тампон из марли. — Ред.) затампонировал. Вот так удалось спа-

сти парня, а счёт времени шёл буквально на секунды. Живёт и здравствует парень, и это радует.

Информация от раненых, что у нас лечились, была противоречивая и безрадостная: там наши погибли, там наших взяли в плен... «Нас окружили, нас предали!..». Потом: да нет, ерунда всё это! Ведь каждый боец видит войну только своими глазами. Это была такая свистопляска, хуже которой я никогда в жизни не видел. Вообще тема — «нас предали в Москве» — была чрезвычайно актуальна, и звучала на всех уровнях.

Убитых тоже привозили к нам. 10 января во время 48-часового «перемирия» одновременно доставили более двухсот погибших. Многие лежали рядами прямо на улице на носилках, присыпанные снегом...

После «перемирия» чудовищный кошмар продолжился, но врага уже наши войска начали бить конкретно: в хвост и в гриву!

Помню, в начале января зампотех 693-го полка рассказывал, что среди тыловых возникло стихийное «снайперское движение». Ведь дисциплина в этом войске так заметно упала, что делать можно было почти всё что угодно. И вот такой тыловик берёт снайперскую винтовку (а оружия лежало видимо-невидимо, ведь раненых солдат нам доставляли с оружием) и залезает куда-нибудь повыше открывать личный боевой счёт. Через час «снайпера» за руки-за ноги тащат назад — готов...

Крутился вокруг нас какой-то прапорщик, вроде связист. Откуда он приблудился, я не помню. Вечно слегка «под мухой», какой-то

суетливый. Приходит ко мне вечером и спрашивает: «Товарищ полковник, можно ваш бушлат? Я через десять минут верну». Я разрешил. Как потом выяснилось, вот этот деятель надевает мой бушлат с полковничьими звёздами и идёт по соседям шорох наводить. «Что у вас тут? Ну-ка командира ко мне, быстро!..». Но его раскусили, и он вернулся с фингалом под глазом. Это он так забавлялся от нечего делать! Если кто смотрел фильм Станислава Говорухина «Асса», то, может быть, вспомнит эпизод, где герой актёра Александра Баширова напялил на себя военную лётную форму и развлекался подобным же образом.

Примерно через неделю боёв наши солдаты совершенно преобразились. Отчётливо стало видно, что бойцы преодолели первый шок и начали воевать по-настоящему! Даже внешний вид у них изменился. Хорошо запомнил я пулемётчика. Весь лентами обмотанный, а к сетке на каску себе лисий хвост прицепил. Я потом такой же увидел в фильме «Блокпост». И помню: такой он был бравый, хотя, скорее всего, слегка «вмазавши». Люди преобразились: вчерашние салаги стали настоящими смелыми и стойкими воинами. Народ стал чудить: кто-то оленьи рога на бээмпэ прицепил, кто-то плюшевого мишку на ствол пушки посадил. Таким образом ребята психологически восстанавливались и утверждались.

Но всю Первую кампанию меня не покидало чувство обмана и предательства со стороны руководства страны, или попросту Москвы. И тут не надо быть аналитиком.

Как только наша армия начинает врага давить, тут же объявляется перемирие якобы для сбора трупов погибших, решения срочных гуманитарных вопросов. Или просто без каких-либо объяснений!..

Чувство, что армию перманентно предают, было у всех. Говорить на эту тему даже не хотелось. Ведь противника надо было додавить! И до сих пор никто внятно не может объяснить, почему во время штурма город был с одной стороны (южной) полностью открыт. Наверное, хотели чеченцев в этом направлении выдавливать в горы?! Все недоумевали, почему в Грозном на улицах мало валялось трупов убитых боевиков? Убили их наши очень даже много. Но именно по этому свободному коридору их сразу развозили по аулам. Также чеченцы и раненых увозили из Грозного. Потом их лечили в Ингушетии — в Слепцовске, в Назрани, где их тогдашнее руководство Ингушетии с распростёртыми объятьями принимало. Переодевали, бороду сбривали — вот тебе и мирный житель, которого ранили подлецы-федералы.

К десятому-одиннадцатому января интенсивность боёв уменьшилась. Нашу бронетехнику к тому времени практически всю спалили. Но после этого началось самое ужасное: мирись-дерись. Появился депутат Госдумы Ковалёв, который по Грозному разъезжал на «ниссан-патроле» с белым флагом, и много других идиотов.

Я уехал из Грозного перед двадцать третьим февраля 1995 года. Тогда приехал к нам генерал и сказал, что «духи» из Грозного ушли, что «мы их раздолбали». Хотя

бои по-настоящему закончились только где-то в марте. Я ещё тогда подумал: «Ничего себе: «мы их раздолбали!». То время я всегда вспоминаю с ужасным чувством!..

Вторая чеченская

— Во время Второй кампании я в общей сложности провёл на войне более года. Солдаты на этой войне были уже совершенно другими. Они были такого же возраста, такие же замазюканные, такие же измотанные, как и в Первой кампании. Но это уже были победители. У них у всех глаза светились! И страха не было. Может, они и боялись, но виду не подавали.

В середине ноября 1999 года в Академии стала привычной тема обсуждений того, что после перехода боевых действий из Дагестана непосредственно на территорию Чеченской республики необходимо на месте, уже с учётом этих обстоятельств, организовать работу новой группы специалистов Академии. Предыдущая многопрофильная группа, которой руководил полковник Марчук с кафедры военно-полевой хирургии, осенью 1999 года уже работала в Моздокском военном госпитале. Госпиталь этот тогда возглавлял полковник Владимир Сухомлинов, мой старый друг-однокашник. Мы с ним вместе учились на Военно-медицинском факультете в одном учебном взводе и даже в одном отделении.

Госпиталь Моздока находился на основном эвакуационном направлении. И в Первую, и во Вторую военные кампании таких направлений было два. Первое — Владикав-

каз, второе — Моздок. В госпиталях этих городов раненым оказывалась специализированная медицинская помощь. От всех других видов помощи: первой помощи на поле боя (в медвзводах и медротах) и квалифицированной помощи (в медицинских батальонах и отдельных медицинских отрядах специального назначения) она отличалась тем, что здесь проводились большие и тяжёлые операции именно специалистами — нейрохирургами, травматологами, офтальмологами и другими. Плюс ко всему в распоряжении врачей во Владикавказе и Моздоке было специальное оснащение: диагностические приборы, хирургические наборы и так далее. Там же находился специально подготовленный средний медицинский персонал, который имел опыт практической работы именно в конкретном направлении.

При доставке раненых во Владикавказ возникала одна очень существенная проблема. Не могу сказать, по какой конкретно причине (скорее всего, во Владикавказе не было оборудованной вертолётной площадки), но раненых вертолётами доставляли в Беслан. Потом автотранспортом двадцать пять километров их везли в госпиталь Владикавказа. Перегрузка из вертолёта в машины и сама дорога усложняли их доставку.

А в Моздок раненых на вертолётах оперативно доставляли непосредственно в госпиталь. Площадка, которая могла одновременно принять две вертушки, находилась метрах в ста–ста пятидесяти. И к тому же там совсем рядом находился военный аэродром, откуда тяжёлых раненых отправляли в Ростов,

Москву и Санкт-Петербург самолётами военно-транспортной авиации.

Группа, которая была до нас, работала в период, когда наши войска ещё освобождали только равнинные — Щёлковской, Наурский и Надтеречный — районы Чечни. Раненых было не очень много. Но все понимали, что впереди тяжёлые бои за Грозный, и раненых будет в разы больше. Поэтому состав нашей группы был уже несколько другой. Начальником Академии у нас был только что назначенный профессор Борис Всеволодович Гайдар, выдающийся нейрохирург и просто прекрасный человек. Он взял себе за правило регулярно, почти ежемесячно, приезжать в Моздок, Владикавказ и Ханкалу для оказания практической помощи работающим академическим группам усиления.

В обе военные кампании город Моздок был рабочим местом заместителя начальника медицинской службы Северо-Кавказского военного округа полковника Владимира Алексеевича Иванцова. Этот прекрасный специалист-организатор, надёжный во всех отношениях человек, на своих плечах вынес всю тяжесть организации медицинского обеспечения боевых действий в Чечне и Дагестане.

До сих пор не понимаю, когда он отдыхал?! Реально он был либо в передовых медицинских подразделениях, которые находились практически в боевых порядках наших частей, либо в вертолёте, в котором он перемещался от одного своего подразделения к другому. В рабочем кабинете в Моздоке застать его было очень сложно. Он лично держал руку на пульсе абсолютно всех видов

медицинского обеспечения и организовывал это огромное хозяйство — поставка медикаментов, продовольствия, координация действий академических специалистов, маневр силами и средствами медицинской службы в ходе быстро меняющихся условий боевых действий. (Кстати, впоследствии мы с ним крепко сдружились.)

В Моздок мы прибыли 16 декабря 2000 года. Нас было двенадцать врачей и четырнадцать сестёр — операционных и перевязочных. На аэродроме сразу бросилось в глаза огромное количество авиации — штурмовики СУ-25, вертолёты. По дорогам перемещались колонны войск и боевая техника, в воздухе боевые вертолёты: всё основательно, без суеты. Чувствовалось, что страна взялась за кавказский нарыв серьёзно, и «духов» впереди ждут большие проблемы.

Когда мы познакомились с госпиталем, то очень порадовались уровню моздокских медиков. Это были местные жители: и осетины, и русские. И было очевидно, что до нас успешно поработала наша первая группа под руководством Марчука. Они успели привить местному персоналу саму нашу академическую идеологию по организации медицинской помощи: как и где будет производиться сортировка раненых, кто что должен делать. Первых пациентов оперировали совместно на основе наших академических требований и разработок. Сразу бросился в глаза безукоризненный порядок в расположении госпиталя. Налаженная служба охраны, строгий пропускной режим. Рядом с корпусом стояли заранее подготовленные большие палатки

на случай поступления большого количества раненых. Палатки отапливались, боковины были укреплены деревянными щитами.

Полковник Иванцов говорит: «Владимир Олегович, здесь-то всё под контролем. А вот послезавтра в Ханкалу (военный аэродром в пригороде Грозного. — Ред.) должен прибыть 66-й отдельный медицинский отряд специального назначения Приволжского военного округа. Ты — хирург с опытом. Надо помочь им и с развёртыванием, и с организацией хирургической работы — операционной и перевязочной». Отряд должен был быть развёрнут к исходу дня на базе капитального кирпичного здании 331-го военного госпиталя, который в 1996 году перевели в Будённовск и потом там, если я не ошибаюсь, была поликлиника чеченской шариатской гвардии.

Рано утром 18 декабря я оделся в полевую форму. Оружия у меня с собой не было, о чём впоследствии я очень сильно пожалел. Взял с собой анестезиолога капитана Мишу Кицкало, и втроём с Владимиром Алексеевичем Иванцовым на вертолёте мы полетели в Ханкалу. Пилотом вертолёта был легендарный лётчик, Герой Советского Союза и Герой России Николай Майданов. Чуть больше чем через месяц, 26 января 2000 года, он погиб. Как оказалось, они были в приятельских отношениях с Иванцовым. Перед вылетом мы с Николаем разговорились, вспомнили общих знакомых по Афганистану. Он совершенно не производил впечатления большого начальника, хотя к тому времени уже был командиром вертолётного полка.

Садимся в Ханкале: грязь непролазная, бьёт артиллерия, грохот стоит невообразимый. Видны пятиэтажки окраины Грозного, из них валит дым. Здание госпиталя и территория вокруг завалены стреляными гильзами, мусором каким-то. Окна корпуса госпиталя выбиты. Ведь бои за Ханкалу, которые закончились буквально за день-два до нашего приезда, были очень упорными. Их следы мы и видели своими глазами.

К середине дня подъехали первые машины МОСНа, с ними прибыл их командир отряда, и закипела работа по разворачиванию. Все начали разгружать машины: таскать ящики, носилки.

Вдруг подъезжает эмтээлбэ (МТЛБ. Многоцелевой тягач лёгкий бронированный. — Ред.), оттуда разгорячённый офицер нам кричит: «На вас «духи» идут, надо срочно организовывать оборону! Сейчас огнемётная рота 506-го полка (почему именно огнемётная — до сих пор не пойму) подойдёт!».

Огнемётчики прибыли и со своими «шмелями» (ручной пехотный огнемёт. — Ред.) заняли оборону на железнодорожной насыпи метрах в сорока от нас. Картина маслом: медики готовятся раненых принимать, на них «духи» наступают. На самом деле оказалось, что из Грозного в нашу сторону шла группа жителей. Но у страха глаза велики, их приняли за «духов». А может, и были среди них «духи», этого сейчас уже не узнаешь.

Тут Иванцов мне говорит: «У меня-то с собой пистолет табельный. А у вас хоть что-нибудь есть?». У нас ничего не было. Да и у Иванцова был маленький такой писто-

летик, пэсэам (ПСМ. Пистолет самозарядный малогабаритный калибра 5,45. — Ред.). Делать нечего, пришлось вооружаться самостоятельно.

В составе батальона 506-го полка, который брал Ханкалу и стоял метрах в трёхстах неподалёку, был медвзвод. Я там уже побывал. Ещё с Афганистана у меня сложилась привычка сначала обходить расположение, чтобы посмотреть своими глазами на людей, да и вообще своими глазами увидеть, что и как кругом происходит. Прихожу в медвзвод, а там лежит огромная куча оружия: автоматы, пулемёты... Спрашиваю у офицеров: «Мужики, что это такое?». Они: «Оружие наших раненых орлов. Их увозят, а оружие в медвзводе остаётся». Я прошу: «Дайте три-четыре автомата. Вам они всё равно ни к чему. А у нас впереди открытое пространство — забор бетонный, насыпь за ним и больше ничего — чистое поле до Грозного. А если «духи» попрут в нашу сторону?». Они переглянулись и говорят: «Товарищ полковник, для вас — без проблем». Я взял три акаэса (АКС. Автомат Калашникова со складным прикладом. — Ред.), два пакета бумажных по сто двадцать патронов в каждом и штук десять магазинов к автоматам.

Возвращаюсь и говорю медикам: «Так, нам тут сейчас горло начнут резать, а мы неподготовленные какие-то». Они всё восприняли серьёзно, вооружились тут же. И спрашивают: «А почему ты именно туда пошёл?». Отвечаю: «Во-первых, у полка были большие санитарные потери при штурме Ханкалы. Я точно знаю, что оружие в этом случае не

эвакуируется вместе с раненым. Где оружие раненых складировать? Там, где их лечат. А где их лечат? В медвзводе».

Пока мы так готовились к обороне, толпа из Грозного развернулась и ушла назад. «Шмелисты» сели на свою «мотолыгу» и уехали. И я понял, что перед нами до самого Грозного нет никого!.. А всего несколько часов назад к нам привезли погибших разведчиков 506-го полка. Они несколько дней назад ушли на выход и пропали. Позже другая разведгруппа нашла их на высоте убитыми, спустила вниз и привезла к нам. Один сожжённый, у другого, прапорщика, горло перерезано... Так что на таком фоне, когда вот они, убитые, лежат прямо перед нами, понимание того, что «духи» могут запросто, не встретив никакого сопротивления, дойти прямо до нас, очень не радовало. Но в этот раз воевать не пришлось.

Тут вместе с остатками МОСНа прибывает полевая трансфузиологическая группа (специалисты по заготовке и переливанию крови. — Ред.): один военный и две медсестры. Руководитель этой группы докладывает полковнику Иванцову: «Товарищ полковник, у меня ничего для переливания крови нет. Мне сказали, что всё на месте дадут». Тот взорвался: «Ну на хрена тогда вы мне, такие красивые, здесь нужны?..».

Однако на войне никто военной хитрости не отменял. Вопрос был решён в течение тридцати минут. Я их старшему говорю: «Есть выход. Недалеко стоят вэвэшники. У них много чего есть!». Приходим к вэвэшникам. Я вижу какого-то прапорщика и пред-

ставляюсь: «Заместитель Главного хирурга Вооружённых сил полковник Власов. Покажите, что у вас тут да как». — «Знаете, я сам не врач, я только начальник медицинского склада». — «Что у вас по переливанию крови есть?». — «Вот это, вот это. И вот это». Я точно знал, что вэвэшный этап работал просто как перевязочный пункт, операций они никаких не делали. Поэтому с чистой совестью мы забрали две коробки с очень удобными комплектами для полевого забора крови, в каждом по двадцать комплектов. А оформили мы с прапорщиком всё чин-чинарём: я написал на тетрадном листке: «Принял полковник Власов» и расписался. Хотя фамилия моя вообще-то Сидельников…

Возвращаемся с победой. Иванцов мне говорит: «Владимир Олегович, ты что мне не докладываешь, куда и зачем пошёл?». Отвечаю: «Владимир Алексеевич, всё нормально, у нас теперь есть наборы для переливания». Он и так всё понял, человек ведь очень опытный. «А эмвэдэшники меня не повесят за это?». — «Да нет, пусть ищут полковника Власова». — «А это кто такой?». — «Да я». — «Да ты меня под трибунал подведёшь!». Но это уже было им сказано полушутя.

За это время большого потока раненых у нас не было. И это было нам на руку: мы успели полностью развернуть отряд. Поставили палатки: приёмную, операционную, перевязочную. Одновременно привели в порядок основное здание госпиталя, провели свет. Свою задачу по организации помещения для хирургических операций я выполнил и 20 декабря улетел в Моздок.

Когда вернулся, работа в госпитале шла уже вовсю. Раненые были в основном милиционеры и бойцы Внутренних войск. Их было очень много, мы принимали их днём и ночью, днём и ночью… Я оперировал как общий хирург, хотя и по моему профилю были больные — обожжённые. А в самом начале января, по-моему, 5-го числа, ночью в комнату, где мы жили вчетвером, стучат: «Срочно надо спуститься в приёмное отделение». Спускаюсь в кабинет начальника госпиталя, и мне Володя Сухомлинов говорит: «Собирай народ, сейчас много обожжённых привезут! Артиллеристы погорели».

Оказывается, человек сорок-пятьдесят солдат спали в большой палатке, которая была закопана в землю. В этом случае по правилам делают два входа. А у них один выход был завален, а перед другим стоял «поларис» — печка, работающая на солярке. Как мне сказали, кто-то из командиров низового звена — то ли комбат, то ли заместитель командира дивизиона — дал команду сушить на этой печке артиллерийский порох. Когда порох вспыхнул, все ломанулись в тот вход, который был свободен, и наткнулись на печку. Сколько их погибло прямо на месте, я не знаю. Говорили, что семь или восемь. Но почти у всех выживших были ожоги дыхательных путей.

В результате за тридцать минут в наш госпиталь поступило двадцать восемь обожжённых. Комбустиологом (врач, специализирующийся в ожоговой медицине. — Ред.) был я один. Но вся наша академическая группа начала мне помогать: «Володя, что

надо делать?». В первую очередь мы должны были произвести активную сортировку. Среди раненых были легко обожжённые, были тяжело обожжённые, были с поражением дыхательных путей. Потом надо было снять те повязки, что были наложены прямо на месте, промыть и обработать поражённые места. Но человек десять из обожжённых находились в состоянии ожогового шока, а это очень опасное состояние.

Я с собой привёз новое полимерное раневое покрытие, так называемый фолидерм. Это новейшее средство, применяемое при поверхностных ожогах. Спасибо тем людям, которые мне тогда его с собой просто так дали, для применения в полевых условиях. Представляет фолидерм из себя газопроницаемую плёнку полиэтилентерефталат, которая накладывается на рану и не удаляется до полного заживления. И уже не нужны крайне болезненные перевязки, когда надо отдирать под обезболиванием повязки. Кстати говоря, до сих пор фолидерм на табельное снабжение не принят. Это — Россия...

Обожжённых доставили нам в течение часа после возгорания, и это очень хорошо, так как нам очень быстро удалось оказать им именно специализированную помощь. А то, как выполнена эта работа, и определяет всё дальнейшее течение болезни. Спасти нам удалось почти всех.

Возмездие

В середине февраля 2000 года мне нужно было попасть в район Барзоя. Там располагался генерал Булгаков, начальник штаба

Северо-Кавказского военного округа. В мою задачу входило проверить, как у них организована медицинская помощь. 18 февраля 2000 года двумя вертолётами мы вылетели из населённого пункта Таргим на территории Ингушетии. На борту были бойцы 56-го десантно-штурмового полка и анестезиолог Миша Кицкало. Чуть в стороне от нас видны были два ударных вертолёта МИ-24.

Летели мы на высоте метров ста пятидесяти. Вдруг по салону вертолёта заметались десантники! Мы все кинулись к иллюминаторам и видим: трассы от горы к нам пошли! Как потом оказалось, это была пушка 2А42, которая на бээмпэ-два стоит (БМП-2. Боевая машина пехоты. – Ред.). Духи сняли эту пушку, видать, с подбитой машины, поставили на станке на платформу от одноосной цистерны. Калибр у этой пушки приличный – 30 мм.

Вдруг все как заорут! Вижу – из задней части вертолёта, который летел перед нами, как из паяльной лампы, вырывается пламя! Из двух задних иллюминаторов тоже пламя бьёт! Может, «шмель» в нём сдетонировал. А может, бочка оранжевая с горючим, которая в салоне МИ-8 находится, взорвалась.

Наша вертушка начала совершать противозенитные манёвры. Пол вертолёта оказался под углом если не девяносто, то семьдесят градусов, точно. Поэтому больше я толком ничего не видел. То вверх подлетим, то вниз камнем падаем. Мы вперемешку со своим снаряжением стали летать по салону. Летали спальники, летали эрдэ, летали каски, автоматы...

Когда вертолётчики начали совершать свой очередной противозенитный манёвр, я физиономией впечатался прямо в иллюминатор. И увидел, что на земле горит огромный дымный костёр, из которого торчат полусломанные лопасти. В сторону этого костра летят зелёные, уже автоматные, трассы. Это «духи» с горы вели огонь по месту падения вертолёта. Я испытал безумный страх. Ведь это горит то, что только что рядом летело! Понимал, что там сейчас горят люди: экипаж и десантники. И я ждал, что мы сейчас отправимся вслед за ними. Причём я был напрочь уверен в этом! И мысли дурацкие в голову лезли: «Как это я буду гореть?».

Перед самой командировкой оружия у меня не было. У госпитальных солдат были автоматы с деревянными прикладами. А мне такой зачем? Я говорю начальнику Моздокского госпиталя Владимиру Сухомлинову: «Володя, давай мне свой пистолет». — «Забирай». Я ещё два магазина к нему прихватил, кобуру полуоткрытую. И вот я так я кувыркаюсь в вертолёте, а сам думаю: «Вот я сгорю, а Володя без пистолета останется и огребёт по полной программе за утрату личного оружия».

Мы летим, летим, летим. Вертолёт снижается, снижается, снижается. Начинает трястись, трястись, трястись... Садимся. И тут же команда: всем из вертолёта дёрнуть. Выбегать, выбегать, выбегать!.. Мы начинаем выбрасывать всё, что было в вертолёте, и выскакивать сами. Вертолёт быстро улетел.

Мы высадились на холме, который был частью общей горной гряды. Перед нами

была гора Ламамаисти. На ней стояла огромная сторожевая башня. Но она была не древняя, а новодел: то ли девяносто шестого, то ли девяносто седьмого года. Её чеченцы поставили в знак якобы победы над Россией в Первой кампании.

Среди снаряжения, которое выбросили из вертолёта, оказалось несколько «шмелей» — реактивных пехотных огнемётов. Они находились в парных укладках с заплечными ремнями, чтобы удобно было за спиной носить. На моё счастье, мне достался один «шмель». И ещё я сам взял «муху», одноразовый гранатомёт РПГ-26. «Шмель» толстый такой, калибр девяносто три миллиметра, а «муха» потоньше.

Командир, старший лейтенант, повёл нас за обратный скат гряды, чтобы нас не было видно с того места, откуда по вертолётам стреляли. С нами был авианаводчик и радист. Они начали связываться со своими. Тот вертолёт, который высадил нас, включился в обработку склонов гор. Я думаю, что нас он высадил, во-первых, чтобы нами не рисковать; а во-вторых, чтобы манёвры какие-то сложные совершать, — вертолёт должен быть лёгким.

Огонь «духовский» стих, и где-то минут через сорок, может быть, через час мы прошли по открытому пространству, над которым справа метра на три возвышался гребень хребта. Шли мы по тропе шириной примерно в метр. И тропа постепенно стала выходить на сам гребень.

Первым пушку и «духов» увидел не я. Солдат, шедший впереди меня, поднялся на

гребень и сразу присел. Мне он говорит: «Товарищ полковник, смотрите!». Я высовываю голову – и перед моим изумлённым взором чуть ниже нас, но прямо на гребне, предстала площадка. Расстояние до неё по прямой было метров сто пятьдесят. На площадке стояла именно та пушчонка, из которой по вертолётам и стреляли. Вокруг «духи» из камней сделали укрепление. Пушка уже не стреляла. Когда потом стали разбираться, выяснилось, что пушку «духи» уничтожили сами. То ли казённик прострелили, то ли гранату внутри взорвали. То есть стрелять они из неё уже не могли. А на этом месте они, скорее всего, хотели просто отлежаться незамеченными, пока вертолёты горы обрабатывали.

Я увидел вокруг пушки пять человек: двое сидят, а трое лежат. Хорошо было видно, что «духи» пытаются спрятаться. Те, которые лежали, так прямо в землю вжимались. А те, что сидели, за куст какой-то пытались схорониться. Смотрели они вниз, в сторону горящей вертушки.

Пришла в голову первая мысль: взять у солдата автомат. Но пока начну стрелять, а ворошиловский стрелок я ещё тот... А может, ещё другие «духи» рядом находятся, и они мне тут такое устроят... Эти залягут, и будем мы с ними перестреливаться. А тут в башку шарахнуло: а на фига у меня за спиной целых две трубы? Я ещё подумал, какую взять: поменьше или побольше? Но почему-то у меня в сторону большого ствола сыграло сразу... Я примитивно, наверное, подумал: чем больше снаряд, тем он точнее летит. Начал вспоминать, как же из «шмеля» стрелять.

Там надо разложить пистолетную рукоятку и прицел, потом снять с предохранителя и только после этого можно бабахнуть. Из гранатомёта я стрелял редко. Поэтому то, что мне удалось выстрелить вообще, да ещё и точно, можно назвать просто чудом.

Остальные наши находились ниже и «духов» не видели. Старший лейтенант сразу подбежал: «Товарищ полковник, чего вы стреляете? Что случилось?». Говорю: «Духи» появились». Он сразу пулемётчика на гребень вытащил и стал в бинокль смотреть. Говорит: «О-о-о... А там ещё были?». Отвечаю: «Да не знаю».

В саму пушку я не попал. Капсула ударила в землю метрах в трёх за «духами». Тех двоих, которые сидели, просто сдуло со склона вместе с камнями. Ведь взорвался термобарический боеприпас. (На открытой местности боеприпас РПО-А при взрыве создает избыточное давление 0,4–0,8 кг/см^2 на расстоянии 5 метров от точки взрыва. Происходит полное «выгорание» кислорода и развивается температура выше 800 °С. – Ред.) Страшное это дело. А вот к тем троим, что лежали, я потом подходил. Их очень сильно взрывом покорёжило.

Пусть это звучит высокопарно, но я на самом деле считаю: мне повезло, что самому удалось совершить этот страшный акт возмездия. Я поквитался и за тех раненых, которые переносили невероятные страдания у меня на операционном столе, и за тех, что умерли у меня на руках. Поквитался я и за погибших ребят в сбитом вертолёте. Этим выстрелом в своей личной войне с «духами» я поставил точку.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ БОЙ

21 февраля 2000 года навсегда остался чёрным днем для армейского спецназа. В этот день в Чечне в районе села Харсеной в одном бою погибли сразу три группы разведчиков армейского спецназа – двадцать пять человек. Выжили всего двое. Мне удалось побеседовать с непосредственным участником и свидетелем этих трагических событий: старшим сержантом Антоном Филипповым (одним из оставшихся в живых разведчиков) и с майором армейского спецназа А.

Рассказывает майор А.:

— Зимой 2000 года генерал Владимир Шаманов проводил наступление на южную, нагорную часть Чеченской республики. Наша задача состояла в том, чтобы выдвинуться вдоль маршрутов движения основной колонны мотострелковых подразделений и обеспечить их прикрытие. Но продвижение пехоты было затруднено: техника застряла в грязи, практически утонула. Мы перемещались по горам только пешком. На пятые сутки все группы встретились и были перенацелены на Харсеной — это село такое. Задача та же — удерживать высоты, чтобы обеспечить проход техники мотострелковых подразделений.

21 февраля 2000 года три разведгруппы ушли вперёд вместе, так как связи у них практически уже не было, сели батареи у раций, только одна ещё работала. Накануне была радиограмма, что к двенадцати часам дня должно подойти пехотное подразделение, а у них будут и связь, и продукты, чтобы заменить нас и дальше выполнять эту задачу уже самим, а мы должны были уйти. Но к двенадцати часам они не пришли: не смогли подняться в горы. Продвигались очень медленно, техника у них завязла.

В то время мы находились на высоте на расстоянии где-то метров восьмисот. У меня в группе было много обмороженных и простуженных. Когда начался бой, был приказ оставаться на высоте и удерживать её. (После боя эти восемьсот метров мы прошли за полтора-два часа.)

Мы не были новичками: и боевые столкновения до этого у нас были, и в засады

мы попадали, но всегда выходили. А так, чтобы в одном бою погибли почти все, — такого не было никогда. В основном сказалась усталость, которая накопилась за восемь дней этих переходов, мотания по горам. И сыграло роль, что люди расслабились, ведь им сказали, что теперь всё, пришли. Они уже слышали, как наша «броня» работает рядышком, и настроились: минут через пятнадцать-двадцать соберут вещи и пойдут.

У нас в живых остались двое. Одному — старшему сержанту Антону Филиппову — осколком гранатомёта срезало нос, на месте лица просто кровавое пятно было. Его и добивать не стали — думали, что он уже мёртвый. Он так в сознании всё это время и пролежал. А второй получил контузию и три пулевых ранения, потерял сознание и скатился вниз под гору.

Рассказывает старший сержант Антон Филиппов:

— В Чечне я с 17 января 2000 года. Хотя это была моя первая командировка, но я уже участвовал в пяти боевых выходах. Срочную службу служил на Севере, в морской пехоте, так что боевая подготовка у меня была более или менее приличная. Но в том бою ничего практически не пригодилось.

Погода в ночь на 21 февраля была ужасная. Мокрый снег шёл, все замерзли как цуцики. А утром солнышко выглянуло. В феврале солнышко хорошее. Я помню, как ото всех пар валил. А потом солнышко исчезло, видимо, ушло за гору.

По нам ударили сначала с двух сторон, а потом окружили полностью. Били из огне-

мётов и гранатомётов. Конечно, мы сами во многом были виноваты, расслабились. Но восемь дней по горам ходили, устали. Просто физически очень трудно было по снегу пробираться так долго. После этого нормально воевать очень тяжело. Спали прямо на земле. На себе всё приходилось нести, боеприпасы в первую очередь. Не каждый был готов нести ещё и спальник. У нас в группе было всего два спальника — у меня и ещё у одного бойца. Я нёс рацию, батареи к ней, ещё и гранатомет тащил. Были в составе группы прикомандированные — инженеры, авианаводчики, арткорректировщики. С ними был солдат-радист. Его гранатомёт нёс мой командир, Самойлов (Герой России старший лейтенант Сергей Самойлов. — Ред.), потом мне отдавал, затем мы менялись, и я его ещё кому-то отдавал. Просто тот радист совсем уже устал. Так и помогали, тащили.

На моей рации батареи почти сели. Думаю, где-то до вечера 21 февраля последняя проработала бы ещё. Утром двадцать первого я передал последний штатный доклад Самойлова. Он мне приказал сообщить командованию, что питание у рации на исходе и станцию мы выключаем, чтобы в крайнем случае можно было что-то передать, на один раз бы её хватило. Но когда бой начался, ничего мне уже передать не удалось.

Моя станция была от меня метрах в десяти, там ещё шесть-семь автоматов ёлочкой стояли. Напротив меня сидел командир, а справа Витёк (сержант Виктор Чёрненький. — Ред.). Ещё в начале командир поручил ему охранять меня с рацией, потому мы

постоянно вместе держались. Когда бой начался, плотность огня была очень большая. Примерно, как если роту поставить, и одновременно все начнут стрелять (рота – около ста человек. – Ред.). Сидели мы группами по два-три человека, метрах в двадцати друг от друга. Как только всё началось, мы прыгнули в разные стороны. Самойлов упал под дерево. Оно там стояло одно-единственное, и ложбинка там как раз небольшая была. Смотрю я на рацию свою и вижу, что её пули насквозь проходят, прошивают. Так что она так и не пригодилась...

У меня лично, кроме гранат, ничего с собой не было. Мне ничего больше и не положено. Их в самом начале я бросил в ту сторону, откуда по нам стреляли. А автомат вместе с рацией остался. У Самойлова с собой был пистолет Стечкина и, по-моему, автомат. Наши ребята начали отстреливаться из автоматов, пулемёты стреляли – и один, и второй. Потом мне сказали, что кого-то нашли убитым в спальном мешке. Но я не видел, чтобы кто-то спал. Не знаю.

Дольше всех стрелял кто-то из наших из пулемёта. Так получилось, что пулемётчик мимо меня проходил. Чеченцы тогда кричали: «Русский ванька, сдавайся, русский ванька, сдавайся!» А он сам себе под нос бормочет: «Я сейчас вам дам сдавайся...». Встал в полный рост, на дорогу выскочил и только начал очередь давать, его и убили.

Мне кто-то из командиров кричал – то ли Калинин (командир роты спецназа, Герой России капитан Александр Калинин. – Ред.), то ли Боченков (Герой России

капитан Михаил Боченков. — Ред.): «Ракету, ракету!..». Я помню, крик был такой отчаянный. Ракета — это сигнал, что что-то происходит. Но она должна быть красная, а у меня только осветительная была. Я в ответ: «Нет красной!». А он не слышит, что я ему кричу — шум, стрельба. Ответа я так от него и не дождался, сам запустил, какая была. И сразу после этого грохнуло что-то, и меня ранило осколком в ногу. Тогда, конечно, я не знал, что осколок, потом мне сказали. Косточку на ступне ударом осколка сломало, а сам осколок так в каблуке и застрял.

Я оборачиваюсь и спрашиваю у Витька (у него голова была у моих ног на расстоянии роста примерно): «Живой?». Он отвечает: «Живой, только ранило». — «И меня». Так мы и переговаривались. Потом опять что-то рвануло под носом. Я Вите: «Живой?». Голову поворачиваю, а друг лежит, хрипит, ничего уже не смог ответить мне. Видимо, его в горло ранило.

Меня ранило второй раз. Если бы я потерял сознание, то тоже бы захрипел. Тогда меня бы точно добили. «Духи» начали оружие собирать, «стечкиных» наших особенно (пистолет системы Стечкина. — Ред.). Я слушал и отметил, как они — кто на русском, кто на ломаном русском, с акцентом, а кто по-чеченски, — кричат: «О, я «стечкина» нашёл!». Они подумали, что я убит — вид у меня, наверное, «товарный» был. Лицо, да и не только — всё кровью было залито.

Сначала «духи» оружие быстренько похватали и унесли куда-то. Недолго отсутствовали, минут двадцать максимум. Потом

вернулись и стали добивать уже всех. Видимо, таких много было, как Витёк, который возле меня лежал и хрипел. Много ребят, видимо, признаки жизни подавали. Вот они их всех и перестреляли из наших же «стечкиных». Слышу — хлоп-хлоп-хлоп! А мне вот повезло. Я лежал тихо, чеченец подошёл ко мне, с руки часы снял. Простые часы были, дешёвые. Потом за ухо голову поднял. Ну, думаю, сейчас ухо будет резать... Как бы только выдержать! Так всё болит, а если охнешь — всё, конец. Но он, как мне кажется, с шеи хотел цепочку снять. А я крестик свой православный всегда на нитке носил. Если бы была цепочка и он начал бы её рвать — неизвестно, как бы всё повернулось.

Цепочку «дух» не нашёл, голову мою бросил, и сразу передёрнулся затвор на «стечкине». Я думаю: всё-всё-всё... И выстрел раздаётся, хлопок. Я аж передёрнулся весь — не удержаться было никак. Но, видимо, не заметил он, что я вздрогнул. В Витька, похоже, стрельнул. Сейчас я абсолютно уверен, что спас меня мой крестик православный.

Недалеко Самойлов лежал, метрах в пяти. Как его убили, не знаю, но в окопчик, где они втроём лежали, боевики гранату кинули.

Если бы я сознание потерял в первый момент и стонал, то точно бы меня добили. А так вид у меня совсем неживой был. В руку — пулевое ранение, остальные осколочные — лицо, шея, нога. Нашли меня, может, часа через четыре, так и лежал в сознании. Видимо, шоковое состояние было, отключился уже перед вертолётом, после пятого промедола (обезболивающий укол. — Ред.).

Сначала пришла, кажется, пехота, которую мы ждали, а она задержалась. Помню, у меня кто-то всё спрашивал: «Кто у вас радист, кто у вас радист?». Отвечаю: «Я — радист». Рассказал им всё, что касалось алгоритма выхода в эфир. Потом меня перебинтовали, ничего после этого уже не видел, только слышал.

А в госпиталь я попал только на следующий день. С двадцать первого на двадцать второе февраля пришлось ночевать в горах, вертолёт ночью не полетел. «Вертушки» пришли только утром двадцать второго. Помню, пить хотелось ужасно. Пить мне давали. Наверное, можно было. Ещё я спросил: «Сколько осталось в живых, сколько положили?». Сказали, что двое живы. Попросил сигарету, курнул и… очнулся уже в вертолёте. Там медик был наш, что-то говорил мне, успокаивал. Мол, держись, всё хорошо, живой. Я, естественно, спросил, что у меня с лицом. Такое было ощущение, что его как будто вообще нет. А он давай меня успокаивать — всё нормально. Я снова говорю: «Что с лицом?». Он мне — носа и правого глаза нет. Видимо, глаз заплывший был сильно. Потом я уже опять вырубился в вертолёте. Что там со мной делали, не помню…

Уже 23 февраля в палате проснулся, в сознание пришёл. Ни встать, ни пошевелить ничем, естественно, не могу — капельница, забинтованный весь. Я стал рукой лицо трогать. Думаю, дай-ка погляжу, глаз-то есть или нет. Разодрал всё вокруг глаза и обрадовался — вижу! Потом из Моздока — в Ростов-на-Дону на самолёте, из Ростова — уже в Москву, в госпиталь.

Когда я лежал в госпиталях, у меня было время подумать. Я понял, что этот бой и всё, что происходило после него, было моим личным крещёнием. Само таинство Крещения я принимал в Троицком соборе Пскова в одиннадцать лет. До этого, да и потом, о вере мне никто не рассказывал. Родители у меня ведь были неверующие. Мама привела в собор, меня крестили, и всё на этом и закончилось. Я даже не знал, как в церковь зайти и какой рукой креститься.

А через три года после ранения, 17 июня 2003 года, я разбился на машине. И только придя в себя через полтора месяца после этой аварии, я стал рассматривать свою жизнь и пытаться понять, что и почему в ней происходило.

Я, во-первых, понял, что 21 февраля 2000 года произошло первое чудо Божье, Господь показал мне свою силу. Причём это выразилось не только в том, что я остался жив. Вот у меня на правой ноге со времён срочной службы была наколка — пасть тигра оскаленная. А после боя эта голова шрамом от осколка оказалась полностью перечёркнута. То есть перечеркнул Господь то, что я себе нарисовал на ноге.

А, во-вторых, другое чудо в том, что после аварии я вообще выжил. Ведь у меня были сломаны три шейных позвонка — пятый, шестой и седьмой. С такими травмами люди вообще не живут. Первые полтора месяца я был в реанимации без сознания. Сначала маме сказали: «Пока живой, но готовьтесь…». Где-то через неделю-две говорят: «Шансы пятьдесят на пятьдесят. Может, бу-

дет жить, а может, нет...». То есть немного обнадёжили. А 2 августа 2003 года я пришёл в себя, хотя вставать, конечно, не мог. Врачи говорят: «Не помирает, очухался вроде. И сейчас, похоже, уже не помрёт. Но коляску инвалидную покупайте сто процентов, ходить вряд ли будет».

А в ноябре 2003 года я поднялся и потихоньку-потихоньку, по стенке, дошёл до кабинета начальника госпиталя. Полковник смотрит на меня круглыми глазами: «Ты как тут оказался?..». Отвечаю: «Сам пришёл, товарищ полковник. Ходить учусь».

Тогда надо было решать, что делать дальше. Состояние физическое у меня было никакое, ноги почти не ходили. Ещё год дома провалялся, не хочется вспоминать как... Но потом Господь меня направил, и я решил попросить комбрига оставить меня на службе. И он меня на службе оставил. Хотя, конечно, от меня ничего сложного не требуется: в строевой части бумаги туда-сюда отнести. Но это совсем другое дело, чем жить на инвалидную пенсию в пять тысяч рублей в месяц.

И постепенно с Божией помощью жизнь моя стала устраиваться. Я женился. А полтора года назад у меня родился сын, Иван. Такая это радость, вымолили мы его у Бога с женой!..

РАЗВЕДКА БОЕМ

Большинство офицеров морской пехоты, воевавших в Чечне, ставили перед собой две главные задачи: победить и сохранить жизни матросам. Офицеры дорожили каждым из них, а матросы берегли своих командиров и при необходимости бились за них насмерть. И ещё морские пехотинцы, входившие в Чечню в январе 1995 года, для себя твёрдо решили: «Домой возвращаются все». До возвращения домой были кровопролитные бои в Грозном зимой 1995 года и наступление на Шали–Агишты–Махкеты–Ведено летом этого же года, а затем – освобождение Дагестана и горной Чечни уже во Вторую чеченскую кампанию. И действительно, домой с этой войны морские пехотинцы вернулись все: и живые, и раненые, и погибшие...

Подполковник Александр Михайлович Лебедев в 1995 году закончил Санкт-Петербургское высшее общевойсковое командное училище им. С.М. Кирова и в 2006 году – Общевойсковую академию ВС РФ. После окончании училища командовал взводом, ротой, батальоном морской пехоты Каспийской флотилии.

В феврале 2003 года во время разведывательно-поисковых действий в горах Чечни под Тезен-Калой рота морской пехоты Каспийской флотилии под командованием майора А.М. Лебедева попала в засаду. Двое суток морские пехотинцы вели бой с превосходящими силами противника в полном окружении. Но в результате они нанесли боевикам значительный урон и, не оставив никого из раненых и погибших, вышли к своим.

Награждён орденом Мужества и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (с изображение мечей).

В настоящее время подполковник А.М. Лебедев – адъюнкт очной адъюнктуры Военного учебно-научного центра Военно-морского флота «Военно-морская академия имени Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова».

Рассказывает подполковник Александр Михайлович Лебедев:

– В феврале 2003 года батальонно-тактическая группа бригады морской пехоты Каспийской флотилии выполняла боевые задачи в составе горной группировки наших войск в Веденском районе Чечни. Основу группы составлял отдельный батальон морской пехоты, которым я тогда командовал.

В двадцатых числах февраля поступил приказ о смене места расположения базового лагеря. После тщательной разведки и всестороннего обеспечения группа совершила марш между сёлами Дышне-Ведено и Джани-Ведено. Джани-Ведено селом можно было назвать только условно: жителей в нём не было, а почти все дома были полностью уничтожены скорее всего авиацией в Первую кампанию.

Между сёлами всего километров шесть-семь. Но мы были готовы к любым вариантам развития событий, поэтому передвигались по всем канонам военной классики: с инженерной разведкой, с дозорами.

За плечами у нас уже был опыт успешного перехода из Дагестана в Чечню: незадолго до этого мы совершили марш через Ботлих и Харачой (в народе этот маршрут принято называть так: пройти через «Волчьи ворота») и встали в Дышне-Ведено. Помню, тогда радиоразведка доложила, что боевики были очень удивлены: проснулись утром – а у них под носом мы, и нас так много! Причём морских пехотинцев. Под данным разведки, был большой переполох. (Ведь обычно войска заходили в равнинную Чечню по хорошей дороге че-

рез Хасавьюрт, а дальше в горную часть — через Ведено.)

Идти в Чечню через «Волчьи ворота» было очень рискованно. Но у нашего комбрига, генерала Сергея Витальевича Пушкина, был огромный боевой опыт ещё с Первой кампании. Он отстоял у командования своё решение идти именно этим путём. Вот так и получилось, что мы боевикам зашли с тыла.

Горная дорога здесь местами очень узкая, с большим количеством каменных завалов. И это оказалось настоящим испытанием — проверкой состояния нашей техники и механиков-водителей. Когда стемнело, стало понятно, что не на всех тягачах исправны фары. Я думаю, что многие взводные надолго запомнили, когда получили от меня приказ заменить механиков-водителей и продолжить выполнение поставленной боевой задачи. После этого марша к техническому состоянию тягачей командиры взводов стали относиться уже совсем по-другому.

Переход от Дышне-Ведено к Джани-Ведено мы подготовили очень тщательно и дошли без засад и подрывов. Комбриг сам очень внимательно относился ко всему, что происходило во время движения. В какой-то момент я поднял руку и стал размахивать ею, что-то громко объясняя. Комбриг тут же ударил меня по руке и отбросил в сторону мою командирскую сумку. Тут только я сообразил: этим я выделился из массы людей и потому стал потенциальной мишенью для снайпера. Но до первого боя такие практические советы воспринимались, если откровенно, не очень серьёзно.

Что меня насторожило ещё во время марша в Джани-Ведено, так это появление заместителя командующего Группировки генерала Сидорова. Стало понятно, что только обустройством позиций в Джани-Ведено дело не ограничится — впереди серьёзная задача. И я не ошибся: часов в десять вечера 25 февраля 2003 года меня вызвали на командный пункт и поставили задачу: произвести разведывательно-поисковые действия в районе посёлка Тезен-Кала.

Уже позже я понял, что эти разведывательно-поисковые действия были, попросту говоря, разведкой боем, про которую мне при постановке задачи ничего не сказали. Я, конечно, должен сам был об этом догадаться. Но на тот момент по своему внутреннему состоянию я походил, в некотором смысле, на боевого робота. Я по натуре исполнительный командир с определённой программой, с помощью которой я старался пошагово сделать всё, что мне было определено старшим начальником. Кстати, и офицеры у меня в батальоне были примерно такими же. Сейчас я понимаю: как для командира батальона, за которым стоят люди, это был минус. Ведь сама обстановка диктовала другое: чтобы переиграть противника, нужны были не прямолинейные и предугадываемые решения, а во многом действия с элементами хитрецы. Надо было и для командования выполнить задачу, и людей как можно больше сохранить. Но найти эту грань и приобрести такой опыт можно было только в бою.

Задачу мне ставили по всем канонам военной науки: «Слушай боевой приказ...». Про-

верили, как я задачу понял, дали пять минут на принятие решения. Решение моё немного подкорректировали.

В любом боевом приказе всё начинается с информации о противнике. Мне было сказано, что встреча с противником возможна, и были указаны рубежи. Но в жизни всё получилось совсем по-другому. Боевики нас встретили совсем не там, где мы предполагали. И вообще впоследствии оказалось, что район вокруг посёлка Тезен-Кала оказался настоящим осиным гнездом, боевые действия в котором велись чуть ли не до 2010 года. Но в тот момент я об этом ничего не знал, и интуиция мне не подсказывала, что будет прямое столкновение с противником.

У меня как командира батальона была определённая градация готовности рот. Наиболее подготовленной была 1-я рота. Состояла она почти полностью из срочников. Да и вообще в батальоне контрактников было всего человек пятнадцать. Ничего хорошего я о них сказать не могу. Эти взрослые парни быстро поняли, что это не то место, где можно без особых трудов и риска стать ветераном боевых действий и денег заработать. Поэтому они с самого начала старались оказаться в таком месте и положении, чтобы им не пришлось бы ходить на боевые выходы. Попросту говоря, выполнять боевые задачи они отказались. А когда мы попали в засаду, ни один из них не вызвался добровольцем идти нам на выручку. И сразу после нашего двухдневного боя почти все контрактники нашли места в первой уходящей машине и поехали увольняться. Но мне с ними было легче рас-

статься, чем с ними остаться. Доверия к ним не было никакого.

Командиром 1-й роты был капитан Сергей Маврин, по многим качествам — сильный профи. К моему решению, что первыми пойдут выполнять боевую задачу именно они, он был готов. Нам удалось дать матросам немного отдохнуть — часа два, максимум три. Ведь перед этим мы целый день совершали марш. Но это не очень помогло. И уже в начале движения я столкнулся вот с чем: по моей команде матросы заняли позиции в своих секторах. Но когда я оглянулся, то увидел, что многие, заняв позицию для стрельбы, просто спят. Бойцы вырубались от усталости чуть ли не на ходу. И у меня в голове сразу всплыли слова, которые на прощание мне сказал командир бригады: «Саша, самое главное в этой задаче — сохранить людей». А перед этим он меня спросил: «А матросы у тебя хотя бы чай попили?». Я сначала даже не сразу сообразил, о чём он говорит: мы же целый день были заняты сложным маршем и всем было точно не до чая. Не знаю, как матросы, но я и мои офицеры перед выходом точно ни поесть, ни попить не успели...

В пять утра наша усиленная рота начала движение. Начался маршрут с очень крутого спуска, приходилось даже использовать верёвки. Потом мы пошли вдоль русла реки. Но рекой она была только на наших старых картах, где даже её глубина вроде была обозначена, а на деле к этому времени она превратилась в ручеёк с отвесными скалами по бокам.

Боевой порядок я построил с учётом горной местности: разделил роту на три боевые

группы, в состав каждой из которых входили саперы, разведчики, связисты и по три ротных пулемёта. Одна группа (возглавил её майор Золотарёв) совершила подъём на верх левого склона, другая под командованием ротного — правого. Склоны эти были крутые, скалистые, поэтому поднимались люди трудно. Но бойцы были подготовлены для действий в горах, и снаряжение у нас было. Поэтому, слава Богу, никто не сорвался.

Подъём и выравнивание длились часа два. Около семи утра мы выровнялись и двинулись вперёд. И почти сразу группа майора Золотарёва обнаружила схрон. Они заняли оборону, инженеры с миноискателями проверили подходы и сам схрон. Мин, правда, на этот раз не нашли. Схрон был прошлогодний, в нём лежали одежда и продукты. С собой мы практически ничего не взяли, уничтожили на месте.

А вот после этого схрона всё и началось. Схрон проверял я лично. Когда мы закончили с ним работу, стали спускаться вниз вдвоём с сержантом-разведчиком из разведбата. Он мне говорит: «Командир, посмотри налево, выше, на двенадцать часов». Я посмотрел — вижу бинокль. Расстояние до него было больше двух километров.

Я был на связи с временно исполняющим обязанности замкомандира бригады подполковником Владимиром Анатольевичем Белявским (из-за рельефа местности прямой связи с комбригом у меня не было). Доложил Белявскому о преодолении очередного запланированного рубежа и о бинокле, который мы увидели. Обратно от комбрига при-

шёл примерно такой ответ: «Александр, это простые пастухи. Их бояться не надо. Надо идти». Получилось, что этим своим докладом я дал командованию повод думать, что я волнуюсь или даже боюсь из-за того, что на меня кто-то смотрит в бинокль. И вообще вышло, что доложил я о такой мелочи вроде зря. (Когда раньше мы выполняли задачу в горном Дагестане на стыке границ Дагестан—Чечня—Грузия, то настоящих пастухов видели часто. Они действительно все были с биноклями. Однажды наш офицер, который к тому времени со своей бородой был сам похож на боевика, окликнул пастухов и с ломаным акцентом спросил: «Аллах акбар! Салям алейкум! Где тут эти русские свиньи?». И пастухи быстро и охотно объяснили ему, как нас найти...)

Через некоторое время «пастухов» с биноклями стало уже двое. Причём наблюдали за нами они в открытую, не стесняясь. (Потом мы узнали, что это со своего командного пункта наблюдали за нами боевики. Получилось, что мы зашли на их шахматную доску. Им просто было нужно довести нас туда, куда они хотели, то есть до того места, откуда им наиболее удобным способом можно было по нам ударить. Хотя, по большому счёту, удобно им было с самого начала и до самого конца.)

Когда мы подошли к месту, где по плану надо было совершать поворот, обе группы были наверху справа и слева. Место это было примечательное: вокруг три горы, русло реки раздваивается, а в центре — открытая площадка. В тот момент я и предположить не

мог, что нам придётся вокруг именно этого места воевать целых двое суток...

Правая гора на картах была обозначена как высота 813.0. По плану мы должны были этой высотой овладеть, разведать и только после этого уходить в базовый лагерь. И эту высоту я точно не забуду никогда...

Одна группа осталась на левой горе, чтобы прикрывать наш подъём с южной стороны. Вторая группа по склону спустилась вниз и держала оборону с востока и запада. А я со своей группой стал подниматься вверх по боевому гребню.

Шли в таком порядке: инженер, разведчик, потом я. Шли мы очень аккуратно — к тому моменту как-то интуитивно всем стало ясно, что тут что-то должно произойти. Дистанцию соблюдали не менее пяти метров, как и положено идти в горах. Поэтому, когда мы оказались уже на середине склона, часть нашей группы только начинала подъём.

Разведчика, который шёл на острие боевого порядка со мной, я знал не очень хорошо: он был из разведбата. Идти ему было тяжело. (Когда раньше мы перепрыгивали через ручеёк, он споткнулся и во всём зимнем снаряжении плюхнулся в воду. Ручей был хоть и мелкий, но промок матрос основательно. Но времени остановиться, просушиться и поменять одежду не было. Поэтому только на коротких остановках ему удавалось что-то переодеть. И матросы, которые нашли схрон, дали ему оттуда трофейный бушлатик, чтобы хоть что-то сухое было на нём надето.) Чтобы хоть как-то подбодрить парня, я расспросил его, кто он и откуда, как оказался в

морской пехоте. Он был из Москвы. Когда его призвали, попал в обычную московскую воинскую часть. Но он стал писать рапорты на командующего Береговыми войсками с просьбой перевести его служить в морскую пехоту. В конце концов его и перевели в Каспийск, в разведбат. Но он и тут стремился быть первым и почти сразу попал на отправку в Чечню.

Медленно продвигаемся вверх. И тут наш инженер наступает на противопехотную мину!.. Взрыватель сработал, а сама мина — нет. Отсырела, наверное. По тому, как он закричал, я подумал, что ему ногу вообще оторвало!.. Но его спас дедовский кирзовый сапог: в каблуках на сапогах стоят медные гвозди, которые и сыграли роль буфера. Частью взрывателя его сильно ударило, но он получил только сильный ушиб стопы.

Мы все заняли позиции (это же практически подрыв)! И с этого момента обстановка полностью изменилась: я увидел одну огневую точку и вторую огневую точку. Расстояние до этих хорошо замаскированных и оборудованных окопов было метров двадцать-тридцать.

Переключились мы мгновенно — подползли и забросали окопы гранатами. Даже если там кто-то и был, то шансов у них остаться в живых не было. Но ответного сопротивления пока не было...

Я приказал продолжать движение. Инженер стал проверять, что перед ним, уже более тщательно: на войне учатся быстро все. И особенно сапёры, у которых вообще только одна попытка. Миноискатель стал пи-

щать: мины справа, мины слева, мины перед нами… Мы подорвали одну, другую и пошли уже по вешкам, которыми инженер стал обозначать проход.

И почти сразу же наткнулись на новые оборудованные позиции. Забросали их гранатами. Потом ещё обнаружили — опять забросали гранатами. Плюс к этому продолжаем подрывать мины, которые инженеры обнаруживают то тут, то там. Стало ясно, что так — с гранатами и подрывами мин — мы и будем идти до самой вершины горы.

Докладываю командованию: «Имею «трёхсотого» и полностью заминированный маршрут. Прошу маршрут поменять, пока обстановка позволяет уйти назад так же, как я и пришёл». Мне ответили, как всегда отвечают на войне: «Надо выполнять боевую задачу. А задача твоя — высота 813.0». Говорю: «Есть, понял».

Но теперь ясно, что на высоту идти надо другим путём. С тактической точки зрения по боевому склону идти вроде правильно. Но боевики тактику тоже знают, и скорее всего именно поэтому и заминировали этот участок.

Я оставил на хребте человек пять-семь для прикрытия и пошёл наверх уже по средней части склона. Путь этот был сложный: приходилось строить живую лестницу из матросов, чтобы пройти некоторые участки: подставлял плечо я, подставляли плечо мне… Потом верхние сбрасывали верёвки, остальные поднимались уже по ним. И так должна была подняться вся группа — на тот момент это человек тридцать.

Прошли один сложный порог, второй, третий... На этот третий я поднимался первым. За мной подполз матрос-разведчик, наш сержант и офицер-разведчик. Всего собралось нас на плато человек шесть. И когда я внимательно осмотрел верхнюю часть склона, то увидел уже не просто окопы, а три хорошо оборудованные долговременные огневые точки с бойницами. До них было не больше ста пятидесяти метров. Стало понятно, что дальше идти некуда.

Именно в этом момент у меня в голове словно что-то переключилось — я перестал быть боевым роботом. Мне стало ясно, что если я хочу выполнить главную задачу, про которую мне сказал комбриг на прощанье (чтобы люди остались живы), то я не должен докладывать и делать то, что мне предписано. Связисту в голос, даже не шёпотом, даю команду выключить радиостанцию. Я хорошо понимал, что на какое-то время потеряю управление ротой. Но сейчас надо было спасать тех, кто оказался со мной.

Говорю матросам: «Пацаны, нам надо быстро спуститься вниз. Но без резких движений. Делайте вид, что мы просто замешкались. А на счёт «раз-два-три» разворачиваемся и прыгаем вниз. Все поняли?». Поняли вроде все. Начинаю считать — раз, два, три... И только мы стали прыгать, как на нас обрушился просто ливень огня!.. Прицельно по нам стреляли и спереди, где я видел три огневые точки, и с того места, откуда за нами «пастухи» в бинокль наблюдали. С флангов били снайперы... Боевики поняли, что мы их обнаружили и дальше не пойдём. Разведка

на этом закончилась, начался тяжёлый бой... Но в этот первый и очень важный момент я добился самого главного: не дал полностью расстрелять первую часть роты. Это уже было много.

Внизу осмотрелся: мы оказались недалеко друг от друга, я всех видел. Помню, рядом был радист Ромашкин, замечательный парень. И тут слышим дикий крик — это кричал паренёк-разведчик. Оказалось, что один он вовремя спрыгнуть не успел, получил ранение в бедро и остался лежать на плато. Он кричит, но боевики его не добивают — ждут, когда кто-то из нас придёт его вытягивать. Наш врач-анестезиолог был как раз в том месте, где ему нужно было встать и просто протянуть руку, чтобы захватить разведчика за одежду и потянуть вниз. Ставлю ему эту задачу, а он в ответ: «Командир, голову поднять не могу, по мне стреляют!..». Я ему кричу: «Выполнять!». И в этот момент командир взвода Костя Ляховский перебежками, ползком и ещё как-то подобрался к краю плато и вытянул на себя раненого. Я понял, что у меня есть человек, которого пуля не берёт, — Костя Ляховский. Так потом и оказалось.

Тут к ним подобрался и медик. Вдвоём они оттащили разведчика в относительно безопасное место и начали колоть ему промедол. Крики почти сразу прекратились, но медик мне говорит: «Он ушёл...». Ранение у разведчика было не смертельное, парень скончался от болевого шока.

Как только по нам ударили, наше боевое охранение и на соседней горе, и у подножья

сразу открыло ответный огонь по тем огневым точкам, которые они смогли обнаружить. Тем самым они прикрыли ту часть моей группы, которая ещё тянулась на подъёме ниже нас. Матросы там сами приняли правильное решение: они пошли не вниз, а подтянулись к нам наверх. В результате мы вместе укрылись за камнями, где нас боевики достать не могли. Но до этого у нас появился раненый: сапёру, которому отбило ногу взрывателем от мины, пуля на излёте попала в плечо, в котором и застряла. Так что он оказался раненым уже дважды.

Во время прыжка сверху у радиста на радиостанция сломалась антенна. Но он тут же с помощью ещё одного матроса стал раскидывать «бегущую волну» (направленная антенна. — Ред.), поэтому связь они восстановили быстро. Управление ротой тоже было восстановлено.

Боевики по нам продолжают стрелять, мы под огнём перемещаемся. В такой ситуации не до деликатности: я прыгнул в ложбинку, где уже лежали два матроса, прямо на них. На меня тоже сверху кто-то упал. И тут слышим, как очень близко прозвучал выстрел! Мы, толком не понимая, откуда стреляют, пару минут отстреливались в направлении возможного противника. Показалось, что боевики подошли совсем близко. Но всё оказалось проще и страшнее: матрос при падении случайно (непонятно, каким образом!) выстрелил в себя из снайперской винтовки в пах!

Приполз врач, стал оказывать ему помощь. Ранение оказалось очень сложное. Врач сказал: «Если оперировать его прямо сейчас, то

есть шанс, что он выживет». Но какая там операция в тот момент! Два дня потом мы носили парня с собой. И всё-таки, когда мы его при эвакуации загружали в «вертушку», он скончался.

Обстановка не меняется, боевики продолжают вести сосредоточенный огонь. Я понимаю, что те четыре офицера, которые оказались со мной, — это и есть мои главные огневые возможности. Ротному я сразу поставил задачу уничтожить снайпера, который целенаправленно бил по нам. И из автомата и подствольника он снайпера всё-таки достал — мы видели, как тот свалился с горы. Это очень помогло. Матросы воочию увидели, что можно даже в такой сложной обстановке не просто стрелять, но и уничтожать противника. Стрелять с этого момента все стали уже осмысленно, часто, даже не дожидаясь команды.

Тут мой заместитель майор Золотарёв говорит: «Александр, видишь, двое стоят? Давай, ты — в левого, а я — в правого». Тогда я уже заметил, что боевики были, судя по их поведению, в наркотическом опьянении. Они стояли в открытую, не боясь, и стоя нас расстреливали. Конечно, они были уверены, что, исходя из обстановки, они нас обязательно добьют: ведь они сверху, и их намного больше. И ещё они были абсолютно уверены, что тот шквал огня, который они на нас обрушили, не даст нам возможности поднять голову, прицельно попасть в них. Беру винтовку, мы с ротным прицелились и на счёт «раз-два-три» двоих одновременно убрали. На таком расстоянии пули калибра 7,62 «ду-

хов» с ног просто срубили. После того, как этих двоих мы сняли, все боевики попадали в окопы.

Но это был один из немногих моментов, когда я стрелял сам. Это была скорее какая-то отдушина для меня. Я чётко осознавал, что должен управлять ротой. Поэтому за два дня боя я свой магазин в автомате так до конца и не расстрелял.

Связь восстановилась, и я начал работать со штабом. Докладываю: «На высоте 813.0 попал в засаду, поднять голову возможности нет. Охранение сдерживает натиск противника, требую помощи «вертушек» и артиллерии».

Артиллеристы отреагировали мгновенно. Цели для них были спланированы заранее. Стрелять по моей команде стали четыре батальонные «ноны». И как только пошли снаряды, обстановка стала выравниваться. У нас появилась возможность перемещаться. Но тут произошёл такой казус, что теперь даже смешно про него вспоминать.

Со мной был арткорректировщик, у которого, как оказалось, было плохое зрение! Он разрывов не видит! Служил себе перед пенсией на какой-то должности спокойной в штабе бригады и даже непонятно, как попал в наши боевые порядки. Артиллерист-то он опытный, грамотный, всё точно рассчитывать может. Но разрывов он вообще не видит!.. Уголки глаз в разные стороны растягивает и говорит: «Саша, я всё равно ничего не вижу!». Я: «Понял, буду корректировать сам».

Стреляют наши точно, поэтому я стал перемещать огонь ближе к нам. Говорю: «Сто

метров ближе!». А матросы со страхом это слышат – это же прямо перед нами! Разрывы ложатся ближе. Я: «Ещё сто метров ближе». И тут матросы кричат со всех сторон: «Командир, не надо сто метров ближе! Пятьдесят метров!». Но ни один снаряд на нас не упал.

Время около двух часов дня. Надо принимать решение, что делать дальше. В Чечне тогда постоянно летал самолёт радиоперехвата, с которого прослушивали все наши переговоры и передавали командованию Группировкой. Обычно на командном пункте включают громкую связь, и все слушают, что мы говорим в эфир. И тут даже не знаю точно, кто, но явно кто-то из командования Группировки, мне по рации говорит: «Сынок, ты успокойся. Против тебя воюют три-четыре чабана. Ты посмотри, какие у тебя силы – у тебя же целая рота! Тебя же на колени ставят какие-то пастухи!». Я, конечно, понимал, откуда такие увещевания. Ведь шёл уже 2003 год. Тогда официально считалось, что давно уже мир, никаких боевиков нет, всё управляемо и под контролем. А тут такой бой! Но мне, откровенно говоря, в тот момент очень хотелось послать этого высокого армейского начальника просто куда подальше. Получается, это он мне раскрывает обстановку, а не я ему докладываю, чтобы он принял меры по оказанию нам помощи и взаимодействию. Мимо меня проходят две «вертушки». Он говорит: «Видишь их? Они сейчас тебе помогут». Отвечаю: «Вижу, понял». Даю им целеуказание ракетницей. Но «вертушки» покрутились, покрутились и ушли, так ни разу и не выстрелив.

С самого начала я по рации комбригу говорил: «Волшебник» (это его позывной), без твоей помощи я даже головы поднять здесь не могу. Прошу помощи». Он: «Помощь будет. Но две группы, которые на горе и внизу, надо отправлять назад». Я думал буквально несколько секунд и согласился с ним — им надо уходить. Решение это было очень трудное, но единственно верное. Мы с моей группой всё равно не сможем сейчас уйти. А если уйдут они, то хотя бы не всю роту положим здесь. Но принимать это решение мне приходилось за всех тех, кто был со мной. Они же слышали всё от начала до конца, но не было ни одной попытки вмешаться в эти переговоры.

На это решение командиры двух групп мне по радиостанции категорично ответили: «Командир, никто отсюда никуда не уйдёт. Мы будем с тобой до последнего». Это ведь давняя традиция морской пехоты: не оставлять товарищей в сложные минуты. «Волшебник» мне кричит: «Ты дал команду?.. Они ушли?». Я: «Команду дал, но ребята сказали, что будут стоять насмерть». Он: «Сделай всё, чтобы спасти людей». Я: «Понял». И командирам уже прямым текстом говорю: «Вопрос не в вас и не в том, чтобы нас спасти. Вопрос в тех людях, кто рядом с вами. Вы же должны ещё из боя выйти! И если вы дойдёте, то это будет уже хорошо. А с нами будет всё нормально». Связь к тому времени была уже открытая, потому что вся аппаратура для шифрования переговоров была пробита и не работала.

Командиры групп сказали: «Если ты приказываешь уйти, чтобы спасти людей, то

мы уйдём». Мы попрощались, и они пошли назад. В этот момент мы испытывали даже какое-то облегчение, что уже точно не будет целой погибшей роты, как у десантников под Улус-Кертом в 2000 году. И именно слова про погибших десантников сыграли главную роль в том, что командиры всё-таки приняли решение уводить людей, хотя для этого им пришлось оставить товарищей. В итоге получилось, что ушли они очень вовремя. У боевиков ведь было несколько отрядов. И они замкнули кольцо вокруг нас почти сразу после того, как эти две наши группы прошли.

Ближе всех у меня были отношения с моим заместителем, мы с ним вместе служили ещё с училища. И здесь мы отстреливались спина к спине. Мы попрощались друг с другом, договорились, что сказать родным, если кто-то из нас погибнет, а другой останется жив.

Когда мы остались одни, то стало понятно, что для того, чтобы остаться живыми, надо бороться за свои жизни и не сдаваться. Я для себя определил, куда мы будем уходить, когда окончательно стемнеет. И артиллерию я уже наводил с учётом выбранного направления, чтобы они нам на направлении отхода освободили какую-то полосу. А маршрут этот был практически тот же, по которому мы шли до начала боя: на вершину высоты 813.0.

Пока окончательно не стемнело, я наблюдал, как у боевиков перестаёт работать одна огневая точка, другая, там упал «дух», здесь... Мы реально прорубали себе полосу для отхода. Я планировал подняться на высоту, занять её вершину, держать оборону и ждать помощи уже там.

Как мне потом рассказали, примерно в это время в базовом лагере комбриг построил личный состав батальона, кратко описал ситуацию и сказал: «Добровольцы, выйти из строя!». Вперёд шагнули почти все. Это тоже наша ещё дедовская традиция – спасти товарища. Из строя тогда шагнул и подполковник Владимир Анатольевич Белявский, командир разведбата нашей бригады. Он и возглавил группу, которая пошла к нам на помощь.

Они поднялись на высоту 813.0, только с обратной стороны. Я думаю, что боевики их тогда пропустили специально – вот ещё одна группа пришла, очень хорошо... Потом стало ясно, что «духи» были полными хозяевами ситуации в этом районе и находились практически везде.

К тому времени я уже перестал наводить артиллерию. Её огонь стал беспокоящим, по возможным местам нахождения боевиков. Те тоже по нам особо не стреляли, потому что тем самым себя легко обнаруживали. А что после этого с ними бывает, они уже прекрасно почувствовали на своей шкуре. Поэтому какой-то огонь вёлся, но он уже не был прицельным.

С того места на склоне, где начался бой, я уходил последним, как это часто делают командиры.

Надо было преодолеть один из порожков. И тут у меня отказали ноги (ощущение очень страшное!), я покатился по склону вниз... Ротный и мой зам меня догнали и остановили. Какое-то время они ползли и меня по земле за собой тянули, потом вставали и за со-

бой волокли. Так прошло примерно полчаса. И тут необъяснимым образом ноги ко мне вернулись! Физически я был подготовлен очень хорошо. Похоже это было что-то нервное.

Уже стемнело. На небольшой в общем-то горе мы с Белявским, особо себя не обнаруживая, искали друг друга довольно долго. Но в конце концов встретились. Тут состояние и моё, и матросов резко изменилось. Когда комбриг раньше обещал, что помощь будет, тогда появилась надежда. А когда мы услышали наших, а затем и увидели, мы поняли, что мы не одни, нас не бросили. Это был поворотный момент. Мы поняли, что мы обязательно выйдем.

У морских пехотинцев очень много традиций, которые мы все чтим. Это происходит и на занятиях, и просто в повседневной жизни, а значит, традиции продолжают жить. Ещё во время Первой чеченской кампании на практике было доказано: морская пехота своих не оставляет. И это сработало и на этот раз.

С собой мы несли на себе и «двухсотого», и «трёхсотого». Нести погибшего было особенно трудно — парень весил больше ста килограммов. Да и психологически это тоже очень тяжело. Но, несмотря ни на что, мы никого не бросили.

Белявский был старше меня и по званию, и на тот момент по должности (был временно исполняющим обязанности замкомбрига), и по возрасту. Поэтому он взял управление на себя.

Построили боевой порядок и начали движение. Маршрут мы выбрали принципиаль-

но новый. Но это не сильно помогло: боевики, как оказалось, были везде...

Первым пошёл разведчик (он был самый подготовленный и, как говорили, с «чутьём»), потом Белявский, потом мой радист. За ними шёл я, замкомбата, далее – ядро группы. В замыкании я поставил лейтенанта Сергея Верова и сказал ему те слова, которые обычно командир говорит в таком случае: «Серёжа, после тебя не должен остаться ни один автомат, ни один штык-нож, а уж тем более ни один матрос! И я должен быть уверен, что если я вижу тебя, то после тебя точно никого нет». Это был очень перспективный офицер, добросовестный, неравнодушный. Я совершенно не удивился, когда увидел его среди добровольцев, которые пришли нам на выручку. Он гордился, что служит в морской пехоте, и глаза у него горели. Накануне, во время передвижения батальона в Джани-Ведено, он был на обороне моста – это очень ответственное задание. А когда боевое охранение на мосту сняли, он вернулся в расположение батальона последним, уже ночью. Получается, что шагнул он из строя добровольцем почти сразу после выполнения боевого задания.

Шли мы по тропе. Колонна растянулась метров на двести. Я постоянно проверял самый конец хвоста группы – вроде никто не отставал. К этому времени ни один миноискатель уже не работал. Поэтому шли мы, как ходят спецназовцы, на чутье. Были настороженны, внимательны, в готовности. Но долго нам идти не пришлось – минут через двадцать-тридцать внезапно вдоль тропы по нам начинает работать пулемёт!..

Впереди меня шёл радист. Когда он начал уворачиваться в сторону, ему попали несколько пуль в спину. Пули разбили радиостанцию, которая, получается, его и спасла.

Почти сразу по нам начали работать огневые точки ещё и с флангов. Стало ясно, что боевики везде, и каждая тропа имеет засаду.

Замешательство длилось буквально какие-то доли секунды. Но всё, что мы в первый момент могли сделать, это упасть и попытаться хоть как-нибудь укрыться. Разведчик первым ушёл с тропы влево, мы с товарищем упали вправо. А там — обрыв! Я успел за что-то ухватиться, упереться ногами, подтянулся и не улетел вниз. А замкомбата скатился метров на сорок по снежному склону, с ним ещё человек пять или шесть. (Несколько суток они числились пропавшими без вести. Потом замкомбата всё-таки вывел их к своим. Он рассказывал, что когда они уже собрались вместе внизу, над ними прошли «духи». Сначала он принял решение открыть огонь на поражение. Но потом стало ясно, что «духов» очень много и они были выше по склону. Шансов их уничтожить и самим остаться в живых практически не было.)

В первый момент мне показалось, что те сорок-пятьдесят человек, которые шли за мной, погибли. Была абсолютная внезапность и полный охват огнём всей колонны — от первого до последнего матроса. Если в головной дозор стрелял только пулемёт спереди, то по всей колонне били ещё и с боков. От непрерывной стрельбы стало совсем светло. Плюс к этому «духи» подвесили осве-

тительную миномётную мину на парашюте и продолжали расстреливать нас в упор.

Когда я подтянулся повыше, то прямо перед собой увидел тело погибшего разведчика, которого мы несли с самого начала. Я его развернул и стал им прикрываться. Пули в него попадали одна за другой... Получается, что он спасал меня даже уже мёртвый.

И вдруг наступает абсолютная тишина... И «дух» с явным нечеченским, а именно арабским акцентом, на ломаном русском языке предлагает нам сдаться. Всё как в фильме про немцев: «Урус, сдавайся! Гарантируем жизнь, еду и всё остальное...». Он повторил это несколько раз. Говорил ещё, что времени на раздумье не даст.

Отвечать ему смысла не было никакого. Я знал, что я-то уж точно не сдамся. У каждого из нас, а особенно у офицеров, была припасена граната Ф-1. Кольцо на гранате я вырвал и держу гранату в руке в готовности. В этом не было какого-то особого героизма. Просто все прекрасно знали, что подорваться лучше, чем испытать то, что приходилось переживать нашим в плену.

Тот огонь, который бил с флангов колонны, приближался. Было похоже на то, что это «духи» дострелúвают оставшихся в живых. Складывалось впечатление, что нас полностью уничтожили...

И в этом момент слева я слышу голос: «Комбат, это я, пулемётчик. Ты живой?..». Я: «Конечно, живой!.. Кто слева от тебя?». И пулемётчик начинает перечислять. Тут я понимаю, что всё совсем не так, как мне казалось минуту назад. Я: «Двое — на эту сто-

рону, двое — прямо, двое — на ту». Спрашиваю пулемётчика: «Слышишь, откуда «дух» предлагает нам сдаться?». Отвечает: «Слышу». И после того, как я определил сектора для стрельбы, подаю команду: «Огонь!..». И мы разом ударили. И видно было, что мы попали. Ведь боевики предлагали нам сдаться и стояли в полный рост. Похоже, они были абсолютно уверены, что мы уже сломлены и не будем оказывать никакого сопротивления. В результате с левой стороны мы уничтожили почти всех, кто там был.

Тут поступило предложение пойти в лобовую атаку на пулемёт, который бил по нам сбоку сверху. Но я понимал, что в этом случае мы просто положим тех, кто на этот пулемёт пойдёт. Причём положим без гарантии, что от этого будет хоть какой-то толк. Задачу, конечно, надо выполнять. Но только не надо посылать людей лезть в лоб. То же самое можно сделать по-другому.

Поэтому я тому, кто предложил идти на пулемёт, сказал: «Нет вопросов – ты идёшь первым». На тот момент для меня главной и единственной задачей стало сохранить жизнь тех, кто оказался со мной. (На протяжении всей моей службы, когда мы встречались в отпусках с мамой, она мне постоянно говорила: «Саша, помни – за тобой люди!».) Я снова вспомнил её слова и перестал думать о том, что мы должны кого-то уничтожить и что-то завоевать ценой жизни даже одного человека. Надо было сохранить тех, кто пока оставался в живых.

Тут подползает контрактник и говорит: «Командир, я это сделаю». Я: «Хорошо.

Только не в лоб. Обойди возвышенность и заползи ему сзади. Возьми с собой того, кого посчитаешь нужным». Сразу нашлись два матроса, и они поползли. И эту задачу выполнили. (Кстати, уничтожение пулемёта и позволило нам остаться ночью на этом месте. По нам стреляли, вокруг разрывались мины. Но это было уже не так прицельно, от такого огневого воздействия мы смогли укрыться.)

Наступило какое-то неустойчивое, но равновесие. Нам вставать и куда-то идти смысла особого в этой обстановке не было. Но и боевики к нам лезть боялись, потому что мы их реально уничтожали.

Оставался ещё пулемёт прямо, который ударил по нам первым. Я ставлю задачу Косте Ляховскому и ещё двоим скрытно подойти к нему на бросок гранаты и гранатами забросать. Что Костя это сделает, я ничуть не сомневался. Но получилось так: Костя перешагнул через растяжку, а лейтенант Веров, который шёл за ним — нет. Взрыв!.. Боевики подход к себе заминировали — это классическое тактическое решение.

Костя — без единой царапины, двух матросов ранило. А вот Серёжу Верова ранило очень серьёзно, одну сторону ему полностью посекло осколками. А «душьё», когда увидели взрыв, усилили и психологическое давление, и огонь. (Костя всё-таки сумел подползти к Верову и был почти готов его вытянуть. Он его потом и вытянул. Но к тому моменту Серёжа уже погиб.)

Стрельба какое-то время ещё продолжалась. Потом «духи» прямо над нами (выше метров на триста-четыреста, их наш огонь не

доставал) развели костёр и стали петь и танцевать свои волчьи танцы. Я думаю, что этим они старались нас морально додавить, что, конечно, у них не получилось. К рассвету всё утихло, и они ушли.

Было часов пять утра. Как только немного рассвело, вокруг стали падать мины!.. Как это обычно на войне бывает, это наша же батарея открыла огонь почти прямо по нам. Даже если у кого-то и была мысль заснуть в этой обстановке, тут все не только проснулись, но и снова пришли в боевое состояние.

Обстрел вроде закончился. И тут мы слышим: «Пацаны!..». Я: «Никому голову не поднимать и никому не отвечать». Снова: «Пацаны!..». Кричу: «Кто?». Он называет фамилию – это оказался наш сапёр. После подрыва, когда погиб Веров, а он был ранен, парень оказался ближе всех к боевикам. Но он никак себя не обозначил и так молча и пролежал всю ночь. Тем самым он и боевикам не дал себя добить, и нас к себе не притягивал. А только когда он увидел, что «духи» ушли, он стал нас звать.

Я ему: «Ты один?». Отвечает: «Один». Но вполне было возможно, что в этот момент у него нож у горла или ещё где-то. Я исходил из самого плохого варианта: так боевики вытягивают с его помощью на себя ещё людей. Спрашиваю матросов: «Кто из инженерной роты?». Подполз к тому, который откликнулся, и говорю: «Как маму или отца его зовут? Надо задать ему какой-то вопрос, ответ на который ты знаешь». Кричу: «Если у тебя всё нормально, то скажи, как у тебя маму зовут?». Понятно, что если его «духи» держат,

то он назовёт другое имя. Но он назвал настоящее. Сапёр и ещё два сержанта говорят мне: «Разрешите, мы братишку вытащим?». Мы прикрыли их на всякий случай, но вытащили они его нормально.

Кричал парень нам из последних сил, он просто истёк кровью за ночь. Когда его притащили, доктор показывает мне на чёрные «очки» вокруг глаз — ясный признак, что человек вот-вот умрёт. Спрашиваю: «Говори, что маме хочешь сказать». Он прошептал еле слышно: «Скажите маме, что я её очень люблю». А потом вздохнул и умер...

Связь есть, комбриг говорит, что к нам пошла ещё одна группа. Мы с Белявским определились, что в базовый лагерь мы пойдём через гору по тому маршруту, по которому придёт эта рота.

Дождались своих. Пришли они только часов в восемь-девять утра. Шли они очень аккуратно, со всеми мерами предосторожности. Возглавлял группу начальник штаба моего батальона, капитан Алексей Скипин. Сразу бросилась в глаза разница между теми моими бойцами, которые побывали в первом бою, теми, кто пришёл потом с Белявским, и этими. Алексей привёл свежих, готовых к бою, но необстрелянных матросов. А у нас, особенно тех, кто был с самого начала, вид был соответствующий. Мы непрерывно воевали, ничего не ели и не пили уже почти больше суток.

Утром мы провели разведку и попытались найти тех, кто скатился с обрыва вниз. Но внизу мы никого не было. Ушли ли они сами или их увели — на тот момент было непонят-

но. Поэтому я объявил их без вести пропавшими. (Уже потом замкомбата мне рассказал, что они, после работы пулемёта спереди и того шквала огня, который обрушился на всю нашу колонну с боков, были уверены, что наверху из нас в живых никого не осталось. Ведь плотность огня и расстояние, с которого по нам стреляли, вроде не оставляли для нас никаких шансов. Но в этот момент отчётливо было явлено то, что мы воины, с которыми Бог. Я сам видел, как очереди пулемётчика на тропе шли прямо на нас и расходились в разные стороны! Даже чувствовалось, как душман в этот момент старается полосовать изо всех сил, а в нас не попадает! Он строчит всё прицельней: ведь прекрасно понимает, что он выиграет только от внезапности. А в результате во время этого первого удара у нас даже раненых не было, хотя стрелял пулемёт по нам практически в упор – с расстояния не больше ста метров.)

Помню, выглянуло солнышко, снег подтаивал... Только решили начать восхождение, как авианаводчик докладывает, что к нам идут шесть или восемь «вертушек». И что старший начальник через вертолётчиков передал, чтобы мы спускались на площадку, где ручей раздваивался, и ждали эти «вертушки». Мы – перед выбором: подниматься в гору и спускаться в базовый лагерь или спускаться к руслу реки и ждать «вертушки». (Потом выяснилось, что авианаводчик, под впечатлением наших хождений по земле, очень хотел улететь из этого ада. И он представил дело так, как будто эвакуация на «вертушках» – это приказ старшего

начальника. Но на самом деле это был его личный вариант. В итоге, когда его ранили, и мы грузили его в вертолёт, он признался, что просто хотел, чтобы весь этот ужас как можно скорей закончился.)

Мы авианаводчику в такой обстановке доверяли полностью. А связь на тот момент была только у него и только с «вертушками». В результате мы пошли вниз на предполагаемую площадку приземления. Но опять идти нам дали недолго – по нам стали работать снайперы!.. Тут уже окончательно стало ясно, что боевики ждут нас везде. Просто какое-то наше положение более для них удобно, а какое-то менее. И если им в определённый момент не очень удобно, то они спокойно ждут, пока мы сами подойдём в то место, где им легче по нам стрелять.

Снайперы били метров с трёхсот-четырёхсот. Ничего не оставалось делать, как снова залечь. Но тут появились «вертушки»! И отработали вертолётчики очень хорошо. Мы дали им целеуказание, а они встали в круг и начали методично бить снайперов. (После работы вертолётов стрелять по нам перестали – все были уничтожены.) Причём мы своими глазами видели разрывы, видели вываливающиеся с огневых позиций тела боевиков. Кстати, мы тоже боевикам добавили, как смогли. Так что вместе с вертолётчиками у нас получилось очень даже неплохо.

К этому времени матросы полностью преобразились, если сравнивать с тем состоянием, которое у них было до и во время первого боя. Особо управлять кем-то уже было не надо: все сами искали цели, не боялись по

ним стрелять под огнём и, что самое главное, были в состоянии именно уничтожать противника. Хорошо помню разведчика, который мне кричит: «Командир, ты видел, как я этого снайпера сделал?!.». Отвечаю: «Видел. Отлично!».

Когда стрельба по нам прекратилась, мы продолжили спускаться к площадке приземления. Пришли на пятачок, с которого в первый день начинали восхождение на высоту 813.0, выставили охранение. Но вертолётчики приняли охранение за боевиков и тут же начали уничтожать! (Получилось, что наши стали выдвигаться как раз в тот момент, когда вертолётчики заходили.) Ударили они по нашим серьёзно. Хорошо, что мы быстро сумели «вертушкам» сообщить, что они бьют по своим. Никого из наших они зацепить не успели. Интересно, что там опять был Костя Ляховский, который и тут выжил. Было ясно, что там где находится он, можно чувствовать себя спокойно. Костю пуля не брала.

Но как только мы расположились рядом с площадкой приземления, по нам ударили уже из самой Тезен-Калы, которая была на горе над нами. В бинокль я увидел и гранатомёт АГС-17, и пулемёт, и просто стрелков. Начался очередной огневой вал...

Вдобавок и с той высоты 813.0, куда мы поднимались в первый день, тоже начинают по нам вести огонь... Стреляли по нам метров с пятисот-шестисот. У нас снова появились и «двухсотые», и «трёхсотые». Они были из тех парней, кто пришёл с начальником штаба. Ведь те матросы, кто был со мной с самого начала, всё уже понимали. (Утром

произошёл очень показательный случай: я запустил ракету, чтобы обозначить, где мы находимся. И когда сверху упала картонка от этой ракеты, можно было снимать фильм о том, как должны действовать бойцы в бою. Картонка падает (ну какой от неё мог быть звук при падении!), а все тут же занимают огневые позиции в соответствии с тем, сколько нас и какая у нас позиция. И матросы начинают прицельно стрелять в тех направлениях, откуда мог нас атаковать враг! Никакой специальной команды: «К бою!» уже подавать было не надо.)

Два наших пулемётчика из 2-й роты (они были всё время вместе, словно братья) открыли огонь по Тезен-Кале, тоже по пулемётному расчету. Их на занятиях по огневой подготовке всегда учили, что очередь должна быть из трёх-четырёх патронов, и они обязательно должны менять огневую позицию. Мы кричим им: «Меняйте позицию!..». Они не слышат. Снова: «Меняйте позицию!..». Они снова не слышат. А у боевиков ведь всё вокруг пристреляно. И я вижу, как одному и второму пулемётчику в грудь влетает по гранате от АГС-17... Хотя они оба были в бронежилетах, гранаты пробили их насквозь. Парни смотрят на дым, который у них из груди идёт, потом глянули на меня с таким примерно выражением лица — мол, хотели как лучше... И падают замертво.

Мы продолжаем отстреливаться. Но я не очень понимал, как под таким огнём будут садиться и взлетать «вертушки». Скорее всего, экипажи должны были отказаться в такой ситуации садиться. Но они оказались такими

же рисковыми, как и мы. И ещё, я думаю, они очень хорошо понимали, что кроме них вытащить нас отсюда уже не сможет никто.

«Вертушки» зашли, но с первого раза сумела сесть только одна. У остальных топлива было только на два-три захода для огневого удара. Когда первая «вертушка» только начала спускаться, мы встали во весь рост и своим огнём не дали «душью» даже голову поднять, не дали стрелять даже не прицельно. В этот первый вертолёт мы загрузили всех раненых и погибших.

Вспоминаю ещё характерный момент. Когда я управлял огнём вертолётов, меня лётчик спрашивает: «Для прокуратуры, статья уголовного кодекса такая-то... В селе есть мирные жители, гражданские лица, женщины, дети, старики? Наблюдаешь людей с оружием?». Отвечаю: «Все вооружены, детей и стариков нет. Полностью осознаю и понимаю всю ответственность. Огонь!». И они «нурами» ударили. Я думаю, что Тезен-Кала была не обычным населённым пунктом, а базой подготовки боевиков. После такого удара всех там, казалось бы, вертолёты должны были уничтожить. И действительно, наступило затишье.

Мы воспользовались этим моментом и заняли ещё и другую высоту. Сзади мы прикрыты, две высоты контролируем. И тут у меня возникла мысль пойти в саму Тезен-Калу. Дело в том, что вертушки должны были взлетать как раз через неё, другого пути не было. Представьте себе: боевик сидит и прямо к нему снизу поднимается вертолёт... Но когда я огляделся и увидел, в каком состо-

янии находятся матросы, то идея о штурме Тезен-Калы отпала сама собой.

Начинало темнеть. Но «вертушки» мы ждали недолго – одна начинает снижаться. И тут мне Белявский и мой начальник штаба говорят: «Садитесь и улетайте». Я: «Да вы что! Я последним отсюда уйду!». Скипин мне: «Вы все сильно устали. Забирайте тех, кто был с вами, и улетайте». Я крикнул своим, чтобы собрались те, кто был со мной с самого начала, и дал команду садиться в вертолёт. Состояние к тому времени у меня действительно было специфическое. Я уже не нагибался под пулями. Другие лежат под огнём, а я просто стою во весь рост. Я почему-то уже точно знал, что со мной ничего не случится.

А своим начальником штаба, который принял такое сложное для него решение взять на себя ответственность вместо меня, внутренне я гордился. Гордился и теми командирами взводов, которые увели в первый день матросов. Замечательные в батальоне собрались у меня офицеры.

Все мы, стоя в полный рост, прикрываем огнём и эту «вертушку». Тут произошёл очень характерный для посадки в вертолёт в таких условиях случай. Посадкой, как обычно, руководил борттехник, прапорщик. Ситуация такая, что разговаривать некогда. И когда он решил, что больше людей брать на борт нельзя, он бьёт моего матроса прикладом автомата по голове. Бедный парень, который и так измучен, тут получает уже от своего в голову просто потому, что он лишний получается в вертолёте!.. Я этому пра-

порщику сразу двинул в челюсть, он куда-то внутрь улетел и вырубился. Заталкиваю паренька и залезаю сам. А лётчикам показываю — поднимаемся!..

Но подняться-то мы должны до уровня Тезен-Калы, где нас точно «духи» поджидают! Тут я встал в кабине на колени, упёрся стволом автомата в пол, как и положено по мерам безопасности, и стал креститься и читать молитвы. А молитвы я знаю. Все на меня посмотрели, встали на колени и тоже стали молиться. Мы молимся, вертолёт поднимается. В иллюминаторы видим «духов» в окопах, которые стреляют по нам в упор, слышим, как пули попадают в корпус... И вот что удивительно: «вертушка» была вся пробита пулями насквозь! Но ни одна пуля не попала в баки и никого из нас не зацепило. И до базового лагеря мы всё-таки дотянули...

ПИТЕРСКАЯ РОТА

Никто сейчас не вспоминает о том, что в 1995 году была возрождена морская традиция времён Великой Отечественной войны – на базе более чем двадцати подразделений Ленинградской военно-морской базы была сформирована рота морской пехоты. Причём командовать этой ротой пришлось не офицеру морской пехоты, а моряку-подводнику...

Совсем как в 1941 году, матросов практически прямо с кораблей отправили на фронт, хотя многие из них автомат держали в руках только на присяге. И эти вчерашние механики, связисты, электрики в горах Чечни вступили в бой с хорошо подготовленными и до зубов вооружёнными боевиками.

Моряки-балтийцы в составе батальона морской пехоты Балтийского флота отвоевали в Чечне с честью. Но из девяноста девяти бойцов домой вернулись только восемьдесят шесть...

СПИСОК

военнослужащих 8-й роты морской пехоты Ленинградской Военно-морской базы, погибших при ведении боевых действий на территории Чеченской республики в период с 3 мая по 30 июня 1995 года

1. Гвардии майор Якуненков
   Игорь Александрович (23.04.63– 30.05.95)
2. Гвардии старший лейтенант Стобецкий
   Сергей Анатольевич (24.02.72–30.05.95)
3. Гвардии матрос к/с Егоров
   Александр Михайлович (14.03.57–30.05.95)
4. Гвардии матрос Калугин
   Дмитрий Владимирович (11.06.76–08.05.95)
5. Гвардии матрос Колесников
   Станислав Константинович (05.04.76–30.05.95)
6. Гвардии матрос Копосов
   Роман Вячеславович (04.03.76–30.05.95)
7. Гвардии старшина 2-й статьи Кораблин
   Владимир Ильич (24.09.75–30.05.95)
8. Гвардии младший сержант Метляков
   Дмитрий Александрович (09.04.71–30.05.95)
9. Гвардии старший матрос Романов
   Анатолий Васильевич (27.04.76–29.05.95)
10. Гвардии старший матрос Черевань
   Виталий Николаевич (01.04.75–30.05.95)
11. Гвардии матрос Черкашин
   Михаил Александрович (20.03.76–30.05.95)
12. Гвардии старший матрос Шпилько
   Владимир Иванович (21.04.76–29.05.95)
13. Гвардии сержант Яковлев
   Олег Евгеньевич (22.05.75–29.05.95)

**Вечная память погибшим,
честь и слава живым!**

Рассказывает капитан 1-го ранга В. (позывной «Вьетнам»):

– Командиром роты морской пехоты я, моряк-подводник, стал случайно. В начале января 1995 года я был командиром водолазной роты Балтийского флота, на тот момент единственной на весь Военно-морской флот. И тут пришёл вдруг приказ: из личного состава подразделений Ленинградской военно-морской базы сформировать роту морской пехоты для отправки в Чечню. А все пехотные офицеры Выборгского полка противодесантной обороны, которые и должны были ехать на войну, отказались. Помню, командование Балтийским флотом тогда ещё пригрозило их посадить в тюрьму за это. Ну и что? Посадили хоть кого-то?.. А мне сказали: «У тебя хоть какой-то опыт есть боевой. Принимай роту. Отвечаешь за неё головой».

В ночь с одиннадцатого на двенадцатое января 1995 года я принял эту роту в Выборге. А уже утром надо улетать в Балтийск.

Как только приехал в казармы роты Выборгского полка, построил матросов и спрашиваю их: «Знаете, что мы идём на войну?». И тут полроты падает в обморок: «Ка-а-ак?.. На какую-такую войну!..». Тут они поняли, как их всех обманули! Оказалось, что кому-то из них предложили в лётное училище поступить, кто-то в другое место ехал. Но вот что интересно: для таких важных и ответственных дел почему-то отобрали самых «лучших» матросов, например с «залётами» дисциплинарными или даже вообще бывших правонарушителей.

Помню, подбегает майор местный: «Да ты зачем им это сказал? Как их мы теперь будем удерживать?». Я ему: «Ты рот закрой... Лучше мы здесь их будем собирать, чем я потом их там. Да, кстати, если ты не согласен с моим решением, могу с тобой поменяться. Вопросы есть?». Больше у майора вопросов не было...

С личным составом стало твориться что-то невообразимое: кто-то плачет, кто-то в ступор впал... Конечно, были и просто законченные трусы. Из ста пятидесяти их набралось человек пятнадцать. Двое из них вообще рванули из части. Но такие и мне не нужны, этих я бы и сам всё равно не взял. Но большинству парней всё-таки перед товарищами было стыдно, и они пошли воевать. В конце концов на войну отправились девяносто девять человек.

На следующий день утром я роту снова построил. Командир Ленинградской военно-морской базы вице-адмирал Гришанов меня спрашивает: «Есть какие-то пожелания?». Отвечаю: «Есть. Все здесь присутствующие едут умирать». Он: «Да что ты?! Это ведь рота резерва!..». Я: «Товарищ командир, я всё знаю, не первый раз вижу маршевую роту. Здесь у людей семьи остаются, а квартир у них ни у кого нет». Он: «Мы об этом не подумали... Обещаю, вопрос этот мы решим». И слово своё потом сдержал: все семьи офицеров квартиры получили.

Прилетаем в Балтийск, в бригаду морской пехоты Балтийского флота. Сама бригада в то время была в полуразваленном состоянии, так что бардак в бригаде умноженный на

бардак в роте дали в итоге бардак в квадрате. Ни поесть нормально, ни поспать. И ведь это прошла только минимальная мобилизация по одному флоту!..

Но, слава Богу, на флоте к тому времени ещё оставалась старая гвардия советских офицеров. Они-то начало войны на себе и вытянули. А вот во вторую «ходку» (так морские пехотинцы называют период боевых действий в горной Чечне с мая по июнь 1995 года. — Ред.) многие офицеры из «новых» пошли уже на войну за квартирами и орденами. (Помню, как ещё в Балтийске один офицер просился в мою роту. Но мне было брать его некуда. Я тогда ещё его спросил: «Ты зачем хочешь ехать?». Он: «А у меня квартиры нет...». Я: «Запомни: на войну за квартирами не ездят». Позже этот офицер погиб.)

Заместитель командира бригады подполковник Артамонов мне сообщил: «Твоя рота улетает на войну через три дня». А у меня из ста человек двадцати даже присягу пришлось принимать без автомата! Но и те, кто имел этот автомат, тоже недалеко от них ушли: стрелять-то всё равно практически никто не умел.

Кое-как расположились, вышли на полигон. А на полигоне из десяти гранат две не взрываются, из десяти патронов винтовочных три не стреляют, сгнили просто. Всё эти, с позволения сказать, боеприпасы были выпуска 1953 года. И сигареты, кстати, тоже. Получается, что для нас выгребали самый древний НЗ. С автоматами — та же история. В роте они были ещё самые новые — выпуска 1976 года. Кстати, трофейные автоматы, ко-

торые мы потом брали у «духов», были производства 1994 года…

Но в результате «интенсивной подготовки» уже на третий день мы провели занятия по боевой стрельбе отделения (в обычных условиях это положено делать только после нескольких месяцев учёбы). Это очень сложное и серьёзное упражнение, которое заканчивается боевым гранатометанием. После такой «учёбы» у меня все руки были посечены осколками — это от того, что мне приходилось сдергивать вниз тех, кто вставал на ноги не вовремя.

Но учёба — это ещё полбеды… Вот уходит рота на обед. Я провожу «шмон». И нахожу под кроватями… гранаты, взрывпакеты. Это же пацаны восемнадцатилетние!.. Оружие в первый раз увидели. Но они совершенно не думали и не понимали, что если бы это всё взорвалось, то казарму разнесло бы вдребезги. Уже потом эти бойцы мне говорили: «Товарищ командир, мы вам не завидуем, как вам с нами пришлось».

С полигона приезжаем в час ночи. Бойцы некормленые, и никто их в бригаде особо кормить и не собирается… Кое-как всё-таки удавалось раздобыть что-нибудь съедобное. А офицеров так я вообще кормил на свои деньги. У меня с собой было два миллиона рублей. Это тогда было относительно большой суммой. К примеру, пачка дорогих импортных сигарет стоила тысячу рублей… Представляю, какое было зрелище, когда мы после полигона с оружием и с ножами ночью вваливались в кафе. Все в шоке: кто такие?..

Тут же зачастили представители разных национальных диаспор, чтобы выкупать зем-

ляков: отдайте мальчика, он мусульманин и на войну не должен ехать. Помню, подъезжают такие на фольксвагене-пассате, вызывают на КП: «Командир, нам надо с тобой поговорить». Приехали с ними в кафе. Они там такой стол заказали!.. Говорят: «Мы тебе денег дадим, отдай нам мальчика». Я их внимательно выслушал и отвечаю: «Денег не надо». Подзываю официантку и плачу за весь стол. А им говорю: «На войну мальчик ваш не поедет. Мне такие там на фиг не нужны!». А парню потом стало не по себе, он уже захотел поехать со всеми. Но я ему тогда чётко сказал: «Нет, такой мне, точно, не нужен. Свободен...».

Тогда же я увидел, как людей сближают общая беда и общие трудности. Постепенно моя разношёрстная рота стала превращаться в монолит. И потом на войне я даже не командовал, а просто бросал взгляд — и меня понимали все с полуслова.

В январе 1995 года на военном аэродроме в Калининградской области в самолёт нас грузили три раза. Дважды Прибалтика не давала разрешения на пролёт самолётов над их территорией. Но на третий раз всё-таки удалось отправить «руевскую» роту (одна из рот бригады морской пехоты Балтийского флота. — Ред.), а нас — опять нет. Наша рота до конца апреля готовилась. В первую «ходку» на войну из всей роты попал я один, поехал по замене.

Во вторую «ходку» мы должны были улететь 28 апреля 1995 года, а получилось только 3 мая (опять из-за прибалтов, которые не пропускали самолёты). Таким образом,

«ТОФики» (морская пехота Тихоокеанского флота. — Ред.) и «северяне» (морская пехота Северного флота. — Ред.) приехали раньше нас.

Когда стало понятно, что нам предстоит война не в городе, а в горах, в Балтийской бригаде почему-то витали настроения, что погибших больше не будет — мол, это не Грозный января 1995 года. Было какое-то ложное представление, что предстоит победоносная прогулка по горам. Но для меня это была не первая война, и я предчувствовал, как всё на самом деле будет. И потом мы действительно узнали, сколько человек в горах погибли при артиллерийских обстрелах, сколько — при расстрелах колонн. Я очень надеялся, что никто не погибнет. Думал: «Ну, раненые, наверное, будут...». И твёрдо решил, что перед отправкой обязательно отведу роту в церковь.

А в роте многие были некрещёные. Среди них — Серёга Стобецкий. И я, вспоминая, как моё крещение изменило мою жизнь, очень хотел, чтобы и он крестился. Сам крестился я поздно. Тогда я вернулся из очень страшной командировки. Распалась страна. У меня самого распалась семья. Непонятно было, что вообще делать дальше. Я оказался в жизненном тупике... И хорошо помню, как после крещения душа у меня успокоилась, всё стало на свои места, и стало понятно, как мне жить дальше. А когда потом я служил в Кронштадте, то несколько раз посылал матросов помогать настоятелю Кронштадтского собора Владимирской иконы Божией Матери расчищать мусор. Собор в то время сто-

ял в руинах – его ведь два раза взрывали. И тут матросы стали приносить мне царские золотые червонцы, которые они находили под развалинами. Спрашивают: «Что с ними делать?». Представьте себе: люди находят золото, много золота… Но ни у кого и в мыслях не было взять его себе. И я решил отдать эти червонцы настоятелю церкви. И именно в эту церковь потом я пришёл крестить сына. В это время там был священником отец Святослав, бывший «афганец». Говорю: «Хочу крестить ребёнка. Но сам я маловерующий, молитв не знаю…». И помню его речь дословно: «Серёга, ты под водой был? Ты на войне был? Значит, ты в Бога веришь. Свободен!». И для меня этот момент стал переломным, я окончательно повернулся к Церкви.

Поэтому перед отправкой во «вторую ходку» я стал просить Серёгу Стобецкого креститься. А он твёрдо ответил: «Я креститься не буду». У меня было предчувствие (и не только у меня), что он не вернётся. Я даже вообще не хотел брать его на войну, но побоялся сказать ему об этом – знал, что он всё равно поедет. Поэтому я за него переживал и очень хотел, чтобы он крестился. Но тут ничего нельзя делать насильно.

Через местных священников я обратился к тогда ещё митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу с просьбой приехать в Балтийск. И, что самое удивительное, владыка Кирилл оставил все свои срочные дела и специально приехал в Балтийск благословить нас на войну.

Как раз шла Светлая Седмица после Пасхи. Когда я разговаривал с Владыкой, он

меня спросил: «Вы когда отправляетесь?». Отвечаю: «Через день-два. Но в роте есть некрещёные». И человек двадцать мальчишек, которые были некрещёные и захотели принять Крещение, владыка Кирилл крестил лично. Причём у парней не было денег даже на крестики, о чём я Владыке и сказал. Он ответил: «Не переживай, всё для вас здесь бесплатно».

Утром почти вся рота (не было с нами только тех, кто нёс службу в карауле и в нарядах) стояла на литургии в соборе в центре Балтийска. Литургию возглавил митрополит Кирилл. Потом я построил роту у собора. Вышел владыка Кирилл и окропил бойцов святой водой. Ещё помню, как спросил митрополита Кирилла: «Мы идём воевать. Наверное, это греховное дело?». А он ответил: «Если за Родину — то нет».

В церкви нам дали иконки Георгия Победоносца и Божьей Матери и крестики, которые надели практически все, у кого их не было. С этими иконками и крестиками через несколько дней мы и поехали на войну.

Когда нас провожали, командующий Балтийским флотом адмирал Егоров приказал накрыть стол. На аэродроме «Чкаловск» рота построилась, бойцам выдали жетоны. Подполковник Артамонов, заместитель комбрига, отвёл меня в сторонку и говорит: «Серёга, вернись, пожалуйста. Коньяк будешь?». Я: «Да нет, не надо. Лучше — когда вернусь». А когда я уже пошёл к самолёту, то скорее почувствовал, чем увидел, как адмирал Егоров меня перекрестил...

Ночью мы прилетели в Моздок (военная база в Северной Осетии. — Ред.). Там пол-

ная неразбериха. Своим я дал команду выставить на всякий случай охранение, достать спальники и ложиться спать прямо рядом со взлёткой. Парням удалось хоть немного прикорнуть перед предстоящей беспокойной ночью уже на позициях.

4 мая нас перебросили в Ханкалу. Там садимся на броню и колонной идём до Герменчуга под Шали, на позиции батальона «ТОФиков».

Приехали на место — никого нет... Наши будущие позиции длиной больше километра разбросаны вдоль реки Джалки. А у меня только чуть больше двадцати бойцов. Если бы тогда «духи» атаковали сразу, то нам пришлось бы очень тяжко. Поэтому постарались себя не обнаруживать (никакой стрельбы) и стали потихоньку обживаться. Но никому даже в голову не пришло спать в эту первую ночь.

И правильно сделали. Этой же ночью нас первый раз обстрелял снайпер. Костры-то мы укрыли, но бойцы решили закурить. Пуля прошла всего сантиметрах в двадцати от Стаса Голубева: он с глазами по «полтиннику» какое-то время так и стоял в трансе, а сигарета злосчастная у него упала на «броник» и дымилась...

На этих позициях нас постоянно обстреливали и со стороны деревни, и со стороны какого-то недостроенного завода. Но снайпера на заводе потом мы из АГСа (автоматический гранатомёт станковый. — Ред.) всё-таки сняли.

На следующий день прибыл уже весь батальон. Стало вроде повеселей. Занялись

дооборудованием позиций. Я сразу установил обычный распорядок: подъём, зарядка, развод, физподготовка. На меня многие смотрели с большим удивлением: в полевых условиях зарядка выглядела как-то, мягко говоря, экзотично. Но через три недели, когда мы пошли в горы, все поняли что, зачем и почему: ежедневные упражнения дали результат — на марше я не потерял ни одного человека. А вот в других ротах физически не готовые к диким нагрузкам бойцы просто падали с ног, отставали и терялись...

В мае 1995 года был объявлен мораторий на ведение боевых действий. Все обратили внимание на то, что моратории эти объявляли ровно тогда, когда «духам» нужно было время, чтобы подготовиться. Перестрелки всё равно были — если в нас стреляли, мы обязательно отвечали. Но вперёд мы не шли. А вот когда это перемирие закончилось, мы начали выдвигаться в направлении Шали–Агишты–Махкеты–Ведено.

К тому времени были данные и авиаразведки, и станции ближней разведки. Причём они оказались настолько точными, что с их помощью удалось обнаружить в горе укрытие для танка. Мои разведчики подтвердили: действительно, на входе в ущелье в горе оборудовано укрытие с метровым слоем бетона. Танк выезжает из этой пещеры бетонированной, стреляет в сторону Группировки и уезжает обратно. Артиллерией по такому сооружению стрелять бесполезно. Вышли из положения так: вызвали авиацию и сбросили на танк какую-то очень мощную авиационную бомбу.

24 мая 1995 года началась артподготовка, абсолютно все стволы проснулись. И в этот же день в наше расположение прилетели аж семь мин от наших же «нон» (самоходный миномёт. — Ред.). Я точно не могу сказать, по какой причине, но некоторые мины, вместо того, чтобы лететь по расчётной траектории, начинали кувыркаться. У нас вдоль дороги на месте бывшей дренажной системы был вырыт окоп. И мина попадает как раз в этот окоп (там сидит Саша Кондрашов) и взрывается!.. С ужасом думаю: там наверняка труп... Подбегаю — слава Богу, сидит Саша, держится за ногу. Осколок отбил кусок камня, и этим камнем ему вырвало часть мышцы на ноге. А это накануне боя. В госпиталь он не хочет... Всё равно отправили. Но он догнал нас под Дуба-Юртом. Хорошо, что больше никого не зацепило.

В тот же день подъезжает ко мне «град». Из него выбегает капитан морской пехоты, «ТОФовец», спрашивает: «Можно, я у тебя постою?». Отвечаю: «Ну постой...». Мне и в голову не приходило, что эти ребята начнут стрелять!.. А они отъехали метров на тридцать в сторону и дают залп!.. Такое впечатление, что меня по ушам молотом шарахнули! Я ему: «Ты что делаешь!..». Он: «Так ты же разрешил...». Они-то сами уши ватой заложили...

25 мая почти вся наша рота находилась уже на ТПУ (тыловой пункт управления. — Ред.) батальона южнее Шали. Только 1-й взвод (разведка) и миномётчики были выдвинуты вперёд вплотную к горам. Миномёты выдвинули потому, что полковые «ноны»

и «акации» (самоходная гаубица. – Ред.) не могли стрелять близко. «Духи» пользовались этим: за ближней горой спрячутся, где артиллерия их достать не может, и делают оттуда вылазки. Тут как раз и пригодились наши миномёты.

Рано утром мы слышали бой в горах. Именно тогда «духи» обошли 3-ю десантно-штурмовую роту «ТОФиков» с тыла. Мы и сами опасались такого обхода. В следующую ночь я вообще не ложился, а ходил кругами по своим позициям. Накануне на нас вышел боец «северянин», а мои его не заметили и пропустили. Я помню, страшно разозлился – думал, что всех просто поубиваю!.. Ведь если «северянин» спокойно прошёл, то что же говорить о «духах»?..

Ночью я направил замковзвода сержанта Эдика Мусикаева с парнями вперёд – посмотреть, куда мы должны были выдвигаться. Они увидели два подбитых «духовских» танка. С собой парни принесли пару трофейных автоматов целых, хотя обычно оружие «духи» после боя забирали. Но тут, наверное, стычка была такая ожесточённая, что автоматы эти или бросили, или потеряли. Кроме этого мы нашли гранаты, мины, захватили «духовский» пулемёт, орудие от БМП гладкоствольное, установленное на самопальное шасси.

26 мая 1995 года началась активная фаза наступления: «ТОФики» и «северяне» с боями пошли вперёд вдоль Шалинского ущелья. «Духи» к встрече наших подготовились очень хорошо: у них были оборудованы эшелонированные позиции – системы блиндажей,

окопов. (Мы потом находили даже старые блиндажи времён Отечественной войны, которые «духи» переоборудовали под огневые точки. И вот что ещё было особенно горько: боевики «волшебным образом» точно знали время начала операции, расположение войск и наносили упреждающие артиллерийские танковые удары.)

Именно тогда мои бойцы впервые увидели возвращающиеся МТЛБ (многоцелевой тягач лёгкий бронированный. — Ред.) с ранеными и погибшими (их вывозили прямо через нас). Они повзрослели в один день.

«ТОФики» и «северяне» упёрлись... Задачу на этот день они не выполнили даже наполовину. Поэтому утром 27 мая я получаю новую команду: совместно с батальоном выдвинуться в район цементного завода под Дуба-Юрт. Командование решило не посылать наш балтийский батальон по ущелью в лоб (даже не знаю, сколько бы нас осталось при таком развитии событий), а отправить в обход, чтобы зайти «духам» в тыл. Перед батальоном поставили задачу пройти через правый фланг по горам и взять сначала Агишты, а потом — Махкеты. И именно к таким нашим действиям боевики оказались совершенно не готовы! А то, что им по горам в тыл зайдёт аж целый батальон, им и в страшном сне не могло присниться!..

К тринадцати часам 28 мая мы выдвинулись в район цементного завода. Сюда же подошли десантники из 7-й дивизии ВДВ. И тут мы слышим звук «вертушки»! В просвете между деревьями ущелья появляется вертолёт, разрисованный какими-то драко-

нами (в бинокль это хорошо было видно). И все, не сговариваясь, открывают в ту сторону огонь из гранатомётов! До вертолёта было далеко, километра три, и достать его мы не могли. Но пилот, похоже, увидел этот заградительный огонь и быстро-быстро улетел. Больше мы «духовских» вертолётов не видели.

По плану первыми должны были пойти разведчики десантников. За ними идёт 9-я рота нашего батальона и становится блок-постом. За 9-й — наша 7-я рота и тоже становится блок-постом. А моя 8-я рота должна пройти через все блок-посты и взять Агишты. Для усиления мне придали «миномётку», сапёрный взвод, арткорректировщика и авианаводчика.

Мы с Серёгой Стобецким, командиром 1-го разведвзвода, начинаем думать, как мы пойдём. Стали готовиться к выходу. Устроили дополнительные занятия по «физо» (хотя они у нас и так были с самого начала каждый день). Ещё решили провести соревнования по снаряжению магазина на скорость. Ведь с собой у каждого бойца десять-пятнадцать магазинов. Но один магазин, если нажать на спусковой крючок и держать, вылетает примерно за три секунды, а от скорости перезаряжания в бою в прямом смысле зависит жизнь.

Все в тот момент уже хорошо понимали, что впереди — не те перестрелки, которые были у нас накануне. Об этом говорило всё: кругом обгоревшие остовы танков, через наши позиции десятками выходят раненые, вывозят убитых… Поэтому перед тем, как выйти на исходную, я подошёл к каждому бой-

цу, чтобы посмотреть ему в глаза и пожелать удачи. Я видел, как у некоторых живот крутило от страха, кто-то вообще обмочился... Но я не считаю эти проявления чем-то позорным. Просто хорошо помню свой страх перед первым боем! В районе солнечного сплетения болит так, как будто тебя ударили в пах, но только в десять раз сильнее! Это одновременно и острая, и ноющая, и тупая боль... И сделать ты с этим ничего не можешь: хоть ходишь, хоть сидишь, а у тебя «под ложечкой» так болит!..

Когда мы пошли в горы, на мне снаряжения было около шестидесяти килограммов — бронежилет, автомат с подствольником, два БК (боекомплект. — Ред.) гранат, полтора БК патронов, гранаты для подствольника, два ножа. Бойцы нагружены так же. А вот парни из 4-го гранатно-пулемётного взвода тащили свои АГСы (автоматический гранатомёт станковый. — Ред.), «утёсы» (крупнокалиберный пулемет НСВ калибра 12,7 мм. — Ред.) и плюс каждый по две миномётные мины — ещё десять килограммов!

Выстраиваю роту и определяю боевой порядок: сначала идёт 1-й разведвзвод, потом сапёры и «миномётка», а замыкает 4-й взвод. Идём мы в полной темноте по козьей тропе, которая была обозначена на карте. Тропа узкая, по ней могла проехать только телега, да и то с большим трудом. Своим я сказал: «Если кто-то крикнет, пусть даже раненый, то я сам приду и собственноручно задушу...». Так что шли мы очень тихо. Даже если кто-то падал, то максимум что было слышно, — невнятное мычание.

По дороге мы видели «духовские» схроны. Бойцы: «Товарищ командир!..». Я: «Отставить, ничего не трогать. Вперёд!». И правильно, что мы в эти схроны не сунулись. Позже узнали о «двухсотых» (погибший. — Ред.) и «трёхсотых» (раненый. — Ред.) в нашем батальоне. Бойцы 9-й роты полезли в блиндажи рыться. И нет, чтобы сначала забросать блиндаж гранатами, а пошли тупо, в открытую… И вот результат — прапорщику из Выборга Володе Солдатенкову пуля попала ниже бронежилета в пах. Он скончался от перитонита, его даже до госпиталя не довезли.

Всё время марша я бегал между авангардом (разведвзводом) и арьергардом («миномёткой»). А растянулась наша колонна почти на два километра. Когда в очередной раз я вернулся назад, то встретил разведчиков-десантников, которые шли, обвязавшись верёвками. Я им: «Классно идёте, пацаны!». Ведь они-то шли налегке! Но получилось, что мы оказались впереди всех, 7-я и 9-я рота остались далеко позади.

Доложил комбату. Он мне говорит: «Так и иди до конца первым». И в пять утра я со своим разведвзводом занял высотку 1000.6. Это было место, где должна была встать блок-постом 9-я рота и разместиться ТПУ батальона. В семь часов утра подошла вся моя рота, а примерно в половине восьмого пришли разведчики-десантники. И только в десять утра пришёл комбат с частью ещё одной роты.

Только по карте мы прошли около двадцати километров. Вымотались до предела.

Хорошо помню, как весь сине-зелёный пришёл Серёга Стародубцев из 1-го взвода. Он упал на землю и два часа лежал вообще без движения. И это парень молодой, двадцатилетний… Что говорить о тех, кто постарше.

Все планы сбились. Комбат мне говорит: «Ты идёшь вперёд, к вечеру занимаешь высоту перед Агиштами и докладываешь». Пошли вперёд. Прошли разведчиков-десантников и двинулись дальше по дороге, обозначенной на карте. Но карты-то были шестидесятых годов, и дорожка эта была обозначена на ней без изгиба! В результате мы сбились и пошли по другой, новой дороге, которой на карте вообще не было.

Солнце ещё высоко. Вижу перед собой огромное село. Смотрю на карту — это точно не Агишты. Говорю авианаводчику: «Игорь, мы не там, где должны быть. Давай разбираться». В результате разобрались, что вышли к Махкетам. От нас до села максимум три километра. А это задача уже второго дня наступления!..

Выхожу на связь с комбатом. Говорю: «Зачем мне эти Агишты? Мне до них возвращаться почти пятнадцать километров! А у меня целая рота, «миномётка», да ещё и сапёры, всего нас человек двести. Да я такой толпой никогда не воевал! Давай, я передохну и возьму Махкеты». Действительно, бойцы к тому времени больше пятисот метров подряд пройти уже не могли. Ведь на каждом — от шестидесяти до восьмидесяти килограммов. Сядет боец, а встать сам уже не может…

Комбат: «Назад!». Приказ есть приказ — разворачиваемся и идём обратно. Первым

пошёл разведвзвод. А как потом выяснилось, мы оказались прямо на месте выхода «духов». «ТОФики» и «северяне» давили на них сразу по двум направлениям, и «духи» отходили двумя группами по несколько сот человек по обеим сторонам ущелья...

Мы вернулись на тот изгиб, с которого мы пошли не по той дороге. И тут позади начинается бой — наш 4-й гранатно-пулемётный взвод попал в засаду! Всё началось с прямого столкновения. Бойцы, сгибаясь под тяжестью всего, что они на себе тащили, увидели «тела» какие-то. Наши делают два выстрела условных в воздух (чтобы хоть как-то отличать своих от чужих, я приказал нашить на руку и на ногу кусок тельняшки и договорились со своими о сигнале «свой-чужой»: два выстрела в воздух — два выстрела в ответ). А в ответ наши получают два выстрела на поражение! Пуля попадает Саше Огневу в руку и перебивает нерв. Он кричит от боли. Медик Глеб Соколов у нас оказался молодцом: по нему «духи» бьют, а он в это время раненого перебинтовывает!..

Капитан Олег Кузнецов рванул к 4-му взводу. Я ему: «Куда! Там есть командир взвода, пусть он сам разбирается. У тебя рота, «миномётка» и сапёры!». Выставляю на высотке заслон из пяти-шести бойцов с командиром 1-го взвода Серёгой Стобецким, остальным даю команду: «Отходить и окопаться!».

И тут начинается бой уже у нас — это снизу нас обстреляли из подствольников. Мы шли по хребту. В горах так: кто выше, тот и победил. Но не в этот раз. Дело в том, что

внизу росли громадные лопухи. Мы сверху видим только зелёные листья, из которых вылетают гранаты, а «духи» сквозь стебли видят нас отлично.

Как раз в этот момент мимо меня отходили крайние бойцы из 4-го взвода. До сих пор помню, как шёл Эдик Колечков. Идёт он по узкому уступу склона и несёт два ПК (пулемёт Калашникова. — Ред.). И тут вокруг него начинают летать пули!.. Я кричу: «Уйди влево!..». А он так обессилел, что не может даже свернуть с этого уступчика, просто ноги в стороны расставил, чтобы не упасть, и потому продолжает идти прямо...

Делать наверху нечего, и я с бойцами захожу в эти проклятые лопухи. Володя Шпилько и Олег Яковлев были самими крайними в цепи. И тут я вижу: рядом с Володей взрывается граната, и он падает... Олег сразу бросился Володю вытаскивать и при этом тут же погиб. Олег и Володя были друзьями...

Бой продолжался минут пять-десять. До исходной мы не дошли всего метров триста и отошли на позиции 3-го взвода, который уже окопался. Рядом встали десантники. И тут приходит Серёга Стобецкий, сам он сине-чёрного цвета, и говорит: «Шпили» и «Быка» нет...».

Создаю четыре группы по четыре-пять человек, снайпера Женю Метликина (прозвище «Узбек») в кустах посадили на всякий случай и пошли вытаскивать погибших, хотя это, конечно, была явная авантюра. На подходе к месту боя видим «тело», которое мельтешит в лесу. Смотрю в бинокль — а это «дух» в самодельном бронеплаще, весь об-

вешанный бронежилетами. Получается, они нас ждут. Возвращаемся.

Спрашиваю командира 3-го взвода Глеба Дегтярёва: «Твои все?». Он: «Одного нету… Метликина…». Ну как можно было потерять одного из пяти человек? Это же не одного из тридцати!.. Возвращаюсь, выхожу на тропку – и тут по мне начинают стрелять!.. То есть «духи» нас действительно поджидали. Я снова назад. Кричу: «Метликин!». Тишина: «Узбек!». И тут он прямо словно из-под меня поднимается. Я: «А ты чего сидишь, не выходишь?». Он: «А я думал, это «духи» пришли. Может, они мою фамилию знают. А вот про «Узбека» точно не могут знать. Вот я и вышел».

Итог этого дня был такой: у «духов» после первого боя я сам насчитал только не унесённых шестнадцать трупов. Мы потеряли Толика Романова и был ранен в руку Огнев. Второй бой – семь трупов у «духов», у нас – двое погибших, никто не ранен. Тела двоих погибших мы смогли забрать на следующий день, а Толика Романова – только через две недели.

Наступили сумерки. Докладываю комбату: «миномётка» на высотке на исходной, я над ними метрах в трёхстах. Мы решили переночевать на той же площадке, где оказались после боя. Место казалось удобным: справа по ходу нашего движения – глубокий обрыв, слева – обрыв поменьше. Посередине возвышенность и дерево в центре. Я решил там расположиться – мне оттуда, словно Чапаеву, всё вокруг было хорошо видно. Окопались, выставили охранение. Вроде всё тихо…

И тут майор-разведчик из десантников начал разводить костёр. Погреться ему захотелось возле костерка. Я: «Ты что творишь?». И, когда потом спать ложился, снова предупредил майора: «Туши!». А ведь именно на этот костерок мины через несколько часов и прилетели. Вот и вышло: костёр жгли одни, а погибли другие…

Где-то в три ночи разбудил Дегтярёва: «Твоя смена. Мне надо хоть чуть-чуть поспать. Остаёшься за старшего. Если атака снизу — не стрелять, только гранатами». Снимаю с себя бронежилет и РД (рюкзак десантника. — Ред.), закрываюсь ими и ложусь на возвышенности. В РД у меня было двадцать гранат. Эти гранаты меня потом и спасли.

Проснулся я от резкого звука и вспышки огня. Это совсем рядом со мной разорвались две мины от «василька» (советский автоматический миномёт калибра 82 мм. Заряжание кассетное, в кассету помещаются четыре мины. — Ред.). (Миномёт этот был установлен на «уазике», который мы потом всё-таки нашли и взорвали.)

Я сразу оглох на правое ухо. Ничего в первый момент понять не могу. Кругом раненые стонут. Все орут, стреляют… Почти одновременно со взрывами нас начали обстреливать с двух сторон, и ещё и сверху. Видно, «духи» хотели нас врасплох сразу после обстрела взять. Но бойцы оказались готовыми и эту атаку тут же отбили. Бой получился скоротечный, длился всего минут десять-пятнадцать. Когда «духи» поняли, что нахрапом нас взять не удаётся, они просто отошли.

Если бы я не лёг спать, то, может быть, и не случилось бы такой трагедии. Ведь до этих двух проклятых мин было два пристрелочных выстрела из миномёта. А если прилетает одна мина, это уже плохо. Но если две – это значит, что берут в «вилку». На третий раз прилетели уже две подряд мины и упали как раз в пяти метрах от костра, который и стал для «духов» ориентиром.

И только после того как стрельба прекратилась, я повернулся и увидел... На месте взрывов мин лежит куча раненых и убитых... Сразу погибли шесть человек, больше двадцати были тяжело ранены. Смотрю: Серёга Стобецкий лежит мёртвый, Игорь Якуненков – мёртвый. Из офицеров в живых остались только Глеб Дегтярёв и я, плюс авианаводчик. На раненых жутко было смотреть: у Серёги Кульмина дырка во лбу и глаза плоские, вытекли. У Сашки Шибанова огромная дырка в плече, у Эдика Колечкова огромная дырка в лёгком, туда осколок залетел...

Меня самого спас РД. Когда я стал его поднимать, то из него высыпалось несколько осколков, один из которых попал прямо в гранату. Но гранаты были, естественно, без взрывателей...

Хорошо помню самый первый момент: вижу разорванного Серёгу Стобецкого. И тут у меня изнутри всё начинает подниматься к горлу. Но сам себе говорю: «Стоп! Ты же командир, всё обратно убери!». Не знаю, каким усилием воли, но получилось... Но подойти к нему я смог только в шесть часов вечера, когда немного успо-

коился. А целый день бегал: раненые стонут, бойцов надо кормить, обстрелы продолжаются…

Почти сразу начали умирать тяжелораненые. Особенно страшно умирал Виталик Черевань. У него была оторвана часть туловища, но где-то полчаса ещё он жил. Глаза стеклянные. Иногда на секунду появляется что-то человеческое, потом опять стекленеют… Первый его крик после взрывов был: «Вьетнам», помогите!..». На «вы» ко мне обратился! А потом: «Вьетнам», пристрелите…». (Помню, как потом на одной из наших встреч его отец схватил меня за грудки, тряс и всё спрашивал: «Ну почему ты его не пристрелил, ну почему ты его не пристрелил?..». Но не мог я этого сделать, никак не мог…)

Но (вот чудо Божие!) многие раненые, которые должны были вроде умереть, выжили. Серёжа Кульмин лежал рядом со мной, голова к голове. У него же такая дырка была во лбу, что мозги было видно!.. Так он не просто выжил – у него даже зрение восстановилось! Правда, ходит сейчас с двумя титановым пластинами во лбу. А у Миши Блинова была над сердцем дырка сантиметров десять в диаметре. Он тоже выжил, у него сейчас пятеро сыновей. А у Паши Чухнина из нашей роты – сейчас четверо сыновей.

Воды у нас не то что для себя, даже для раненых – ноль!.. У меня с собой были и таблетки пантацида, и хлорные трубочки (обеззараживающие средства для воды. – Ред.). Но обеззараживать-то нечего… Тут вспомнили, что накануне шли по непролазной грязи. Бойцы эту грязь начали оцеживать. То, что

получалось, водой назвать было очень трудно. Мутная жижа с песком и головастиками… Но другой-то всё равно не было.

Целый день пытались хоть как-то помочь раненым. Накануне мы разгромили «духовский» блиндаж, в котором было сухое молоко. Развели костёрчик, и эту «воду», добытую из грязи, начали с молоком сухим размешивать и раненым давать. Сами мы эту же воду и с песком, и с головастиками пили за милую душу. Я бойцам вообще сказал, что головастики очень даже полезные — белок… Даже брезгливости ни у кого не было. Поначалу в неё пантацид бросали для дезинфекции, а потом пили уже и просто так…

А Группировка не даёт добро на эвакуацию «вертушками». Мы же в дремучем лесу. Вертолётам сесть негде… Во время очередных переговоров по поводу «вертушек» я вспомнил: у меня же есть авианаводчик! «Где авианаводчик?». Ищем, ищем, но никак не можем его на нашем пятачке найти. И тут я оборачиваюсь и вижу, что он каской вырыл окоп в полный рост и сидит в нём. Я не понимаю, как он из окопа землю доставал! Я туда вообще даже пролезть не смог.

Хотя вертолётам зависать было запрещено, один командир «вертушки» всё-таки сказал: «Зависну». Я дал сапёрам команду расчистить площадку. Взрывчатка у нас была. Мы подорвали деревья вековые, в три обхвата. Стали готовить троих раненых к отправке. Одному, Алексею Чаче, осколок ударил по правой ноге. У него огромная гематома, ходить не может. Его я готовлю к отправке, а Серёжу Кульмина с пробитой го-

ловой оставляю. Меня санинструктор в ужасе спрашивает: «Как?.. Товарищ командир, почему вы его не отправляете?». Отвечаю: «Этих троих я точно спасу. А вот «тяжёлых» — не знаю...». (Для бойцов было шоком, что на войне своя страшная логика. Спасают здесь в первую очередь тех, кого можно спасти.)

Но нашим надеждам было не суждено сбыться. Вертолётами мы так никого и не эвакуировали. В Группировке «вертушкам» дали окончательный отбой и вместо них отправили к нам две колонны. Но наши батальонные водители на БТРах так и не пробились. И только в конце концов к ночи к нам пришли пять БМД десантников.

С таким количеством раненых и убитых с места мы не могли сдвинуться ни на шаг. А ближе к вечеру начала просачиваться уже вторая волна отходящих боевиков. Они нас из подствольников время от времени обстреливали, но мы уже знали, как действовать: просто кидали гранаты сверху вниз.

Я вышел на связь с комбатом. Пока мы с ним разговаривали, в разговор вмешался какой-то Мамед (связь-то была открытая, и наши радиостанции ловил любой сканер!). Начал какую-то ахинею нести про десять тысяч долларов, которые он нам даст. Закончился разговор тем, что он предложил выйти один на один. Я: «А не слабо! Приду». Бойцы меня отговаривали, но я пришёл на условленное место действительно один. Но никто так и не появился... Хотя сейчас я хорошо понимаю, что с моей стороны это было, если мягко сказать, опрометчиво.

Слышу гул колонны. Собираюсь идти встречать. Бойцы: «Товарищ командир, только не уходите, не уходите...». Понятно, в чём дело: батяня уходит, им страшно. Я понимаю, что идти вроде нельзя, ведь как только командир ушёл, обстановка становится неуправляемой, но и отправить больше некого!.. И я всё-таки пошёл и, как оказалось, хорошо сделал! Десантники заплутали в том же месте, что и мы, когда почти до Махкетов дошли. Мы всё-таки встретились, хотя и с очень большими приключениями...

С колонной пришёл наш медик, майор Нитчик (позывной «Доза»), комбат и его заместитель — Серёга Шейко. Кое-как загнали на наш пятачок БМД. И тут опять начинается обстрел... Комбат: «Что тут у вас такое творится?». После обстрела полезли уже сами «духи». Они, наверное, решили проскочить между нами и нашей «миномёткой», которая окопалась в трёхстах метрах на высотке. Но мы уже умные, из автоматов не стреляем, а только гранаты вниз бросаем. И тут вдруг поднимается наш пулемётчик Саша Кондрашов и даёт бесконечную очередь из ПК в противоположную сторону!.. Я подбегаю: «Ты что делаешь?». Он: «Смотрите, они уже на нас вышли!..». И действительно, вижу, что «духи» — метрах в тридцати. Было их много, несколько десятков. Они хотели, скорее всего, нахрапом нас взять и окружить. Но мы гранатами их отогнали. Они и тут прорваться не смогли.

Я целый день хожу прихрамывая, плохо слышу, хотя и не заикаюсь. (Это мне так казалось. На самом деле, как мне бойцы потом

сказали, ещё как заикался!) А о том, что это контузия, я в тот момент вообще не думал. Целый день беготня: раненые умирают, надо готовить эвакуацию, надо бойцов кормить, обстрелы идут. Уже вечером первый раз пытаюсь присесть — больно. Рукой потрогал спину — кровь. Врач-десантник: «А ну-ка наклоняйся...». (У этого майора огромный опыт боевой. До этого я с ужасом видел, как он Эдика Мусикаева скальпелем кромсает и приговаривает: «Не бойся, мясо нарастёт!».) И рукой он вытащил мне из спины осколок. Тут меня такая боль пронзила! Почему-то в нос сильнее всего отдавало!.. Майор подаёт осколок мне: «На, сделаешь брелок». (Второй осколок нашли только недавно при обследовании в госпитале. Он там так до сих пор и сидит, застрял в позвоночнике и совсем чуть-чуть не дошёл до канала.)

Погрузили на БМД раненых, потом погибших. Оружие их я отдал командиру 3-го взвода Глебу Дегтярёву, его же оставил за старшего. А сам я с ранеными и убитыми поехал в медсанбат полка.

Вид у нас у всех был страшенный: все перебитые, перевязанные, в крови. Но... при этом все в начищенной обуви и с вычищенным оружием. (Кстати, мы ни одного ствола не потеряли, нашли даже автоматы всех своих убитых.)

Раненых оказалось человек двадцать пять, большинство их них — ранены тяжело. Сдали их медикам. Оставалось самое трудное — отправка погибших. Проблема была в том, что у некоторых при себе не было документов, поэтому я своим бойцам приказал напи-

сать у каждого на руке фамилию и вложить записки с фамилией в карман брюк. Но когда я начал проверять, то оказалось, что Стас Голубев записки перепутал! Я тут же представил себе, что будет, когда тело придёт в госпиталь: на руке написано одно, а в бумажке — другое! Я передёргиваю затвор и думаю: я сейчас его убью... Сам удивляюсь сейчас своей ярости в тот момент... Видимо, такова была реакция на напряжение, да и контузия сказалась. (Сейчас Стас никакой обиды на меня за это не держит. Всё-таки все они были пацанами совсем и к трупам вообще подойти боялись...)

И тут полковник-медик даёт мне пятьдесят граммов спирта с эфиром. Я выпиваю этот спирт... и больше почти ничего не помню... Дальше всё было как во сне: то ли я сам помылся, то ли меня помыли... Запомнил только: был тёплый душ.

Очнулся: лежу на носилках перед «вертушкой» в чистом голубеньком РБ (разовое бельё. — Ред.) подводника и меня в эту «вертушку» грузят. Первая мысль: «А что с ротой?..». Ведь командиры взводов, отделений и замкомвзводы либо погибли, либо были ранены. Остались одни бойцы... И как только я себе представил, что будет твориться в роте, то сразу для меня госпиталь отпал. Я Игорю Мешкову кричу: «Отставить госпиталь!». (Это мне тогда казалось, что я кричу. На самом деле он мой шёпот с трудом услышал.) Он: «Есть отставить госпиталь. Отдайте командира!». И начинает носилки из вертолёта назад тянуть. Капитан, который в вертолёте меня принимал, носилки не отдаёт. «Мешок»

подгоняет свой БТР, наводит на «вертушку» КПВТ (крупнокалиберный пулемёт. — Ред.): «Отдайте командира...». Те психанули: «Да забирай!..». И получилось так, что мои документы без меня улетели в МОСН (медицинский отряд специального назначения. — Ред.), что имело потом очень серьёзные последствия...

Как я потом узнал, дело было так. Прилетает «вертушка» в МОСН. В ней — мои документы, а носилки пустые, тела нет... И разорванные мои шмотки рядом лежат. В МОСНе решили, что раз тела нет, то я сгорел. В результате в Питер приходит телефонограмма на имя заместителя командира Ленинградской военно-морской базы капитана 1-го ранга Смуглина: «Капитан-лейтенант такой-то погиб». А ведь Смуглин знает меня с лейтенантов! Стал он думать, как быть, как меня хоронить. Утром позвонил капитану 1-го ранга Топорову, моему непосредственному командиру: «Готовь груз «двести». Топоров потом мне рассказывал: «Прихожу в кабинет, достаю коньяк — у самого руки трясутся. Наливаю в стакан — и тут звонок. Дробь, отставить — он живой!». Оказалось, когда на базу пришло тело Сергея Стобецкого, начали искать моё. А моего тела, естественно, нет! Позвонили майору Руденко: «Где тело?». Он отвечает: «Какое тело! Я сам его видел, он живой!».

А со мной на самом деле вот что произошло. Я в своём голубеньком белье подводника взял автомат, сел с бойцами на БТР и поехал в Агишты. Комбату уже доложили, что меня отправили в госпиталь. Когда он меня

увидел, обрадовался. Тут ещё и Юра Руденко вернулся с гуманитаркой. У него отец умер, и он с войны уезжал его хоронить.

Прихожу к своим. В роте бардак. Никакого охранения, оружие разбросано, у бойцов «разгуляево»... Глебу говорю: «Что за бардак?!.». Он: «Да ведь кругом наши! Вот все и на расслабухе...». Я: «Так расслабуха для бойцов, а не для тебя!». Начал наводить порядок, и всё быстро вернулось в прежнее русло.

Тут как раз пришла гуманитарка, которую Юра Руденко привёз: вода в бутылках, еда!.. Бойцы пили эту газированную воду упаковками — желудок промывали. Это после той-то воды с песком и головастиками! Сам я выпил за раз шесть полуторалитровых бутылок воды. Сам не понимаю, как вся эта вода в моём организме место себе нашла.

И тут мне приносят посылку, которую барышни собрали в бригаде в Балтийске. А посылка адресована мне и Стобецкому. В ней — мой любимый кофе для меня и жевательная резинка для него. И тут на меня такая тоска нахлынула!.. Я вот посылку эту получил, а вот Сергей — уже нет...

Встали в районе села Агишты. «ТОФИки» слева, «северяне» справа заняли господствующие высоты на подходе к Махкетам, а мы уступом назад — посередине.

На тот момент только погибших в роте было тринадцать человек. Но дальше, слава Богу, именно в моей роте погибших больше не было. Из тех, кто у меня остался, я начал заново переформировывать взвода.

1 июня 1995 года пополняем боезапас и выдвигаемся на Киров-Юрт. Впереди идёт

танк с минным тралом, потом «шилки» (зенитная самоходная установка. — Ред.) и батальонная колонна БТРов, я — на головном. Задача мне поставлена такая: колонна останавливается, батальон разворачивается, а я штурмую высотку 737 у Махкетов.

Перед самой высоткой (до неё оставалось метров сто) нас обстрелял снайпер. Рядом со мной просвистели три пули. По рации кричат: «По тебе бьёт, по тебе!..». Но в меня снайпер не попал вот ещё почему: обычно командир садится не на командирское место, а над водителем. А в этот раз я намеренно сел на командирское место. И хотя у нас был приказ снять звёзды с погон, я свои звёзды не снимал. Мне комбат замечания делал, а я ему: «Отвали... Я офицер и снимать звёзды не собираюсь». (Ведь в Великую Отечественную даже на передовой офицеры со звёздами ходили.)

Заходим в Киров-Юрт. И видим совершенно нереальную картинку, словно из старинной сказки: водяная мельница работает... Я командую — увеличить скорость! Смотрю — справа метрах в пятидесяти внизу стоит разрушенный дом, второй или третий от начала улицы. Вдруг из него выбегает мальчик лет десяти-одиннадцати. Я даю команду по колонне: «Не стрелять!..». И тут мальчик бросает в нас гранату! Граната попадает в тополь. (Я хорошо запомнил, что он был двойной, расходился рогаткой.) Граната отскакивает рикошетом, падает под мальчишку и разрывает его...

А «душары» ведь как хитрили! Приходят в село, а там им не дают продукты! Тогда они

от этой деревни дают залп в сторону Группировки. Группировка, естественно, отвечает по этому селу. По этому признаку можно определить: если деревня разрушенная, значит, она не «духовская», а если целая — то их. Вот Агишты, например, были вообще почти полностью разрушены.

Над Махкетами «вертушки» барражируют. Сверху проходит авиация. Батальон начинает разворачиваться. Наша рота идёт вперёд. Мы предполагали, что организованного сопротивления мы, скорее всего, не встретим и могут быть только засады. Зашли на высотку. «Духов» на ней не оказалось. Остановились, чтобы определить, где можно встать.

Сверху хорошо было видно, что дома в Макхетах были целыми. Мало того, тут и там стояли настоящие дворцы с башнями и колоннами. По всему было видно, что построены они недавно. По дороге запомнил такую картину: большой сельский дом добротный, около него стоит бабушка с флажком беленьким…

В Махкетах были в ходу ещё советские деньги. Местные нам говорили: «С 1991 года у нас дети не ходят в школу, нет никаких детских садиков, и никто не получает пенсию. Мы не против вас. Спасибо, конечно, что от боевиков нас избавили. Но и вам пора домой». Это дословно.

Местные сразу начали нас компотами угощать, но мы остерегались. Тётка, глава администрации, говорит: «Ты не бойся, видишь — я пью». Я: «Нет, пусть мужик выпьет». Я так понял, что в селе было троевластие: мулла, старейшины и глава ад-

министрации. Причём главой администрации была именно эта тётка (она в Питере в своё время техникум закончила).

2 июня прибегает ко мне эта «глава»: «Ваши наших грабят!». До этого мы, конечно, прошлись по дворам: смотрели, что за народ, есть ли оружие. Идём за ней и видим картину маслом: представители нашей самой многочисленной правоохранительной структуры из дворцов с колоннами выносят ковры и всё такое прочее. Причём приехали они не на БТРах, на которых обычно ездили, а на БМП. Да ещё и переоделись под пехоту... Я так отметелил их старшего — майора! И сказал: «Появитесь здесь ещё раз — убью!..». Они даже не пытались сопротивляться, их мгновенно как ветром сдуло... А местным я сказал: «На всех домах написать — «Хозяйство «Вьетнама». ДКБФ». И на следующий день на каждом заборе были написаны эти слова. Комбат даже обиделся на меня по этому поводу...

Тогда же под Ведено наши захватили колонну бронетехники, около ста единиц — БМП, танки и БТР-80. Самая хохма была в том, что БТР с надписью «Балтийский флот», который мы в первую «ходку» получали от Группировки, был в этой колонне!.. С него даже не стёрли надпись эту и букву «В» на всех колёсах, стилизованную под вьетнамский иероглиф... Спереди на щитке так и было написано: «Свободу чеченскому народу!» и «С нами Бог и Андреевский флаг!».

Окопались мы основательно. Причём начали 2 июня, а 3 утром уже закончили.

Назначили ориентиры, сектора огня, договорились с миномётчиками. И к утру следующего дня рота была полностью к бою готова. Потом свои позиции мы только расширяли и укрепляли. За всё время нашего пребывания здесь бойцы у меня ни разу не присели. Целыми днями мы обустраивались: рыли окопы, соединяли их ходами сообщения, строили блиндажи. Сделали настоящую пирамиду для оружия, всё кругом обложили ящиками с песком. Окапываться мы продолжали до самого ухода с этих позиций. Жили по Уставу: подъём, физзарядка, утренний развод, караулы. Бойцы обувь регулярно чистили...

Над собой я повесил Андреевский флаг и самодельный «Вьетнамский» флаг, сделанный из советского вымпела «Передовику соцсоревнования». Надо вспомнить, что это было за время: развал государства, одни бандитские группировки против других... Поэтому нигде я не видел российского флага, а везде был либо Андреевский флаг, либо советский. Пехота вообще ездила с красными флагами. И самое ценное на этой войне было — друг и товарищ рядом, и ничего больше.

«Духи» были прекрасно осведомлены, сколько у меня людей. Но кроме обстрелов ни на что они больше не отваживались. У «духов» ведь задача была не геройски погибнуть за свою чеченскую родину, а отчитаться за полученные деньги, поэтому туда, где их наверняка убьют, они просто не совались.

А по рации приходит сообщение, что возле Сельменхаузена боевики атаковали пехотный полк. Потери у наших — больше ста человек. Я был у пехоты и видел, какая у

них там организация, к сожалению. Ведь там каждый второй боец был взят в плен не в бою, а потому что у местных жителей они повадились куриц воровать. Хотя самих парней по-человечески вполне можно было понять: жрать-то нечего… Их и хватали эти местные жители, чтобы это воровство прекратить. А потом звонили: «Заберите своих, но только чтобы они больше к нам не ходили».

У нас команда — никуда не ходить. А как никуда не ходить, когда нас постоянно обстреливают, и разные «чабаны» с гор приходят. Ржание лошадей слышим. Ходили мы вокруг постоянно, но комбату я ничего не докладывал.

Стали ко мне приходить местные «ходоки». Я им: сюда ходим, а туда не ходим, это делаем, а этого не делаем… Ведь нас постоянно со стороны одного из дворцов обстреливал снайпер. Мы, конечно, в ответ стреляли из всего, что у нас было в том направлении. Как-то приходит Иса, местный «авторитет»: «Меня попросили сказать…». Я ему: «Пока по нам стреляют оттуда, мы тоже будем долбить». (Чуть позже мы вылазку в том направлении сделали, и вопрос с обстрелами с этого направления закрыли.)

Уже 3 июня в среднем ущелье находим полевой заминированный «духовский» госпиталь. Видно было, что госпиталь недавно действовал — кровь кругом видна. Оборудование и медикаменты «духи» бросили. Я такой медицинской роскоши вообще никогда не видел… Четыре бензиновых генератора, ёмкости для воды, соединённые трубопроводами… Шампуни, разовые станки для бритья,

одеяла… А какие там были медикаменты!.. Наши медики просто рыдали от зависти. Заменители крови – производства Франции, Голландии, Германии. Перевязочные материалы, хирургические нити. А у нас ничего, кроме промедола (обезболивающее средство. – Ред.), толком и не было. Сам собой напрашивается вывод – какие же силы брошены против нас, какие финансы!.. И при чём здесь чеченский народ?..

Я попал туда первым, поэтому выбрал то, что было для меня самым ценным: бинты, одноразовые простыни, одеяла, лампы керосиновые. Потом позвал полковника медслужбы и показал всё это богатство. Его реакция, как и у меня. Он просто в транс впал: сшивные материалы для сосудов сердца, современнейшие медикаменты… После этого мы были с ним на прямой связи: он меня просил сообщить, если ещё что-нибудь найду. Но связываться с ним пришлось уже по совершенно другому поводу.

Возле реки Бас был кран, откуда местные брали воду, поэтому воду эту мы пили без опаски. Подъезжаем к крану, и тут нас останавливает кто-то из старейшин: «Командир, помоги! У нас беда – женщина рожает больная». Старейшина говорил с сильным акцентом. Рядом стоял молодой парень как переводчик, вдруг что-нибудь будет непонятно. Неподалёку вижу иностранцев на джипах из миссии «Врачи без границ», вроде голландцы по разговору. Я к ним – помогите! Они: «Не-е-е… Мы помогаем только повстанцам». Я от их ответа так опешил, что даже не знал, как реагировать. Вызвал по рации полков-

ника-медика: «Приезжай, надо помочь при родах». Он тут же приехал на «таблетке» с кем-то из своих. Увидев роженицу, сказал: «А я думал, ты шутишь...».

Положили женщину в «таблетку». Выглядела она страшно: жёлтая вся... Роды у неё не первые, но, наверное, были какие-то осложнения в связи с гепатитом. Полковник роды сам принимал, а ребёнка мне отдал и стал женщине какие-то капельницы ставить. С непривычки мне показалось, что ребёнок выглядит очень жутко... Я его в полотенце завернул и держал на руках, пока полковник не освободился. Вот такая история приключилась со мной. Не думал, не гадал, что буду участвовать в рождении нового гражданина Чечни.

С начала июня где-то на ТПУ работала кашеварилка, но до нас горячая еда практически не доезжала — приходилось питаться сухим пайком и подножным кормом. (Я научил бойцов разнообразить рацион сухого пайка — тушёнка на первое, второе и третье — за счёт подножного корма. Траву тархун заваривали как чай. Из ревеня можно было суп сварить. А если добавить туда кузнечиков — наваристый такой супчик получается, и белок опять же. А раньше, когда стояли в Герменчуге, видели вокруг много зайцев. Идёшь с автоматом за спиной — тут заяц из-под ног выскакивает! Те секунды, пока автомат берёшь, потратил — и зайца уже нет... Только автомат убрал — они опять тут как тут. Я двое суток хотя бы одного попытался подстрелить, но бросил это занятие — бесполезно... Научил пацанов ещё есть

ящериц и змей. Ловить их оказалось намного проще, чем зайцев стрелять. Удовольствия от такой еды, конечно же, мало, но что делать — есть-то что-то надо...). С водой тоже беда: она кругом была мутная, и пили её мы только через бактерицидные палочки.

Однажды утром пришли местные жители с местным же участковым, старшим лейтенантом. Он нам даже красные корочки какие-то показал. Говорят: знаем, что вам есть нечего. Тут кругом коровки ходят. Коровку с крашеными рогами можете подстрелить — это колхозная. А вот некрашеных не трогайте — это личные. «Добро» вроде дали, но нам как-то трудно было переступить через себя. Потом всё-таки возле Баса одну коровку завалили. Убить-то убили, а что с ней делать?.. И тут приходит Дима Горбатов (я его поставил кашеварить). Он парень деревенский и на глазах у изумленной публики разделал корову за несколько минут!.. Мы свежего мяса не видели уже очень давно. А тут шашлык! Ещё вырезку на солнце вывесили, обмотав бинтами. И получилось вяленое мясо — не хуже, чем в магазине.

Что беспокоило ещё, так это постоянные ночные обстрелы. Ответный огонь, конечно, мы сразу не открывали. Приметим, откуда стрельба, и потихоньку идём в этот район. Тут нам очень помогала эсбээрка (СБР, радиолокационная станция ближней разведки. — Ред.).

Однажды вечером мы с разведчиками (нас было семь человек), стараясь идти незаметно, пошли в сторону санатория, откуда накануне по нам стреляли. Пришли — находим

четыре «лёжки», рядом небольшой заминированный склад. Убирать мы ничего не стали — просто поставили свои ловушки. Ночью всё сработало. Получается, не зря сходили… Но проверять результаты мы уже не стали, для нас было главным, что стрельбы с этого направления больше не было.

Когда в этот раз мы благополучно вернулись, я впервые за долгое время почувствовал удовлетворение — ведь начиналась работа, которую я умею делать. К тому же теперь не всё мне надо было делать самому, а кое-что можно уже кому-то другому поручить. Прошло всего полторы недели, а людей как подменили. Война учит быстро. Но именно тогда я понял, что если бы мы не вытянули убитых, а оставили их, то на следующий день в бой никто бы не пошёл. На войне это самое главное. Парни увидели, что мы никого не бросаем.

Вылазки у нас были постоянные. Однажды оставили БТР внизу и поднялись в горы. Увидели пасеку и начали её осматривать: она была переоборудована под минный класс! Тут же, на пасеке, мы нашли списки роты исламского батальона. Открыл их и глазам своим не поверил — всё, как у нас: 8-я рота. В списке сведения: имя, фамилия и из какого места родом. Очень интересный состав отделения: четыре гранатомётчика, два снайпера и два пулемётчика. Бегал с этими списками целую неделю — куда отдать? Потом передал в штаб, но не уверен, что дошёл этот список куда надо. Всем это было до лампочки.

Неподалёку от пасеки нашли яму со складом боеприпасов (сто семьдесят ящиков под-

калиберных и фугасных танковых снарядов). Пока мы осматривали всё это — начался бой. По нам стал бить пулемёт. Огонь очень плотный. А Миша Миронов, деревенский парень, как пасеку увидел, стал сам не свой. Запалил дымы, рамочки с сотами достаёт, пчёл веточкой смахивает. Я ему: «Мирон, стреляют!». А он вошёл в раж, подпрыгивает, но рамочку с мёдом не бросает! Отвечать нам особо нечем — расстояние метров шестьсот. Мы запрыгнули на БТР и ушли вдоль Баса. Ясно стало, что боевики хоть и издалека, но пасли свой минный класс и боеприпасы (но потом наши сапёры всё равно снаряды эти взорвали).

Вернулись мы к себе и набросились на мёд, да ещё и с молоком (нам местные разрешили одну коровку изредка доить). И после змей, после кузнечиков, после головастиков мы испытали просто неописуемое наслаждение!.. Жаль, только хлеба так и не было.

После пасеки я Глебу, командиру разведвзвода, сказал: «Иди, смотри всё вокруг дальше». На следующий день Глеб мне докладывает: «Я вроде схрон нашёл». Идём. Видим в горе пещеру с цементной опалубкой, в глубину она уходила метров на пятьдесят. Вход замаскирован очень тщательно. Его только тогда увидишь, если вплотную подойдёшь.

Вся пещера заставлена ящиками с минами и взрывчаткой. Открыл ящик — там противопехотные мины новенькие! У нас в батальоне были только такие же старые, как и наши автоматы. Ящиков такое множество, что невозможно было их пересчитать. Только одного пластита я насчитал тринадцать тонн. Об-

щий вес легко было определить, ведь ящики с пластитом были маркированы. Была тут и взрывчатка для «Змея Горыныча» (машина для разминирования взрывом. — Ред.), и пиропатроны к нему.

А у меня в роте пластит был плохой, старый. Чтобы из него что-то слепить, надо было его в бензине вымачивать. Но, ясно дело, если бойцы начнут что-то вымачивать, то обязательно какая-нибудь ерунда произойдёт… А тут пластит свежий. Судя по упаковке — 1994 года выпуска. От жадности я взял себе четыре «сосиски», метров по пять каждая. Набрал и электродетонаторов, которых у нас тоже в помине не было. Вызвали сапёров.

И тут приехала наша полковая разведка. Я им рассказал, что накануне мы нашли базу боевиков. «Духов» было человек пятьдесят. Поэтому мы вступать с ними в контакт не стали, только место отметили на карте.

Разведчики на трёх БТРах проходят мимо нашего 213-го блок-поста, въезжают в ущелье и начинают стрелять из КПВТ по склонам! Я про себя ещё подумал: «Ничего себе, пошла разведка… Сразу себя и обозначила». Мне это тогда показалось чем-то диким. И худшие мои предчувствия оправдались: через несколько часов их накрыли как раз в районе той точки, которую я показал им на карте…

Сапёры занимались своим делом, готовились подорвать склад взрывчатки. Здесь же был и Дима Каракулько, заместитель командира нашего батальона по вооружению. Я ему пушку гладкоствольную, найденную в

горах, передал. «Духи» её, видно, с подбитого БМП сняли и поставили на самодельную платформу с аккумулятором. Неказистая на вид штука, но из неё можно стрелять, наводя по стволу.

Я собрался ехать на свой 212-й блок-пост. Тут увидел, что сапёры принесли хлопушки для подрыва электродетонаторов. Эти хлопушки действуют по тому же принципу, что и пьезозажигалка: при механическом нажатии на кнопку образуется импульс, который приводит в действие электродетонатор. Только у хлопушки один серьёзный недостаток – она работает примерно на сто пятьдесят метров, дальше импульс затухает. Есть «крутилка» – она действует на двести пятьдесят метров. Я Игорю, командиру взвода сапёров, говорю: «Ты сам-то ходил туда?». Он: «Нет». Я: «Так сходи, посмотри…». Он вернулся, вижу – уже «полёвку» разматывает. Они вроде полную катушку размотали (это больше тысячи метров). Но когда они склад подорвали, их всё равно землёй засыпало.

Вскоре мы накрыли стол. У нас опять пир – мёд с молоком… И тут я повернулся и ничего понять не могу: гора на горизонте начинает медленно подниматься вверх вместе с лесом, с деревьями… А гора эта метров шестьсот в ширину и примерно столько же в высоту. Потом появился огонь. И тут меня отбросило на несколько метров взрывной волной. (И это происходит на расстоянии километров пяти до места взрыва!) А когда я упал, то увидел настоящий гриб, как в учебных фильмах про атомные взрывы. А было вот что: сапёры взорвали «духовский» склад

взрывчатки, который мы обнаружили ранее. Когда мы на своей поляне снова сели за стол, я спросил: «А откуда здесь специи, перец?». А оказалось, что это не перец, а пепел и земля, которые сыпались с неба.

Через какое-то время в эфире пронеслось: «Разведчики попали в засаду!». Дима Каракулько сразу взял сапёров, которые до этого занимались подготовкой склада к взрыву, и пошёл разведчиков вытягивать! Но они же тоже пошли на БТРе! И тоже попали в ту же засаду! Да и что сапёры могли сделать: у них по четыре магазина на человека – и всё...

Комбат мне сказал: «Серёга, ты прикрываешь выход, потому что неизвестно, откуда и как наши будут выходить!». Я ведь стоял как раз между трёх ущелий. Потом разведчики и сапёры группами и поодиночке выходили именно через меня. С выходом вообще была большая проблема: сел туман, надо было сделать так, чтобы свои не постреляли своих же отходящих.

Мы с Глебом подняли свой 3-й взвод, который стоял на 213-м блок-посту, и то, что осталось от 2-го взвода. До места засады от блок-поста было километра два-три. Но наши-то пошли пешком и не по ущелью, а по горам! Поэтому, когда «духи» увидели, что с этими просто так справиться уже не получится, то постреляли и отошли. Тогда у наших не было ни одной потери ни убитыми, ни ранеными. Мы наверняка знали, что на стороне боевиков воевали бывшие опытные советские офицеры, ведь в предыдущем бою я чётко слышал четыре одиночных вы-

стрела — это ещё с Афгана означало сигнал к отходу.

С разведкой получилось примерно так. «Духи» увидели первую группу на трёх БТРах. Ударили. Потом увидели другую, тоже на БТРе. Снова ударили. Наши парни, которые отогнали «духов» и первыми оказались на месте засады, рассказывали, что сапёры и сам Дима до последнего отстреливались из-под БТРов.

Накануне, когда от разрыва мин погиб Игорь Якуненков, Дима всё просил меня взять его на какую-нибудь вылазку, ведь они с Якуненковым были кумовьями. И я думаю, что Дима хотел «духам» лично отомстить. Но я ему тогда твёрдо сказал: «Никуда не ходи. Занимайся своим делом». Я понимал, что у Димы с сапёрами вытащить разведчиков шансов не было никаких. Он сам был не подготовлен к выполнению таких задач, да и сапёры тоже! Они же другому учились... Хотя, конечно, молодцы, что бросились на выручку. И не трусы оказались...

Разведчики погибли не все. Всю ночь мои бойцы выводили оставшихся. Последние из них вышли только вечером седьмого июня. А вот из сапёров, которые пошли с Димой, осталось в живых всего два или три человека.

Девятого июня пришла информация о присвоении званий: Якуненкову — майора (получилось посмертно), Стобецкому — старшего лейтенанта досрочно (тоже получилось посмертно). И вот что интересно: накануне мы поехали к источнику за питьевой водой. Возвращаемся — стоит очень древняя старушка с лавашом в руках и Иса рядом. Говорит

мне: «С праздником тебя, командир! Только никому не рассказывай». И передаёт сумку. А в сумке — бутылка шампанского и бутылка водки. Тогда я уже знал, что тем чеченцам, кто пьёт водку, положено сто палок по пяткам, а кто продаёт — двести. А на следующей день после этого поздравления мне досрочно (досрочно ровно на неделю) присвоили звание, как шутили мои бойцы, «майора третьего ранга». Это опять косвенно доказывало, что чеченцы о нас знали абсолютно всё.

Десятого июня мы пошли в очередную вылазку, на высотку 703. Конечно, не напрямую. Сначала на БТРе поехали якобы за водой. Бойцы не спеша грузят воду на БТР: ой, разлили, потом опять же покурить надо, потом с местными потрендели… А в это время мы с парнями осторожно спустились по речке. Сначала нашли мусор. Потом мы начали замечать недавно натоптанные тропинки. Ясно, что боевики где-то рядом.

Шли мы тихо. Видим «духовское» охранение — два человека. Сидят, тарахтят о чём-то своём. Понятно, что снимать их надо бесшумно, чтобы они ни одного звука не смогли издать. Но послать снять часовых мне некого — не учили матросов на кораблях этому. Да и психологически, особенно в первый раз, это очень жуткое дело. Поэтому я оставил двоих (снайпера и бойца с автоматом для бесшумной стрельбы) прикрывать меня и пошёл сам…

Охранение сняли, идём дальше. Но «духи» всё-таки насторожились (может, ветка хрустнула или ещё какой-то шум) и выбежали из схрона. А это был блиндаж, оборудованный

по всем правилам военной науки (вход зигзагом, чтобы нельзя было всех внутри одной гранатой положить). Мой левый фланг уже почти вплотную к схрону подошёл, осталось до «духов» пять метров. В такой ситуации побеждает тот, кто первым затвор передёрнет. Мы в лучшем положении: ведь они-то нас не ждали, а мы были готовы, поэтому наши выстрелили первыми и всех на месте уложили.

Я показал Мише Миронову, нашему главному пасечнику-медоносу, а по совместительству гранатомётчику, на окошко в схроне. И он из гранатомёта метров с восьмидесяти так умудрился стрельнуть, что попал точно в это окно! Так мы завалили и пулемётчика, который в схроне затаился.

Итог этого скоротечного боя: у «духов» семь трупов и не знаю, сколько раненых, так как они ушли. У нас — ни одной царапины.

А на следующий день опять с того же направления из леса вышел человек. Я из снайперской винтовки выстрелил в ту сторону, но специально не в него: а вдруг это «мирный». Он поворачивается и убегает обратно в лес. В прицел вижу — за спиной у него автомат... Так что никакой он не мирный оказался. Но снять его не удалось. Ушёл.

Местные иногда просили нас продать им оружие. Один раз просят подствольники: «Мы вам водки дадим...». Но я их послал очень далеко. К сожалению, продажа оружия была не такой уж большой редкостью. Помню, ещё в мае приезжаю на рынок и вижу, как бойцы самарских спецназовцев гранатомёты продают!.. Я — к их офицеру: «Это

что такое творится?». А он: «Спокойно...». Оказывается, они вынимали головную часть гранаты, а на её место вставляли имитатор с пластитом. У меня была даже запись на камеру телефона, как «духу» такой «заряженный» гранатомёт голову оторвал, причём снимали сами «духи».

11 июня приходит ко мне Иса и говорит: «У нас мина. Помоги разминировать». Мой блок-пост совсем рядом, до гор метров двести. Пошли в его огород. Я посмотрел — ничего опасного. Но он всё равно попросил забрать. Стоим, разговариваем. А с Исой были его внуки. Он и говорит: «Покажи мальчику, как стреляет подствольник». Я выстрелил, а мальчик испугался, чуть не заплакал.

И в этот момент на подсознательном уровне я скорее почувствовал, чем увидел вспышки выстрелов. Я пацана инстинктивно в охапку сгрёб и упал вместе с ним. Одновременно чувствую два удара в спину, это в меня попали две пули... Иса не понимает, в чём дело, бросается ко мне: «Что случилось?..» И тут доходят звуки выстрелов. А у меня в кармане на спине бронежилета лежала запасная титановая пластина (она у меня до сих пор хранится). Так обе пули пробили эту пластину насквозь, но дальше не прошли. (После этого случая к нам со стороны мирных чеченцев началась полная уважуха!..)

16 июня начинается бой на моём 213-м блок-посту! «Духи» двигаются на блок-пост с двух направлений, их человек двадцать. Но они нас не видят, смотрят в противоположную сторону, куда они атакуют. А с этой стороны «духовский» снайпер по на-

шим бьёт. И я вижу место, откуда он работает! Спускаемся по Басу и натыкаемся на первое охранение, человек пять. Они не стреляли, а просто прикрывали снайпера. Но мы же зашли им в тыл, поэтому мгновенно расстреляли всех пятерых в упор. И тут замечаем самого снайпера. Рядом с ним ещё два автоматчика. Мы их тоже завалили. Кричу Жене Метликину: «Меня прикрывай!..». Надо было, чтобы он отсёк вторую часть «духов», которых мы видели с другой стороны от снайпера. А сам бросаюсь за снайпером. Тот бежит, поворачивается, стреляет в меня из винтовки, снова бежит, снова поворачивается и стреляет...

От пули увернуться совершенно нереально. Пригодилось то, что я умел бежать за стреляющим так, чтобы создать ему максимум трудностей в прицеливании. В результате снайпер в меня так и не попал, хотя вооружён был по полной программе: кроме бельгийской винтовки за спиной — автомат АКСУ, а на боку — двадцатизарядная девятимиллиметровая «беретта». Это не пистолет, а просто песня! Никелированный, двуручный!.. «Беретту» он и выхватил, когда я его почти уже догнал. Тут мне ножичек пригодился. Снайпера я взял...

Повели его обратно. Он хромал (я ранил его ножом в бедро, как и положено), но шёл. К этому времени бой везде прекратился. И с фронта наши «духов» шуганули, и с тыла мы по ним ударили. «Духи» в такой ситуации почти всегда отходят: они же не дятлы. Я это ещё во время боёв в январе 1995 года в Грозном понял. Если во время их атаки ты с

позиции не уходишь, а стоишь или, ещё лучше, идёшь навстречу, они уходят.

Настроение у всех приподнятое: «духов» отогнали, снайпера взяли, все целы. И Женя Метликин меня спрашивает: «Товарищ командир, а кто вам на войне больше всех снился?». Отвечаю: «Дочка». Он: «А вот прикиньте: вот этот гад мог вашу дочь оставить без отца! Можно, я ему голову отрежу?». Я: «Женя, отвали... Он нам живым нужен». А снайпер хромает рядом с нами и этот разговор слушает... Я хорошо понял, что хорохорятся «духи» только тогда, когда чувствуют себя в безопасности. И этот, как только мы его взяли, стал мышкой-норушкой, никакой спеси. А на винтовке засечек у него штук тридцать. Я их даже считать не стал, не было никакого желания, ведь за каждой засечкой — чья-то жизнь...

Пока мы снайпера вели, Женя все эти сорок минут и с другими предложениями ко мне обращался, например: «Если нельзя голову, то давайте ему хотя бы руки отрежем. Или я ему гранату в штаны положу...». Ничего такого, конечно, мы делать не собирались. Но к допросу у полкового особиста снайпер был уже психологически готов...

По плану мы должны были воевать до сентября 1995 года. Но тут Басаев захватил заложников в Будённовске и среди прочих условий потребовал вывести из Чечни десантников и морских пехотинцев. Или, в крайнем случае, вывести хотя бы морпехов. Стало ясно, что нас будут выводить.

К середине июня в горах у нас оставалось только тело погибшего Толика Романова.

Правда, какое-то время была призрачная надежда, что он жив и вышел на пехоту. Но потом выяснилось, что у пехотинцев был его однофамилец. Надо было идти в горы, где был бой, и забирать Толика.

До этого две недели я комбата просил: «Дай, я схожу и заберу его. Не надо мне взводов. Возьму двоих, так в тысячу раз легче по лесу пройти, чем колонной». Но до середины июня «добро» от комбата я так и не получил.

Но вот уже нас выводят, и я наконец-то получил разрешение ехать за Романовым. Строю блок-пост и говорю: «Мне нужно пять добровольцев, я — шестой». И... ни один матрос не делает шага вперёд. Я пришёл к себе в блиндаж и думаю: «Как же так?». И только часа через полтора до меня дошло. Беру связь и всем говорю: «Вы, наверное, думаете, что я не боюсь? А мне ведь есть, что терять, у меня дочка маленькая. И боюсь я в тысячу раз больше, потому что боюсь ещё и за вас всех». Проходит пять минут и подходит первый матрос: «Товарищ командир, я с вами пойду». Потом второй, третий... Только через несколько лет бойцы мне сказали, что до этого момента они воспринимали меня как какого-то боевого робота, супермена, который не спит, ничего не боится и действует, как автомат.

А накануне у меня на левой руке выскочило «сучье вымя» (гидраденит, гнойное воспаление потовых желез. — Ред.), реакция на ранение. Болит невыносимо, всю ночь промучился. Тогда я на себе почувствовал, что при любом огнестрельном ранении надо

обязательно ложиться в госпиталь чистить кровь. А так как я на ногах перенёс ранение в спину, у меня началось какое-то внутреннее заражение. Завтра в бой, а у меня подмышкой образовались огромные нарывы, а в носу — фурункулы. Вылечился я от этой заразы листами лопуха. Но больше недели от этой заразы мучался.

Нам дали МТЛБ, и в пять двадцать утра мы пошли в горы. По дороге наткнулись на два дозора боевиков. В каждом было человек по десять. Но «духи» в бой вступать не стали и ушли, даже не отстреливаясь. Именно здесь они и бросили «уазик» с тем проклятым «васильком», от мин которого у нас пострадало столько народа. «Василёк» на тот момент был уже сломан.

Когда мы пришли на место боя, сразу поняли, что нашли мы тело именно Романова. Мы не знали, заминировано ли тело Толика. Поэтому два сапёра сначала сдернули его с места «кошкой». С нами были медики, которые собрали то, что от него осталось. Мы собрали вещи — несколько фотографий, блокнот, ручки и крестик православный. Очень тяжело было всё это видеть, но что делать... Это был наш последний долг.

Я попытался восстановить ход тех двух боёв. Вот что получилось: когда завязался первый бой и был ранен Огнев, наши парни из 4-го взвода рассыпались в разные стороны и начали отстреливаться. Отстреливались они минут пять, а потом замкомвзвода дал команду на отход.

Глеб Соколов, санинструктор роты, в этом время бинтовал руку Огневу. Толпа наших

с пулемётами побежала вниз, по дороге они взорвали «утёс» (крупнокалиберный пулемёт НСВ калибра 12,7 мм. — Ред.) и АГС (автоматический гранатомёт станковый. — Ред.). Но из-за того что командир 4-го взвода, командир 2-го взвода и его «зам» удрали в первых рядах (они так далеко убежали, что вышли потом даже не на наших, а на пехоту), Толику Романову пришлось до конца прикрывать отход всех и отстреливаться минут пятнадцать.... Я думаю, что в тот момент, когда он встал, снайпер и попал ему в голову.

Толик свалился с пятнадцатиметрового обрыва. Внизу было поваленное дерево. Он на нём и повис. Когда мы спустились вниз, его вещи были насквозь пулями пробиты. Мы ходили по стреляным гильзам, как по ковру. Похоже, «духи» его уже мёртвого изрешетили от злости.

Когда мы забрали Толика и выходили с гор, комбат мне сказал: «Серёга, ты выходишь с гор последним». И я вытянул все остатки батальона. А когда никого в горах уже не осталось, я сел, и мне стало так тошно... Уже вроде всё заканчивается, и поэтому пошла первая психологическая отдача, какое-то расслабление, что ли. Посидел где-то полчаса и выхожу — язык на плече, а плечи ниже колен... Комбат кричит: «У тебя всё хорошо?». Оказывается, за эти полчаса, когда вышел последний боец, а меня нет, они чуть не поседели. Чукалкин: «Ну, Серёга, ты даёшь...». А я и не подумал, что они могли так за меня переживать.

Я написал наградные на Героя России для Олега Яковлева и Анатолия Романова. Ведь

Олег до последнего момента пытался вытащить своего друга Шпилько, хотя по ним били из гранатомётов, а Толик ценой своей жизни прикрыл отход товарищей. Но комбат сказал: «Бойцам Героя не положено». Я: «Как не положено? Кто это сказал? Они же оба погибли, спасая товарищей!..». Комбат как отрезал: «По разнарядке не положено, приказ из Группировки».

Когда тело Толика привезли в расположение роты, мы втроём на БТРе поехали за «уазиком», на котором стоял тот проклятый «василёк». Для меня это был вопрос принципиальный: ведь из-за него столько наших погибло!

«Уазик» мы нашли без особого труда, в нём лежали штук двадцать кумулятивных гранат противотанковых. Тут видим, что уазик своим ходом ехать не может. Что-то у его заклинило, поэтому «духи» его и бросили. Пока мы проверяли, не заминирован ли он, пока трос зацепляли, видно, произвели какой-то шум, и на этот шум начали стягиваться боевики. Но мы как-то проскочили, хотя последний участок ехали так: я сижу за рулём «уазика», а меня сзади БТР толкает.

Когда выехали из опасной зоны, я не мог слюну ни выплюнуть, ни проглотить — от переживаний связало весь рот. Это сейчас я понимаю, что не стоил уазик жизни двух пацанов, которые были со мной. Но, слава Богу, обошлось...

Когда мы уже спустились к своим, вдобавок к «уазику» полностью сломался и БТР. Вообще не едет. Тут видим питерский РУБОП. Мы им: «Помогите с БТРом». Они:

«А что это у вас за «уазик?». Мы объяснили. Они по рации кому-то: «уазик» и «василёк» у морпехов!». Оказывается, два отряда РУБОПа за «васильком» давно охотились — ведь стрелял он не только по нам. Начали договариваться, как в Питере они поляну накроют по этому поводу. Спрашивают: «А сколько вас было?». Отвечаем: «Трое...». Они: «Как трое?..». А у них этим поиском занимались две офицерские группы по двадцать семь человек в каждой...

Рядом с РУБОПом видим корреспондентов второго канала телевидения, они приехали на ТПУ батальона. Спрашивают: «Что мы можем для вас сделать?». Я говорю: «Позвоните домой моим родителям и скажите, что видели меня в море». Родители мне потом говорили: «Нам с телевидения звонили! Сказали, что видели тебя на подводной лодке!» А вторая моя просьба была позвонить в Кронштадт и сказать семье, что я живой.

Мы после этих гонок по горам на БТРе за «уазиком» впятером пошли на Бас окунуться. У меня с собой четыре магазина, пятый — в автомате и одна граната в подствольнике. У бойцов вообще всего по одному магазину. Купаемся... И тут подрывают БТР нашего комбата!

«Духи» прошли вдоль Баса, заминировали дорогу и перед БТРом рванули. Потом разведчики сказали, что это была месть за расстрелянную на ТПУ девятку. (Был у нас на ТПУ один тыловик-алкоголик. Приехали как-то мирные, вышли из машины-девятки. А он же крутой... Взял и из автомата расстрелял машину ни за что ни про что).

Начинается жуткая неразбериха: наши принимают нас с парнями за «духов» и начинают стрелять. Мои бойцы в трусах прыгают, еле от пуль уворачиваются.

Я Олегу Ермолаеву, который рядом со мной был, даю команду отходить — он не уходит. Опять кричу: «Отходи!». Он делает шаг назад и стоит. (Бойцы только потом мне сказали, что они назначили Олега моим «телохранителем» и велели не отходить от меня ни на шаг.)

Я вижу отходящих «духов»!.. Получилось, что мы оказались у них в тылу. Вот это была задача: и от огня своих как-то спрятаться, и «духов» не упустить. Но они неожиданно для нас начали уходить не в горы, а через село.

Доложил майору Сергею Шейко, который остался за комбата, про «уазик». Сначала на ТПУ мне не поверили, но потом осмотрели и подтвердили: это именно тот, с «васильком».

А 22 июня ко мне приходит какой-то подполковник вместе с Шейко и говорит: «Этот «уазик» — «мирных». Из Махкетов приехали за ним, его надо отдать». Но я ещё накануне почувствовал, чем дело может закончиться, и приказал своим парням «уазик» заминировать. Я подполковнику: «Обязательно отдадим!..». А на Серёгу Шейко смотрю и говорю: «Ты сам-то понял, о чём вы меня просите?». Он: «У меня такой приказ». Тут я даю своим бойцам отмашку, и «уазик» на глазах у изумлённой публики взлетает на воздух!..

Шейко говорит: «Я тебя накажу! Отстраняю от командования блок-постом!». Я: «А блок-поста уже нет...». Он: «Тогда

будешь сегодня оперативным дежурным на ТПУ!». Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. И на самом деле я в этот день просто первый раз выспался — проспал с одиннадцати вечера до шести утра. Ведь все дни на войне до этого не было ни одной ночи, когда я бы ложился раньше шести утра. Да и спал я обычно только с шести до восьми утра — и всё...

Начинаем готовиться к маршу на Ханкалу. А находились мы километрах в ста пятидесяти от Грозного. Перед самым началом движения получаем приказ: сдать оружие и боеприпасы, оставить по одному магазину и одной подствольной гранате у офицера, а у бойцов вообще ничего не должно быть. Приказ устно мне отдаёт Серёга Шейко. Я тут же принимаю строевую стойку и докладываю: «Товарищ гвардии майор! 8-я рота боезапас сдала». Он: «Понял...». И тут же сам докладывает наверх: «Товарищ полковник, мы всё сдали». Полковник: «Точно сдали?». Серёга: «Точно, сдали!». Но все всё поняли. Этакий психологический этюд... Ну кому придёт в голову после того, что мы с боевиками сделали в горах, идти колонной сто пятьдесят километров по Чечне без оружия!.. Доехали мы без приключений. Но уверен: только потому, что оружие и боеприпасы мы не сдали. Ведь чеченцы знали про нас всё.

Когда стало понятно, что война для нас заканчивается, у тыловых началась борьба за награды. Уже в Моздоке вижу тыловика — он на себя наградной лист пишет. Я ему: «Да ты что делаешь?..». Он: «Если будешь тут выступать, я тебе справку не дам!». Я: «Да

это ты за справкой сюда приехал. А я пацанов всех вытащил: и живых, и раненых, и погибших!..». Я так завёлся, что после этого нашего «разговора» кадровик попал в госпиталь. Но вот что интересно: всё то, что он от меня получил, он оформил как контузию и приобрёл за это дополнительные льготы…

В Моздоке мы испытали стресс почище, чем в начале войны! Идём и поражаемся — люди ходят обычные, а не военные. Женщины, дети… Отвыкли мы от всего этого. Тогда же меня повезли на рынок. Там я купил настоящий шашлык. Мы в горах тоже делали шашлыки, но там не было ни соли толком, ни специй. А тут мясо с кетчупом… Сказка!.. А вечером свет на улицах загорелся! Диво дивное, да и только…

Подходим к карьеру, заполненному водой. Вода в нём голубая, прозрачная!.. А на другом берегу детки бегают! И мы в чём были, в том и плюхнулись в воду. Потом уже мы разделись и, как порядочные, в трусах переплыли на другую сторону, где люди купались. С краю семья: папа осетин, ребёнок-девочка и мама — русская. И тут жена начинает громко кричать на мужа за то, что он не взял ребёнку воды для питья. А нам после Чечни это показалось полной дикостью: ну как это женщина командует мужчиной? Нонсенс!.. И я непроизвольно говорю: «Женщина, ну что вы кричите? Смотрите, сколько вокруг воды». Она мне говорит: «Вы что, контуженный?». Отвечаю: «Да». Пауза… И тут она видит у меня жетон на шее, и до неё наконец доходит, и она говорит: «Ой, извините…». Тут уже и до меня доходит, что

это я пью воду из этого карьера и радуюсь, какая она чистая, но не они. Они её не будут пить, а уж ребёнка поить — точно. Говорю: «Это вы меня извините». И мы ушли...

Я благодарен судьбе, что она свела меня с теми, с кем я оказался на войне. Особенно жаль мне Сергея Стобецкого. Хотя я был уже капитаном, а он — только молодым лейтенантом, я многому учился у него. И плюс ко всему он вёл себя как настоящий офицер. И я иногда себя ловил на мысли: «А был ли я в его возрасте таким же?». Помню, когда к нам после взрыва мин пришли десантники, ко мне подошёл их лейтенант и спросил: «А где Стобецкий?». Оказывается, они в училище были в одном взводе. Я показал ему тело, а он сказал: «Из нашего взвода из двадцати четырёх человек в живых на сегодняшний день осталось только трое». Это был выпуск Рязанского воздушно-десантного училища 1994 года...

Очень тяжело было потом встречаться с родственниками погибших. Именно тогда я понял, насколько важно для родных получить на память хоть какую-то вещь. В Балтийске я пришёл к дом к жене и сыну погибшего Игоря Якуненкова. А там сидят тыловики и рассказывают так эмоционально и ярко, как будто они всё своими глазами видели. Я не выдержал и сказал: «Знаете, не верьте тому, что они говорят. Их там не было. Возьмите на память». И подаю фонарик Игоря. Надо было видеть, как они бережно взяли в руки этот поцарапанный разбитый дешёвый фонарик! И тут его сын заплакал...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Эта история, которую мне рассказал действующий полковник спецназа МВД, является настолько невероятной, что верится в неё с большим трудом. И если бы её рассказал кто-то другой, я бы, наверное, усомнился. Но здесь о том, что он лично видел и слышал, свидетельствует офицер, много раз побывавший в командировках на Кавказе. Остаётся только читать и удивляться...

Рассказывает заместитель командира одного из спецподразделений МВД полковник Д. (позывной «Годзилла»):

— В начале лета 2000 года я находился в очередной командировке в Чечне. Управление всеми спецоперациями тогда осуществляла Федеральная служба безопасности. Оперативники ФСБ сначала работали без нас, со своим спецназом. Но во время одного задержания при входе в здание они понесли потери и решили больше без СОБРа никуда не соваться. С этого момента основной нашей задачей стало задержание лидеров бандформирований по информации оперативников ФСБ.

И вот поступила такая информация, что в одно из сел района, который входил в зону нашей ответственности, вошла банда. Было известно, в каком именно доме находится лидер этой бандгруппы. Дом этот стоял почти на окраине села. На рассвете мы должны были в село войти, дом блокировать, главаря задержать и очень быстро исчезнуть. Задача для нас это была стандартная.

Тут всё зависело от скорости. По плану наши на двух БТРах подъезжают к дому, выдергивают бандита и уходят. Но перед этим группа блокирования должна была блокировать дом со двора, со стороны огорода. Ведь когда мы въезжали в села, те жители, которые на окраине нас замечали первыми, начинали стучать по газовым трубам. Это означало: федералы входят в село. Стук мгновенно разносится по всем домам, и бандиты начинают разбегаться кто куда: в тайники свои в подвалах, в лес...

По темноте впятером пешком мы зашли в село. Постов не встретили, никто нас не обнаружил. Хорошо помню высокую траву чуть ли не в человеческий рост. Перекрыли огород и встали так, чтобы видеть соседа слева и справа. По рации своим дали тональный сигнал — мы на месте. После этого наши ребята на скорости подлетают к дому. Мы из своей травы ничего не видим, только слышим шум техники, грохот от выламываемых дверей и бабские крики.

Вроде всё утихло, в нашу сторону никто не бежит. Ясно, что захват состоялся, мы ждём тональный сигнал — сниматься. А сигнала нет... Смотрим друг на друга: когда сниматься-то?.. На связь выходить вроде нельзя, но наш старший (позывной «Семён») начал по рации запрашивать: «Когда нам выходить?». В ответ — тишина... Мы потихоньку собрались и выбрались на дорогу — на ту же улицу, где стоял дом, но чуть в стороне. Может, БТРы на дороге стоят и нас ждут.

Но на улице наших нет... У старшего началась лёгкая паника, он по рации уже в голос кричит: «Где вы?!.». Я вижу, что «Семён» переживает, волнуется — никто на его крики по рации не отвечает. Летят, видно, наши на базу на БТРах. Радостные, что с добычей, ничего не слышат... Да и радиус действия наших «кенвудов» всего около двух километров.

Но самое главное, что «Семён» никак не может решить, что нам делать. Ведь в селе-то боевики!..

Тут из домов высыпали женщины, дети, старики. До сих пор помню взгляд одной

бабки-чеченки. Такое у неё на лице было написано удовольствие: «Ну всё, попались голубчики!..». Но мы-то не солдаты, все у нас взрослые мужики. И вооружены были по полной программе: пулемёт ПК, гранатомёт РПГ-7 с выстрелами, снайперская винтовка и автоматы с подствольниками. В броне, в шлемах титановых. Поэтому чеченцы поняли, что просто так взять нас вряд ли получится. Но люди всё равно обступают нас вокруг, подходят, приближаются...

Через минуту толпа стала резко увеличиваться, люди как муравьи из всех домов повылезали. За спиной толпы на дальнем плане уже стали бородачи появляться. Но пока работал эффект внезапности, и они не готовы были, похоже, немедленно начать действовать. А вдруг в селе действительно везде федералы? Но долго так продолжаться не могло. Ещё пара минут — и стало бы окончательно ясно, что нас во всём селе всего пятеро.

«Семён» мечется прямо посреди дороги, решить ничего не может.

Вижу — метрах в двухстах за нами площадь с мечетью в центре. Своим говорю: «Вы двое — на одну сторону улицы, мы — на другую». А вдоль дороги арыки неглубокие. Думаю: как только первый выстрел услышим — падаем в арыки и принимаем бой. Но я хорошо понимал, что, хотя и таскали мы с собой по два-три боекомплекта, этого нам хватило бы минут на пять. Да и то в том случае, если в тебя не попадут.

Но я решил отходить именно к мечети. В соседние дома заходить было бесполез-

но — там же женщины, дети. Да и впятером держать оборону в доме с таким количеством входов и окон невозможно.

«Семён» уже почти в истерике орёт: нас бросили… А я парней направляю. Ощетинившись, быстрым шагом отходим к площади. За спиной у нас никого нет, а вот до толпы — всего метров пять. У гранатомётчика гранатомёт уже заряжен, пулемётчик готов просеку в толпе прорубить… Но всё равно ждём первого выстрела по нам. А выстрела нет…

Народ всё прибывает, толпа растёт. Всё это напоминало ситуацию, когда хищники собираются вокруг добычи. И вдруг сквозь шум толпы слышим вой сирены! Народ расходится в стороны, а из толпы прямо к нам подлетает белая «нива» с синей полосой и надписью «Милиция», с мигалками. Вижу: внутри человек в серой милицейской форме, на груди нашивка «ОМОН». Подъезжает к нам вплотную, открывает дверь и кричит: «Чего вы орёте по рации, что вас бросили? Ведь боевики эфир прослушивают. Сейчас их тут столько соберётся, что вам мало не покажется. Быстро в машину!..».

Мы заднюю дверь у «нивы» открыли и все пятеро, сам не знаю как (в броне, с пулемётом, гранатомётом и снайперской винтовкой), внутрь забились. Но там ещё умудрились ощетиниться во все стороны. Водитель резко взял с места и поехал прямо на толпу. Те, не выдержав такой наглости, стали в стороны отскакивать. А мы по сторонам смотрим. И видим, что уже кто-то с оружием промелькнул… Потом и выстрелы раздались.

Но мы в ответ не стреляли — ждали, что если по нам хоть чуть-чуть пули чиркнут, тогда точно ответим. Но в нас боевики не попали — машина подняла такую пыль, что в этих клубах её почти не было видно.

На бешеной скорости долетели до ближайшего милицейского блок-поста. Это несколько километров. Водитель нас высадил, поругал снова за то, что по рации орали, что нас бросили. «Семён» снова запрашивает наших по рации — снова ответа нет. Тогда омоновец из «нивы» говорит: «Ну ладно, тогда ждите своих здесь». И уехал. Я сейчас не могу вспомнить его лица. Никто из нас не запомнил ни как его зовут, ни какой номер был у машины. И, что самое интересное, никто из нас не додумался его спросить, как он узнал, что мы одни в селе остались.

Когда через несколько месяцев мы вернулись домой, то уже за праздничным столом стали вспоминать ситуации всякие, которые в командировке случались. Мы ведь и в засады попадали, и «языка» ходили брать. Но история с омоновцем была самая загадочная: откуда он взялся, кто он... Да и вообще его появление в «духовском» селе одного, на милицейской машине, да ещё и в омоновской форме — вещь, исходя из чеченский реалий, невозможная. Получается, появился человек из ниоткуда и уехал в никуда. Никак мы не могли этого понять. А тут моя жена и говорит: «Это вас Ангел-Хранитель спас». И всё сразу встало на свои места...

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Трудно себе представить, что чувствует человек, который потерял обе ноги и правую руку и остался с одной левой рукой. Конечно, возникает вопрос: почему это случилось, для чего?.. И Герой России майор спецназа МВД И.С. Задорожный получил для себя ответы на эти вопросы.

Он потерял ноги, руку, но нашёл больше. После ранения он понял, что для Бога неважно, насколько человек сильный и ловкий, есть у него ноги или нет. Бог хочет, чтобы каждый прежде всего спас свою душу. Для этого и даются каждому испытания по силам. А спасти душу настолько важно, что за это можно отдать очень многое. Для майора И.С. Задорожного цена была именно такой.

Герой России майор Игорь Сергеевич Задорожный в 1999 году окончил Владикавказское военное училище Внутренних войск МВД РФ. Служил в Дальневосточном округе Внутренних войск МВД. Командир группы отряда специального назначения «Тайфун» Дальневосточного округа Внутренних войск МВД.

С 2000 года совершил четыре командировки в Чеченскую республику для борьбы с вооружёнными бандформированиями. Отличался личным мужеством и воинским мастерством. Участвовал в 151 спецоперации и в 80 разведвыходах по поиску и уничтожению бандформирований.

28 января 2003 года в ходе спецоперации по поиску и уничтожению базы боевиков в районе села Ялхой-Мокх капитан Игорь Задорожный подорвался на фугасе и получил тяжёлые минно-взрывные травмы: травматический отрыв правой стопы и осколочные ранения ног и правой руки. Остался в строю и в ходе начавшегося боя продолжал командовать действиями своих подчинённых. В результате группа, нанеся противнику значительный урон, без потерь вышла к месту эвакуации.

Игорь Задорожный был эвакуирован в госпиталь в критическом состоянии. Несмотря на все усилия врачей, обе ноги и правую руку спасти не удалось, их пришлось ампутировать... После длительного лечения Игорь Задорожный обратился к Главнокомандующему Внутренних войск МВД с просьбой оставить его на военной службе, и с 2003 года он продолжил службу в Москве в отряде специального назначения «Русь» Внутренних войск МВД.

Указом Президента Российской Федерации от 11 ноября 2003 года майору Игорю Сергеевичу Задорожному присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда».

Рассказывает Герой России майор Игорь Сергеевич Задорожный:

— Во время очередной командировки в Чечню мы получили оперативную информацию о базе боевиков. Предположительно район её расположения мы знали. Но где она находится точно, сколько там боевиков, было неизвестно.

В моей группе, которая должна была найти и уничтожить базу, вместе со мной было пятнадцать человек. В этот раз было как никогда много офицеров. Ведь обычно со мной был только командир взвода, остальные — бойцы и несколько контрактников. А тут я взял ещё одного офицера на «обкатку», а у другого из них это был «крайний» выход: на следующий день он должен был уехать. И ещё с нами был майор ФСБ, они делились оперативной информацией и осуществляли над нами надзор.

В предполагаемом районе мы нашли трубопровод, который от колодца тянулся в глубь леса. Проткнули трубу, и оттуда ударил фонтан воды! Стало ясно, что где-то работает насос, который и создаёт в трубе давление. Вот по этому трубопроводу к базе мы и двинулись. Но в первый день далеко пройти не смогли — стемнело. Отметили на карте координаты, а через два дня вернулись часов в восемь утра и продолжили поиск с засечённых координат.

Основную группу я посадил сверху над лесом, метрах в пятидесяти над нами. Они должны были нас прикрывать. А я с заместителем командира взвода, пулемётчиком, сапёром и его помощником пошёл в кустарник.

Там два сапёра двинулись вдоль по направлению трубы, а мы их прикрывали справа, слева и снизу.

Труба была закопана на глубине около пятидесяти сантиметров. Снег кругом лежал, земля замёрзшая – дело было в феврале. Копали землю мы пехотными лопатками, поэтому продвигались очень медленно: ведь неизвестно, в какую сторону труба точно пойдёт. Поэтому метра через два от предыдущей ямы в предположительном направлении хода трубы мы копаем новую. Определили направление трубопровода, и опять через два метра копаем...

К двенадцати часам дня мы продвинулись метров на сто, не больше. Вижу, что пора возвращаться на базу. Ведь возвращаться надо было обязательно засветло, чтобы не попасть в засаду или не нарваться на растяжку. На таком удалении от базы нам бы точно никто помочь вовремя не смог, особенно по темноте.

Нам оставалось работать примерно полчаса до начала движения к базе. Ясно, что за эти полчаса мы не слишком продвинемся. И поэтому решил я ускорить дело. Прошёл несколько метров по звериной тропинке и увидел лесную дорогу, идущую сверху вниз. Верхний участок дороги был замаскирован срубленным кустарником терновника и скрывал вход в лес. Я спустился по дороге метров на десять вниз до небольшого плато. И как только дошёл до середины ровного места, тут раздался оглушительный взрыв!.. Под ногой у меня оказался самодельный фугас.

Я подлетел вверх, потом упал… В ушах звон, земля сверху на голову сыпется… И тут я увидел, что остался без ноги и плюс к этому ещё ранен в другую ногу и правую руку. Оставшаяся нога и правая рука меня не слушались. Сначала я именно увидел, что мне оторвало ногу, а уже боль пришла потом. Сознание не потерял, но как я в этот момент закричал!.. Можно даже сказать — заревел диким голосом… Больше, правда, не стонал и не визжал, а попытался уколоть себя промедолом. Попробовал продавить иголкой колпачок — не получилось… Засунул шприц-тюбик в рот, провернул его и только после этого смог сделать себе укол в якобы целую ногу. А как только сделал, тут же, буквально через несколько секунд, почувствовал облегчение: боль стала уходить.

По команде замковзвода ко мне с санитарной сумкой прибежал боец, который помогал копать землю сапёру. Он начал накладывать жгут и перематывать меня бинтами.

Меня надо было срочно эвакуировать. По рации доложили своим. И почти сразу к нам отправили вертолёт. Мы его даже слышали, но из-за тумана не смогли разглядеть. Он тоже не смог увидеть опознавательных сигналов и вернулся на базу.

Тогда командиры говорят: «Будем эвакуировать по земле. Куда высылать бронегруппу?». Мы определились: самым удобным местом был фруктовый сад в километре от месте подрыва. Но идти бронегруппе до этого сада надо было часа полтора.

Ту часть группы, которая сидела сверху и прикрывала нас, я снял и велел спуститься

к нам вниз. Потом всех расставил по местам для движения в походном порядке: сформировал головной дозор, тыловой дозор. Старшим в головном дозоре был замкомвзвода. И как только головной дозор двинулся (они прошли всего метров пятнадцать, меня самого ребята даже с земли не успели поднять), как тут же попал в засаду!..

По звуку было понятно, что стреляет по нам пулемёт и несколько автоматов. Даю команду: «Стой! К бою!». Все заняли круговую оборону, как ранее было отработано, и открыли ответный огонь. Но стреляли не все. Так часто делается, чтобы не раскрыть истинное количество бойцов. Плюс к этому надо было беречь патроны. Ведь на том момент было непонятно, с кем мы столкнулись и сколько их... И ещё стояла задача вытащить головной дозор. Я постоянно вызывал их по рации, но ответа не было. У меня даже мелькнула мысль, что они все погибли. Но минут через пять старший дозора вышел на связь по рации: «Всё нормально, стараемся выйти сами».

Конечно, тут нас спас плотный туман — видимость была не больше восьми метров. Боевики нас не видели, как и мы их. Стреляли на звук и шум передвижения. Некоторое время мы отстреливались, переползали... И тут я прислушался: со стороны противника явно были какие-то передвижения. Сразу подумал, что «духи» пытаются обойти нас с левого фланга, с того места, откуда мы уходили после моего подрыва. Расстояние между нами было минимальное. Мы даже слышали, как боевики бегают, как они передвигаются.

Но и мы, и они из-за тумана стреляли на авось.

Нашу базу охраняла рота десантников. Командир десантно-штурмового батальона был очень жёсткий и деятельный. Накануне вечером, когда мы с ним разговаривали, он сказал: «Я буду работать в трёх километрах от тебя. Если что, поддержу огнём». А он всегда с собой возил 82-миллиметровую миномётную батарею, три миномёта. Я тогда взял его позывные. И когда стало окончательно ясно, что «духи» нас обходят, наш радист вышел на связь с десантниками и передал наши координаты. Запросил миномётного огня по каньону, вдоль которого мы лежим. «Духи» на противоположной стороне, и задача миномётчиков не перепутать склон, и ударить по той стороне, откуда ведёт огонь противник.

И буквально минут через пять после этого десантники уже стали долбить минами по этому каньону!.. Тем самым они отсекали нас от противоположного склона, где были боевики. (Сработало то, что когда рота десантников ушла, миномётчики разложились, настроились и ждали команды командира для поддержки огнём своего подразделения. Поэтому они были полностью готовы.) Самих разрывов я не видел, только слышал, как мины ложатся совсем рядом: земля от разрывов сыпалась сверху на нас. Конечно, мы укрылись как могли: кто за дерево лёг, кто просто к земле прижался. И это помогло: никого из нас, слава Богу, не зацепило. Да и миномётчики отстрелялись просто ювелирно.

Как только стали рваться мины, стрельба с противоположного направления сразу пре-

кратилась. Я думаю: «духи» просто убежали. Стоял страшный грохот, сыпалась земля, а мы сами думали только о том, как бы нас не накрыла случайная мина и не зацепили осколки.

Чуть позже десантники перенесли огонь выше, и можно было выбираться из укрытий и начать движение к месту эвакуации. На этот раз головной дозор пошёл впереди совсем близко.

Пришли к месту эвакуации во фруктовый сад и заняли круговую оборону. Бронегруппы ещё не было, она подошла где-то через полчаса. И в этот момент камень с сердца у меня упал, я облегчённо вздохнул: нас стало втрое больше, да и вооружение у БТРов и БМП мощное. Плюс ко всему ребята приехали с гранатомётами, с боеприпасами. Теперь при необходимости мы могли уже вести бой не один час.

Десантник-санинструктор попытался сделать мне укол в вену. Но у него так тряслись руки от увиденного, что он промахнулся. Надулся большой пузырь рядом с веной. Говорю ему: «Всё, хватит. Поехали быстрей, а то я до госпиталя не дотяну...». Выглядел он плохо – был совсем бледный. Меня тут же засунули, по-другому не скажешь, в БТР, и мы поехали на базу. К этому времени мне уже тяжело было держать глаза открытыми. Но я всё слышал и, хоть и медленно, но разговаривал.

Всё время с момента подрыва мне кололи промедол. Получилось, что всего до операционного стола сделали семь уколов. Пишут, что одного укола должно хватить на два часа.

Но реально при таких ранениях его хватало на сорок минут. Но благодаря промедолу мне удалось продержаться всё это время в сознании и руководить группой. Удивительно, но мозги абсолютно качественно работали, в забытье я не уходил. И не было горячки: ты абсолютно трезво оцениваешь обстановку, как будто сидишь не под пулями и осколками мин, а в кабинете. И никаких эмоций: спокойно и чётко принимаешь решения, как будто ничего тебе не мешает. До сих пор не пойму: то ли сказалось действие промедола, то ли большая потеря крови...

Когда меня привезли на базу, там уже стоял «под парами» вертолёт, винты крутились. В нём меня ждал полковник-медик. Наши фээсбэшники немного схитрили и сказали своему начальству, что подорвался офицер ФСБ. Именно поэтому мгновенно прислали и вертолёт, и аж целого полковника-медика.

Меня загрузили самого, закинули мой рюкзак. Полетели в аэропорт «Северный»... Было уже темно, и до госпиталя мы ехали долго, трудно и тяжело по каким-то буеракам. Застревали, буксовали... (Вновь назначенный командира 46-й бригады ВВ МВД запретил ездить напрямую через плац к госпиталю, и поэтому мы ехали вдоль высоких насыпей вокруг расположения 46-й бригады.) Действие промедола уже проходило, а следующую дозу не кололи, так как предстояла срочная операция. И ещё что-то — уже не помню что — мне объясняли девушка-медик и санитары.

Очень смутно помню, как меня занесли в реанимацию. Осталось в памяти, что лежу

на каталке и с меня срезают остатки маскировочного халата. Доктор определил у меня группу крови, сказал, чтобы я её запомнил. Тут пришли хирурги и говорят: «Пошевели пальцами на раненой руке и на оставшейся ноге...». Одна нога после взрыва оставалась на месте, но серьёзно пострадала от взрыва: на ней была сорвана коленная чашечка и перебиты нервные окончания. Поэтому пальцами ног я пошевелить не смог. А правая рука вообще вся почернела и не двигалась. Хирурги говорят: «Всё понятно...». Я тоже понял, что именно им понятно, попросил оставить хотя бы что-нибудь – или руку, или ногу. Успокоили: «Хорошо, хорошо...».

Дали наркоз... Но слышу я их разговоры между собой: они говорят, что наркоз меня не берёт. Со мной они всё время разговаривали: спрашивали, наркоман я или спортсмен. Ответил, что спортсмен. Мне добавили дозу и наконец-то вырубили...

Первый раз я очнулся, но даже глаз не мог открыть. Мне показалось, что я вроде и не дышу. Потом пришёл в себя уже окончательно и задышал. Почему-то запомнилось, что в окно било яркое солнце. Тут же стал вырывать трубки, которые засовывают в нос и в рот, чтобы человек не задохнулся, но сейчас они мне уже дышать мешали. Подбежал доктор и помог мне трубки эти вытащить.

И тут же передо мной в полный рост встал главный вопрос: что же будет теперь, как же я буду жить дальше? Мыслей разных было очень много... Но я с ними справился таким образом: обо всём остальном, я решил, подумаю потом. А сейчас главное – надо учиться

жить заново. И я стал этой мысли придерживаться: думать о том, что именно необходимо делать здесь и сейчас. Если бы не эта мысль (может, мне Господь её дал), то можно было бы отравиться, застрелиться, утопиться… Но я уже принял решение бороться.

К тому моменту я был крещёный, но маловерующий. В командировках постоянно носил на теле пояс «Живый в помощи» (шёлковый пояс, на котором размещён текст 90-го Псалма, который православные христиане часто читают в минуты опасности. – Ред.). Я не могу вспомнить, откуда у меня этот пояс, кто мне его дал. Но когда меня стали готовить к операции, докторов попросил: «Не снимайте его с меня, не срезайте!..». Сначала кто-то попытался возмущаться, но в конце концов пояс этот не тронули. И только через несколько месяцев я попытался этот пояс развязать. Получилось с большим трудом – он весь слипся от крови…

Как рассказал товарищ, который приехал ко мне в госпиталь, на следующий день после боя в соседнем селе Ялхой-Мокх была проведена зачистка. В селе нашли троих боевиков с какими-то непонятными удостоверениями. Они рассказали, что в том бою погибло восемь боевиков, в живых из одиннадцати человек осталось трое. Но более тщательно допросить пленных не удалось: как только ФСБ доложило о пленных своему начальству, на следующий же день приехали сотрудники местной грозненской прокуратуры и забрали бандитов.

Первое время в госпитале ушло на залечивание всех ран. А потом я стал учиться хо-

дить заново. Это было самое трудное. Когда я первый раз встал на протезы, то даже просто стоять на них мог сначала только несколько секунд, через какое-то время — несколько минут. Боль была такая, что до момента, когда я смог сделать первые шаги, прошла не одна неделя. Сейчас я хожу, не останавливаясь, уже сорок минут.

Во время службы я толком не умел водить машину, хотя права после училища получил. В училище мы ездили на «уралах» и «зилах», а до вождения «уазика» я не дошёл. Так что по-настоящему за руль машины я сел только после ранения. Ведь мне идти пешком до метро около тридцати минут. До метро, конечно, я дойду. Но дальше двигаться сил уже не останется. Поэтому машина для меня сейчас — жизненная необходимость. Во многом благодаря ей я сначала вернулся на службу в отряд спецназа «Русь», а после увольнения смог устроиться на другую работу.

В моей жизни произошло два главных события: после ранения я пришёл к Богу, и у меня родился сын, которому сейчас пять лет. Так что инвалидом я себя не считаю и вспоминаю о своих потерянных ногах и руке только тогда, когда вижу себя в зеркале…

БРОСОК НА ГОРИ

Работая над этой книгой, я встречался со многими участниками трагических событий августа 2008 года в Южной Осетии. Это и осетинские ополченцы, и бойцы армейского спецназа, и псковские десантники... Из бесед с ними стало ясно: мы победили потому, что были правы. Правы, что всё-таки пришли на помощь таким, казалось бы, далёким от нас осетинским женщинам и детям, которых грузинские войска безжалостно и методично уничтожали из установок залпового огня. Правы ещё и потому, что не простили грузинам гибели своих товарищей – бойцов российского миротворческого батальона.

Десантники 76-й дивизии ВДВ наголову разгромили и обратили в позорное бегство в разы превосходящего по численности противника, которого к этой войне хорошо подготовили и вооружили наши так называемые западные «партнёры»...

Герой России гвардии полковник Геннадий Владимирович Анашкин проходил срочную службу в Группе советских войск в Германии. В 1993 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, в 2003 году – Общевойсковую академию Вооружённых сил РФ.

Служил в 104-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии, в 31-й Гвардейской воздушно-десантной бригаде. С декабря 1999 по август 2000 года командовал парашютно-десантным батальоном в составе миротворческих сил в Республиках Босния и Герцеговина. Во время Первой и Второй чеченских военных кампаний неоднократно находился в командировках в Чеченской республике.

С июня 2007 года полковник Г.В. Анашкин – командир 104-го Гвардейского десантно-штурмового полка 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии (Псков). В начале августа 2008 года во время войны в Южной Осетии батальонно-тактическая группа полка под его командованием совершила дерзкий рейд в направлении города Гори. В результате этого рейда была захвачена господствующая высота с телевышкой и дезорганизован тыл грузинских войск, а также нарушено управление войсками противника.

Указом Президента РФ от 5 сентября 2008 года гвардии полковнику Анашкину Геннадию Владимировичу присвоено звание Героя Российской Федерации. Также он награждён орденом Мужества, орденом «За военные заслуги», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени с изображением мечей и медалью «За отвагу».

В настоящее время полковник Г.В. Анашкин продолжает службу в Российской армии.

Рассказывает Герой России полковник Геннадий Владимирович Анашкин:

– К 30 июля 2008 года личный состав полка вернулся с больших учений, проводимых в Северной Осетии. Техника возвращалась по железной дороге. Крайний состав с техникой прибыл к месту постоянной дислокации 6 августа.

В два часа ночи 8 августа меня вызвал командир дивизии и поставил задачу: в семь часов утра батальонно-тактическая группа нашего полка должна будет вылететь в Северную Осетию. Я назначен старшим группы. Но взлетели мы лишь в четыре часа дня, так как всё предыдущее время шло уточнение задачи.

После выгрузки на аэродроме Беслан в час ночи мы начали марш в сторону Рокского перевала – к туннелю, который соединяет Северную Осетию с Южной. Нам предстояло пройти примерно двести километров, из которых около половины – по равнине, оставшуюся часть пути – по предгорьям и горам. Из них участок километров шестьдесят-восемьдесят представлял собой вообще горный серпантин.

Преодолев Рокский туннель, утром 10 августа мы оказались в Джаве. Здесь располагался штаб группировки российских войск. Там нам уточнили задачу: блокировать противника в населённых пунктах вдоль юго-западной окраины Цхинвала.

Почти сразу мы начали марш в сторону Цхинвала. Шли по обходным высокогорным дорогам. Машины двигались на установленной дистанции, поэтому колонна растя-

нулась километров на пять. И тут же начались налёты грузинской авиации. Когда пара штурмовиков СУ-25 стала заходить на нашу колонну, расчёты ЗУ-23 (скорострельная спаренная зенитная установка калибра 23 мм. — Ред.) и ПЗРК мгновенно навели свои установки на самолёт, который шёл первым, и только ждали приказа. Рядом со мной на броне находился авианаводчик. Он запросил: «Чьи самолёты?». После ответа: «Не наши!» зенитчики мгновенно открыли огонь. В самолёты они не попали, но результатом этого было то, что грузинские штурмовики, уходя от огня наших зенитных установок, отбомбились по ущелью рядом с колонной.

После атаки грузинских штурмовиков продолжили движение к тем сёлам, где должны были произвести зачистку. Но в сёлах к тому времени грузинских военных уже не было. Они отошли.

Дальше, по плану, к ночи с десятого на одиннадцатое августа мы должны были выйти уже к административной границе с Грузией. Но тут поступил новый приказ: выйти на южную окраину Цхинвала.

В Цхинвал мы вошли утром одиннадцатого августа. Вокруг ещё слышалась стрельба. Было видно: только что здесь был бой, он просто отодвинулся подальше. Всё вокруг горело, дымилось... Сама дорога и обочины вдоль неё были забиты горящей грузинской техникой. Кругом — трупы убитых. Насколько я знаю, к тому времени к Цхинвалу уже подошли батальоны 693-го полка 58-й армии. Именно они вместе с нашими миротворцами

и осетинским ополчением вели уличные бои в самом городе.

Практически сразу мне была поставлена командованием новая задача: действовать в передовом отряде. В районе села Хетагурово мы должны были пересечь административную границу с Грузией, совершить бросок на расстояние около шестидесяти километров уже по территории Грузии и захватить установленный рубеж у северо-западной окраины города Гори.

Данных о противнике было очень мало, поэтому мы не знали, что и кто находится перед нами. Двигались в боевом порядке. На усиление нам были приданы два батальона: батальон специального назначения ополчения Южной Осетии и чеченский батальон армейского спецназа «Запад». Часов в двенадцать дня одиннадцатого августа наши три батальона начали движение в направлении Хетагурово.

Тут нас снова атаковала грузинская авиация. Для грузин этот налёт закончился менее удачно, чем предыдущий: с двух сторон нашей колонны мы выпустили одновременно две ракеты из ПЗРК. Один штурмовик был сбит, поэтому и на этот раз самолётам отработать по нашей колонне не удалось.

За три километра до Хетагурово (южная окраина его – это уже практически граница с Грузией) ко мне подъехал командир батальона «Запад» и сказал, что личный состав его батальона в бой идти отказался, и поэтому он как командир принял решение возвращаться в Джаву.

Теперь из трёх батальонов у нас осталось два. Не доезжая километра до Хетагурово,

ко мне подъехал южноосетинский генерал и попросил послать батальон осетин вперёд: «Мои ребята отомстят за своих отцов, матерей, порвут всех… Только пусть твоя разведка обнаруживает противника». Честно сказать, я испытал некоторое облегчение. Думаю: «Хорошо, что хоть этот батальон остался. Пойдут впереди, хотя бы прочистят всё перед нами». Ведь в осетинском ополчении взрослые мужики, в зрелом возрасте. Мои-то бойцы, хоть и контрактники, но по возрасту по сравнению с ними — пацанва.

Когда мы вышли на южную окраину Хетагурово, этот осетинский батальон специального назначения развернулся, укрылся за домами и открыл огонь в сторону границы с Грузией. Я спешился, подбежал к ним и спрашиваю: «Что вы делаете? Куда стреляете? Какая цель?». Они мне: «Мы видели танк». Я: «Ну и что, что танк! Нам надо выдвигаться и как можно быстрее идти вперёд». И тут их командиры сказали, что они дальше не пойдут. Причина такая: а вдруг грузины остались где-то на территории Южной Осетии? Поэтому им надо срочно идти туда прочёсывать близлежащую местность.

Ситуация складывалась критическая: впереди Грузия, и нет никаких точных данных о противнике. У меня осталось всего две роты десантников неполного состава, около двухсот человек на БМД-1 (их бойцы в шутку называют «алюминиевыми танками»). А вся наша огневая мощь — это артиллерийская батарея из четырёх самоходных орудий «нона» да три БТРа, на которых установлены зенитки ЗУ-23. Но приказ командования,

несмотря ни на что, надо было выполнять. Буквально в течение нескольких секунд мы переговорили с комбатом, и я отдаю приказ: «Продолжаем движение!». Потом, уже когда всё закончилось, мы с невесёлой иронией говорили, что билеты у нас в тот момент были только в один конец.

Первым пошёл наш батальонный разведвзвод, дальше двинулись остальные. Как только мы перешли административную границу Южной Осетии и Грузии, которая проходит по каналу, с правой стороны нас стали обстреливать. Наша колонна продолжила движение. Всё произошло мгновенно, и было непонятно: была ли это артиллерия, или это действительно стреляли танки. Разрывы снарядов ложились прямо рядом с колонной. Противника мы не видели, но по разлёту комьев земли можно было приблизительно определить, откуда стреляют. Я сразу дал команду развернуть наши зенитные установки направо и открыть ответный огонь в ту сторону. Справа от нас было поле сухой травы и высохшие деревья. Снаряды ЗУ-23 мгновенно это поле подожгли. Всё вокруг заволокло дымом. Стрельба по нам почти сразу прекратилась. Скорее всего, за дымом противник нас потерял. Благодаря этому батальон молниеносно проскочил этот опасный участок.

Мы продолжили движение вдоль русла реки в сторону Гори и вскоре вышли к населённому пункту Вариани. К этому моменту нами было пройдено уже километров сорок-сорок пять из тех шестидесяти, которые нам надо было преодолеть до Гори.

Конечно, здесь нас никто не ждал. Люди собирали персики на своих огородах, по которым на полной скорости летела наша колонна. Увидев российских десантников, народ обомлел и, преодолев первый шок, очень быстро разбежался в разные стороны. Видно было, как легковые машины на огромных скоростях тоже мчатся куда глаза глядят. Ещё в самом начале я дал команду: «Ни в коем случае не открывать огонь по местному населению. Стрелять только тогда, когда стреляют в нас».

И тут комбат мне докладывает: наш разведвзвод справа от себя наблюдает военную базу противника с большим количеством техники и личного состава. Спрашиваю разведчиков: «На каком расстоянии от базы вы находитесь?». Их ответ меня просто ошеломил: «Сорок-пятьдесят метров...». Оказалось, что они двигались вдоль железнодорожной насыпи, заросшей вокруг кустарником. Когда они приостановились, чтобы уточнить место, повернули голову направо — а там огромная военная база!.. По ней грузинские военные гуляют, грузы грузят-разгружают, кругом солдаты и море техники... В первый момент грузины нас ещё не засекли. Но когда наша колонна начала разворачиваться в сторону базы, то нас заметили и сразу открыли по нам огонь. Начался бой...

Минут через двадцать после начала боя мой штабной БТР переезжал дорогу. И тут слева прямо на нас вылетела колонна джипов, на которых были установлены ПТУРы (противотанковые управляемые ракеты. — Ред.). Конечно, как командир в пер-

вую очередь я должен был управлять боем. Но расстояние до противника было всего метров сто-двести, так что тут мне и самому пришлось пострелять из автомата. С офицерами и солдатами нашей штабной машины мы первый джип с ходу сожгли, остальные джипы дожгли те бойцы, которые шли за нами.

Как потом выяснилось, база в Вариани была создана для тылового обеспечения передовых частей грузинских войск, наступавших на Южную Осетию. На этой базе скопилось огромное количество техники, оружия, боеприпасов, продовольствия, снаряжения... На самой базе бой мы вели час-два. За это время всё, что там находилось, мы полностью уничтожили. После нас база ещё горела дня два...

Тут надо сказать, что ещё до окончания боя на базе возникла критическая ситуация с нашими десантниками, оставшимися позади нас километрах в пяти. Дело в том, что одна наша машина отстала — вышел из строя двигатель. Вслед за нашей колонной шла машина техзамыкания. Ну как это они могут что-то бросить? Нет, они обязательно всё притащат с собой. Вот они и подцепили сломавшуюся БМД и потащили. С ними шла одна БМД-1 прикрытия. Остановились на перекрёстке — и тут прямо на них вылетает колонна джипов и грузовых машин!.. В них — до батальона грузин, человек около двухсот. А наших-то всего — два офицера и семь солдат. Плюс к этому одна БМД-1 на ходу, другая — сломанная.

Первым колонну увидел наводчик-оператор. С криком: «Грузины!» он запрыгнул на броню БМД и из «мухи» (одноразовый руч-

ной гранатомёт РПГ-18. — Ред.) подбил первый джип. Потом прыгнул в башню на своё штатное место и в течение двух минут сжёг ещё пять машин. Остальные бойцы за это время развернулись и приняли бой. Силы были, конечно, неравные: девять против двухсот. Минут через сорок командир взвода вышел со мной на связь и доложил, что у них заканчиваются боеприпасы, а грузины уже начали обходить их с флангов.

Вслед за нами шёл 693-й полк мотострелковый полк из 58-й армии. Их командир, полковник Казаченко, был моим однокашником по академии и раньше служил в десантных войсках. Кстати, их, возможно, обстреляла та же самая батарея, которая стреляла и по нам. Подбили у них танк и БМП, появились погибшие и раненые.

Когда мы ещё только начинали свой бросок вперёд, я полковнику Казаченко сказал: «Родной, только не бросай меня далеко впереди себя!». Выхожу на него по рации: «Сам нашим помочь не могу, связан боем! Спаси моих ребят, иначе им точно конец!..». И он берёт танковую роту, мотострелковую роту, с ними отрывается от своего полка и идёт на выручку нашим. Когда они подлетели к месту боя, то его танки сделали всего один залп. Этого оказалось достаточно, чтобы оставшиеся к тому моменту в живых грузины просто разбежались. В этом бою грузины только убитыми потеряли более пятидесяти человек, почти вся техника у них была сожжена. А у наших девяти десантников — ни одной царапины... Иначе как чудом это назвать невозможно.

На базе мы подсчитали свои потери: четыре человека ранены. Было очевидно, что ночью по чужой территории продвигаться вперёд нельзя. К тому времени к нам уже подошёл танковый батальон 693-го полка. Мы с полковником Казаченко приняли решение занять круговую оборону. По логике ведения боевых действий, грузины должны были нанести по нам ответный удар. Ну а если бы на нас пошли танки, то ясно, что они нас просто-напросто раздавили бы. Ведь находились-то мы на ровном месте!

Никого не надо было подгонять. Подхожу к окопу: солдат зарывается в землю в полный профиль. У него на бруствере лежит «муха», РПГ-7 (ручной противотанковый гранатомёт. – Ред.), стоит АГС-30 (автоматический гранатомёт станковый калибра 30 мм. – Ред.), автомат, снайперская винтовка, куча гранат, сухпайки... Набрал солдат всего, чего только мог взять, и готов вести бой вечно!.. Говорит: «Командир, не беспокойся. Через меня никто не пройдёт!..».

Ночью нам снова пришлось повоевать. Как мы и предполагали, разрозненные группы противника предприняли несколько попыток прорваться. Тогда у нас двоих солдат ранило легко, а у одного солдата ранение было очень тяжёлое. Позднее в госпитале он скончался от потери крови. Однако массированной атаки грузины почему-то так и не предприняли.

Утром нам уточнили задачу: выйти на господствующие высоты на окраине Гори и захватить телецентр. Одну нашу роту мы усилили танковым взводом. Командовал этой группой командир батальона гвардии майор

Олег Грицаев. Они совершили бросок к телецентру, но не по шоссе (десантники вообще не любят двигаться по дорогам), а через гору. Телецентр — огромная вышка с телевизионными ретрансляторами и ретрансляторами мобильной связи — на склоне этой горы как раз и стоит.

Наши подошли к телецентру, посмотрели вниз и видят: стоит грузинская противотанковая батарея. Солдаты спокойно уничтожают сухпайки, никого из наших не видят. Как раз в это время мой начальник артиллерии начинает наши «ноны» (2С9 «Нона-С», самоходная артиллерийская установка. — Ред.) куда-то наводить. Спрашиваю: «Какая цель? Куда стрелять собираемся?». Отвечает: «Комбат запросил». Залп!.. Попадание — как в копейку. Наши сверху уничтожение батареи только завершили. А когда я к ним подъехал, то они трофейные пушки уже на свои позиции поставили, снаряды приготовили. Тут же мы вывели из строя телецентр. Как следствие этого в этом районе перестали работать телевидение и сотовая связь.

Осмотрелись: под нами на расстоянии полутора километров — город Гори. Но тут по радио передали, что Президент России объявил об окончании боевых действий. Так что и наша война на этом закончилась. Появилось немного времени, чтобы осмыслить то, что произошло за эти два дня. И в первый, и во второй день мы взяли много пленных. От них мы узнали, что у грузин прошла такая информация: две российские десантные дивизии перешли в наступление, сжигают и уничтожают всё на своём пути. Именно по-

этому в Гори никого из военных и властей не осталось. Грузины бросили технику, побросали оружие и разбежались.

Я считаю, что главным фактором нашей победы была внезапность наших действий. Грузины никак не ожидали, что мы вообще перейдём границу и пойдём вперёд. Эта дерзость у них вызвала просто шок. И когда уже через пару часов после перехода границы наша батальонная группа на расстоянии около пятидесяти километров в глубине их территории разгромила базу в Вариани, то это их совершенно добило. И в себя они так и не пришли.

Плюс ко всему наши контрактники отработали на сто пятьдесят процентов. Один выстрел со стороны противника вызывал с нашей стороны море огня из всех видов оружия. Поэтому любая попытка огневого воздействия на нас заканчивалась практически мгновенным уничтожением этой огневой точки. Времени у грузин, чтобы опомниться и принять какое-то решение, не было никакого. Командиры, которые находились на месте ведения боя, были либо уничтожены, либо деморализованы. А старшие командиры, наверное, ничего не могли понять. Ведь плотность нашего огня и особенно те непрекращающиеся взрывы на базе в Вариани действительно могли создать впечатление, что наступают две полноценные десантные дивизии.

Я не могу сказать, что противник сопротивлялся нам хаотично и беспорядочно. Ведь когда начался бой у базы, туда почти сразу были брошены грузинские резервы. Их ко-

мандование в первую очередь бросало в бой те подразделения, которые были рядом. Они подходили с одной стороны, с другой... Но эти резервы были нами перемолоты молниеносно, в первый же момент, на марше. А что делать дальше, грузинские командиры, судя по всему, не знали. И это всё на фоне того, что боеприпасов, оружия, техники в этом районе было собрано просто невероятное количество!.. Это стало понятно, когда мы подсчитали свои трофеи.

Чисто психологически мне стало немного легче, когда к нам подошёл батальон Ивановской десантной дивизии. Впереди батальона ехал наш комдив, «батя», как мы его называем. С ним был заместитель командующего ВДВ генерал-майор Вячеслав Николаевич Борисов. Потом подошли ещё войска. Это была уже реальная сила.

Но никогда не забуду я тот самый страшный момент, когда лично мне надо было принимать решение: переходить границу и идти в бой. Ведь из трёх батальонов к тому моменту у меня остался только один, а задача оставалась прежней. Хотя ещё когда эту задачу мне только ставили, было понятно, насколько сложно будет нам её выполнить. И в то время, когда мы с единственным батальоном в двести с небольшим человек на двадцати машинах перешли границу Грузии, нам оставалось только молиться. И я абсолютно уверен, что задачу, да ещё и с минимальными потерями, мы выполнили только потому, что с нами был Бог.

ЗАСАДА

Вместе с колонной спецназа заместитель председателя Отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами Санкт-Петербургской епархии РПЦ иерей Димитрий Василенков попал в Чечне в засаду. Связи нет, вокруг рвутся гранаты и свистят пули. Неизвестно, сколько здесь боевиков и когда придёт помощь... А чем священник может помочь бойцам, ведущим бой, если он, по каноническим церковным правилам, не может стрелять?..

Но оказалось, что он может значительно больше, чем просто снаряжать магазины патронами и перевязывать раненых. Он может благословить бойцов и молить Бога о помощи! В итоге нападение было отбито, боевики ушли. О бое под селом Элистанжи 29 июня 2009 года священник Димитрий Василенков рассказывает от первого лица.

Иерей Дмитрий Владимирович Василенков рукоположен в священника в 2004 году. В 2006 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. С 2005 года – заместитель председателя Отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями Санкт-Петербургской епархии.

С 2006 года по поручению Синодального отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями несёт послушание по духовному окормлению отрядов спецназа и подразделений разведки различных силовых структур, непосредственно участвующих в контртеррористических операциях на Северном Кавказе. В 2008 году во время войны в Южной Осетии духовно окормлял воинские подразделения, участвовавшие в операции по принуждению Грузии к миру.

С 2006 по 2011 годы совершил 14 командировок на Северный Кавказ. Крестил более 800 военнослужащих и сотрудников различных силовых структур. 29 июня 2009 года во время одной из командировок был ранен. Награждён орденом Мужества и другими ведомственными и общественными наградами.

В настоящее время является руководителем строящегося Покровского храмового комплекса духовно-патриотического воспитания молодёжи в Санкт-Петербурге и настоятелем храма Преображения Господня при Северо-Западном командовании ВВ МВД РФ, а также председателем координационного совета военно-патриотических и спортивных клубов Санкт-Петербурга и Ленинградской области при Военном отделе Санкт-Петербургской епархии.

Рассказывает священник Димитрий Василенков:

— Летом 2009 года я, по послушанию Синодального отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями, поехал в обычную плановую командировку в Чечню. Обычно мы ездим на Кавказ два раза в год: осенью-зимой и весной-летом. Со мной был мой хороший друг и добровольный телохранитель — сотрудник военного отдела Санкт-Петербургской епархии Александр Назаров.

Прилетели мы в Ханкалу 25 июня 2009 года. Разместились в одном из отрядов армейского спецназа, который тогда ещё стоял в Ханкале. Там встретили много старых знакомых. От них я узнал, что оперативная обстановка в Чечне сложная и имеет тенденцию к ухудшению. Для меня начались суровые священнические будни: прежде всего это многочасовые беседы с солдатами и офицерами.

Почти сразу мы побывали в Грозном. Выглядел он вполне презентабельно: практически не было разрушенных домов, здания или отстроены заново, или зашиты по фасадам.

План работы в войсках у нас был намечен заранее. Как обычно, мы согласовали его с командованием Группировки. В этом плане указано, когда и куда мы едем, кто отвечает за транспорт, кто — за охрану. Нам нужно было посетить несколько подразделений в Веденском районе. Первая дальняя поездка была в посёлок Элистанжи.

Как раз в это время из Элистанжи в Ханкалу прибыла небольшая колонна (бронирo-

ванные «уазик» и «газель») из отряда спецназа Внутренних войск «Меркурий». Мы как раз сидели у разведчиков Группировки, когда вошёл командир «Меркурия» и с ним майор Руслан Горбунов. Командир отряда остался в Ханкале по каким-то своим делам, а Руслан повёл колонну обратно. Вообще я не большой любитель передвигаться по Чечне в составе колонн. Намного удобней ездить с оперативниками ФСБ: в легковой машине всегда проскочить легче, чем греметь бронёй. Но тут образовалась оказия, и нас отправили обратно в Элистанжи с этой колонной.

Накануне поездки в воскресенье 28 июня мы с отцом Аркадием (Мамаем), настоятелем храма святого благоверного князя Димитрия Донского в Ханкале, отслужили литургию и молебен, причастились святых Христовых Тайн.

На следующий день перед выездом мы с Сашей помолились, я благословил дорогу. До места ехать надо часа два. Мы с Сашей сели в «газель», старшим нашей машины был молодой старший лейтенант Юрий Мигурский. Впереди в «уазике» разместился майор с двумя солдатами. Всего в двух машинах нас было девять человек.

Когда мы тронулись в путь, я завёл с солдатами разговор. Это были молодые контрактники лет по двадцать, почти мальчишки. Как раз мы проехали село, в котором на улицах не было ни души. Я помню, что, по рассказам людей бывалых, это очень нехороший признак: если на улицах никого нет и село словно вымерло, то дальше могут начаться неприятности. Ребята восприняли мои слова

совершенно серьёзно: после пустого села все стали смотреть по сторонам внимательней.

До этой поездки у меня у самого было тревожное настроение. Но обычно перед каждой поездкой в нехорошее место в душе почти всегда поднималась тревога, которую я не раз преодолевал. Поэтому и в этот раз я отнёсся к этому как к чему-то привычному. Ехать-то всё равно надо…

После долгого и нудного петляния по предгорьям и горам мы выехали на прямой участок дороги со стороны ручья (Элистанжи). Дорога там гравийная, и камни постоянно стучат по днищу машины: дынь-дынь-дынь… И вдруг я обратил внимание, что они стали стучать почему-то со всех сторон и очень быстро, как будто посыпался горох. А когда полетели искры, стало ясно, что по нам стреляют и не просто стреляют, а попадают…

По инструкции, при начале обстрела надо увеличивать скорость и продолжать движение. Но наша «газель» вильнула и остановилась у обочины. Только через несколько минут стало ясно, почему: наш водитель объехал подбитый «уазик» и тормознул на обочине метрах в двадцати от него. Тем самым он пресёк возможность превратить обе машины в одну мишень. Мгновенно мы все высыпались из машины и прыгнули в кювет. Я сразу стал молиться: «Господи, помоги! Укрепи ребят! Святой княже Александр Невский, помоги! Пресвятая Богородица, защити!».

Огляделись: оказалось, что «уазик» выведен из строя, он ехать не может. И тут можно с уверенностью говорить о чуде Божием:

боевики сделали по «уазику» и «газели» три выстрела из гранатомёта (потом эти три пустые тубуса от гранатомётов РПГ-26 нашли в кустах), но все три гранаты, хотя боевики стреляли с пятидесяти метров, прошли мимо!.. Если бы эти гранаты попали точно в «уазик» или «газель», то в живых там бы вряд ли кто-то остался.

Но после такой военной удачи почти сразу произошла и трагедия: я увидел на простреливаемом пространстве между «газелью» и «уазиком» лежащего на спине майора Руслана Горбунова с пистолетом в руке. По тому, как он лежал, было ясно, что он либо очень тяжело ранен, либо убит. (Упал он посредине дороги, где так до конца боя и пролежал на открытом месте. Вытащить его возможности не было никакой: место на дороге, где он упал, простреливалось. Ранения у Руслана оказались тяжёлые: он был смертельно ранен в спину и ещё и в левое плечо. А он был без бронежилета… В госпитале врачи увидели у него на спине маленькое входное отверстие, которое на груди превратилось уже в большую рану. Он почти сразу после прибытия в госпиталь и скончался. Руслан погиб как герой: в бою с оружием в руках.)

Когда мы выкатились из машины в кювет, мне запомнилось внутреннее ощущение нереальности происходящего. Свистят пули, с резким звуком попадают в борта «газели»… Но страха почему-то у меня не было. Я ещё успел в самом начале бойцам сказать: «Ребята, Господь с нами! Надо отбиваться». И я, думаю, Господь нас укрепил. Стрелять почти мгновенно начали абсолютно все. При-

чём цель они видели. Ведь до боевиков было всего метров восемьдесят. И ещё мы «духов» хорошо слышали — они очень громко орали: «Аллах акбар!».

Я со своего мобильного телефона звоню в штаб Группировки и сообщаю: «Мы попали в засаду, ведём бой!». Обрисовал им обстановку, как её видел из канавы. Через пару минут мне перезвонили и что-то уточнили. В Группировке вовсю шла работа по оказанию нам помощи.

Потом бойцы долго вспоминали, что с самого начал боя я запрещал им ругаться матом. Причём костерил я их за это очень громко и непрерывно: «Не материтесь, не попадёте никуда!». Мне как священнику стрелять нельзя. Поэтому я собрал пустые магазины и набивал их патронами.

Тут и Саша Назаров вспомнил свою десантную молодость (он срочную службу служил в Гарболовской бригаде ВДВ). Надел чью-то каску, выскочил с «мухой» на открытое простреливаемое пространство и выстрелил в сторону леса, откуда по нам вели огонь. И почти сразу оттуда прилетела граната от подствольника. Слева от меня взрыв!.. Оборачиваюсь — у солдатика рядом со мной всё лицо в крови! А у себя на плече вижу дырку, кровь течёт. Пошевелил пальцами — рука вроде нормально работает. Саша Назаров с бойцами перевязал раненого в лицо и меня заодно, несмотря на мои протесты. Я в горячке почему-то решил, что у меня на плече просто царапина.

Я продолжаю набивать патроны и раздавать их ребятам. И тут заметил, что чаще всего мне

приходится снаряжать магазины для снайперской винтовки ВСС. Смотрю: а парнишка из этой винтовки бьёт очередями магазин за магазином... Я ему: «Ты чего из винтовки, как из пулемёта строчишь? Ты же снайпер! Чему тебя учили?!. Ищи цель!». Прочитал ему такую лекцию короткую. Парень успокоился и начал стрелять уже осознанно.

С тыла нас прикрывал небольшой пригорок. Но стрельбы с этого направления мы не замечали. Особенно меня почему-то беспокоила возможность обхода. Мне казалось, что нас могут обойти сбоку. Я крикнул: «Ребята, смотрите, чтобы нас не обошли с флангов!».

Я думаю, что план у боевиков был такой: тремя выстрелами из гранатомётов они останавливают машины, а выстрелом снайпера из крупнокалиберной винтовки убивают командира. (Входное отверстие от пули калибра 12,7 мм на обшивке газели было как раз напротив командирского места, где сидел я. Мне повезло: эта пуля оставила в металле брони «газели» глубокую выемку и дала трещины с внутренней стороны. Стрелял снайпер, как потом показало расследование, примерно метров с восьмисот). После этого боевики обстреливают подбитые машины и идут добивать оставшихся.

Но, во-первых, гранаты пролетели мимо. Пуля калибра 12,7 броню газели не пробила. В результате практически все успели выскочить из машин, заняли оборону и открыли ответный огонь. Идти по открытому месту к машинам боевиками смысла уже не было, они же не самоубийцы, чтобы идти в атаку по открытой местности при такой плотно-

сти ответного огня. Короче говоря, засада у бандитов не удалась. А в завязавшейся перестрелке шансы у нас уравнялись.

Бой шёл где-то около получаса, пока не подошла бронегруппа из Элистанжи. Но боевики начали воевать уже с бронегруппой, один офицер даже был ранен. Но тут силы были точно неравные (крупнокалиберные пулемёты БТРов — это не шутка). И буквально через несколько минут огонь из кустов прекратился, боевики отошли. Через некоторое время появилась местная чеченская милиция.

Почти все ранения бойцы получили в первые минуты боя. В самом начале боя двое солдат и я были ранены относительно легко, только майор Горбунов — очень тяжело, практически смертельно. Раненых быстро загрузили в БТРы и на бешеной скорости повезли в Ведено, в госпиталь. И уже в госпитале Руслан Горбунов при мне умер прямо на операционном столе…

Раненых солдат и меня с ними «вертушками» из Ведено перебросили в госпиталь в аэропорт Северный под Грозным. Мою рану на плече врачи осмотрели уже внимательно — кость оказалась не задета. Рану обработали, перевязали. Командировку мне прерывать очень не хотелось. Спрашиваю докторов: «А можно без госпитализации?». Отвечают: «В принципе можно… Надо только регулярные перевязки делать». Услышав это, я из госпиталя и уехал: позвонил в Ханкалу разведчикам и за мной прислали машину.

А после этого ещё три недели я с Сашей ездил по подразделениям. За это время крестил тридцать солдат и офицеров.

Хотя в каждом подразделении, где мы бывали, местные медики рану мне обрабатывали и перевязывали, нельзя сказать, чтобы она заживала у меня быстро. Ведь мы постоянно ездили по грязи. Но я нисколько не жалею, что отказался ложиться в госпиталь. В результате мы полностью выполнили всё, что намечали, и сделали то, что должны были сделать. И это главное.

Трудно утверждать точно, но я думаю, что боевики охотились именно за этими двумя машинами. Во-первых, они видели, как утром «уазик» и «газель» уехали из расположения отряда. Значит, они должны были возвращаться. Возможно, у них была информация, что в одной машине уехал командир отряда, который должен был вернуться. Может, что-то они узнали про нашу с Сашей поездку…

Потом мне рассказали о результатах расследования. В засаде было около пятнадцати боевиков в одном месте и человек шесть-семь в другом. Снайпер стрелял сверху из крупнокалиберной винтовки калибра 12,7 мм с расстояния метров семьсот-восемьсот. О потерях боевиков точно ничего не известно, на месте самой засады следов крови не нашли. Но зато на пути отхода боевиков были обнаружены фрагменты окровавленного обмундирования. Но в этот же день в Элистанжи, по странному стечению обстоятельств, как отметили оперативники, похоронили двух молодых парней, якобы разбившихся на машине…

По опыту не всегда подобные засады заканчивались так, как у нас. После нас подразделение местной милиции попало в при-

мерно такую же ситуацию. Граната влетела внутрь машины и разорвалась. В результате уже в первые минуты боя погибли восемь человек. Но мы помолились перед выездом, молились и во время боя. Поэтому всё пошло совсем по-другому: у боевиков не получилась ни одна задумка. Это и есть проявление Божиего благословения на то дело, которое мы делаем.

Я сам видел, как достойно в бою повели себя наши молодые солдаты и офицеры. Не было ни одного, кто бы не справился с собой, растерялся или струсил. Воевали все до единого. И это при том, что для всех это был первый бой.

Лично я считаю, что мы одержали главную моральную победу над врагами тем, что им не удалось сорвать наши планы. Через два дня на вертушке я прилетел в расположение отряда спецназа «Меркурий» в Элистанжи, куда мы и ехали 29 июня. Саша Назаров дожидался меня там. И вот что интересно: Саша мне рассказал, что почти сразу после боя все иконки и крестики православные, которые у него были с собой, бойцы разобрали буквально за считанные минуты. А я, когда прилетел, покрестил человек восемь. То есть остановить нас и не дать сделать то, что мы должны были сделать, врагу не удалось. И это главный итог.

Во время самого боя я, как это ни странно звучит, ощутил состояние мира в душе. Не было никакого борения, никаких терзаний душевных, а присутствовала уверенность, что с Божией помощью мы обязательно отобьёмся. И ещё у меня было твёрдое ощуще-

ние, что я делаю именно то, что я обязательно должен сделать. Все мы должны пойти за Христом и жить по правде Христовой. И если мы будем жить именно так, то сколько бы врагов против нас ни ополчились, и как бы сильны они ни были, мы обязательно выстоим. Выстоим потому, что не в силе Бог, а в правде.

Солдатам и офицерам, воевавшим в Афганистане и на Кавказе, посвящается...

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО

ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА
НИКОЛАЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ
КУЗНЕЦОВ
УКАЗ

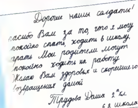

21 февраля 2000 года в Чечне,

в неравном бою
под селом Харсеной,
погибли двадцать пять
воинов-разведчиков
армейского спецназа.
Вечная память павшим героям!

ОКУНЕВ
Дмитрий
Васильевич
Младший сержант
КОСТЮКОВ
Алексей
Анатольевич
Рядовой к.с.
НАУХАЦКИЙ
лександр
Александрович
Рядовой к.с.
ПРОКОФЬЕВ
Алексей Юрьевич
Ефрейтор к.с.
ЕГОРОВ
Владимир Олегович
Сержант к.с.
РАССАДИН
Игорь
Владимирович
Рядовой к.с.
ТУМАШЕВ
Олег Валерьевич
Рядовой к.с.
ЕМЕНОВ
Игорь Вячеславович
Рядовой к.с.
АЛЕКСЕЕВ
Геннадий Ильич
Сержант к.с.
ГОРБАТОВ
Алексей Владимирович
Рядовой к.с.
БОЕЧКО
Евгений
Михайлович
Рядовой к.с.
КОЗЛОВ
Владимир
Александрович
Старший сержант к.с.

Дорогие наши солдаты!

...пасибо Вам за то, что я могу спокойно спать, ходить в школу, играть. Мои родители могут спокойно ходить на работу. Желаю Вам здоровья и скорейшего возвращения домой

Трудова Даша 2ª кл.
6 я школа

Воюйте как тигры!

Дорогие солдаты!
Меня зовут Вероника. Я учусь в 1 „д" классе. Я не люблю войну. Я хочу мира. Вовращайтесь скорее домой.

- 117 -

Дорогие защитники отечества здра...те! Меня зовут Таня учусь я в 6 кл.

Я вам нарисовала цветы потому, что мальчишки любят рисовать танки, само... артелерийские орудия. Когда вы были т... как я сейчас вы может быть рисовали самолеты, танки. Тогда вы не думали, ч... попадете на войну вашим спутником станет автомат, засыпать вы будите под грохат орудий, а может сами будите водит танк или самолёт.
А мне бы хотелось чтобы как можно скорей закончилась война. На Чеченскую землю пришел мир и у всех солдат вместо автомата оказались эти цветы которые я нарисовала. Чтобы вы их подарили девушкам, любимым женам, мамам или если есть своим дочерям.
Помните, что вас ждут и любят ваши родные и близкие!

- 118 -

ПОСТРОИМ ВСЕМ МИРОМ!

Покровский комплекс

духовно-патриотического воспитания молодёжи

Реквизиты для финансовой поддержки строительства Покровского комплекса:

Для физических лиц:
номер карты СБЕРБАНКа 4276550013963585

Для юридических лиц:
Православная местная религиозная организация
Приход храма Покрова Пресвятой Богородицы
ИНН 7811291160
КПП 781101001
Р/с 40703810955130000107 в Северо-Западном банке ОАЛ «Сбербанк России»,
доп. офис №9055/1829
Кор./с 30101810500000000653
БИК 044030653

Адрес: Санкт-Петербург, ул. Ворошилова 9
Телефон: (812) 407-77-42
Интернет: www.Pokrov-Komplex.ru
Электронная почта: Info@Pokrov-Komplex.ru

ПРОШУ ОКАЗАТЬ ПОДДЕРЖКУ!

Комплекс включает в себя два храма (малый храм в честь Августовской иконы Пресвятой Богородицы и большой храм в честь Покрова Божией Матери), а также музей, выставочный зал и комплекс зданий с учебными классами и спортивным залом.

В рамках комплекса будет создано детское военно-историческое общество и цент исторической реконструкции. Отличительно особенностью общества будет то, что руководить его работой будут сами дети. Музей будет рассказывать о промысле Божией в судьбах нашего Отечества.

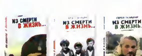
Уже три года подряд в Санкт-Петербурге проводится молодежный военно-исторический форум «Александровский стяг». Участниками форума в общей сложности стали более пятисот подростков – воспитанников военно-патриотических клубов, приходских и общеобразовательных школ из двадцати регионов России. До сих пор мероприятия «Александровского стяга» проводятся на различных площадках. Создание Покровского комплекса позволит продолжить эту работу на более высоком качественном уровне.

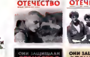
Создание комплекса особенно актуально именно сегодня, когда на всех уровнях нашего государства начинается формирование национальной идеи как принципа, на основании которого строится вся национальная политика, как внутренняя, так и внешняя. Целью реализации национальной идеи должно стать сохранение целостности и укрепление нашего многонационального государства. Реализация национальной идеи возможна только при условии последовательного формировании у подрастающего поколения устойчивого чувства патриотизма – любви к своей Родине и готовности при необходимости защищать своё Отечество с оружием в руках.

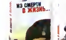
Покровский комплекс создается приходом храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы при поддержке ветеранской организации «Боевое братство» и других общественных организаций и благотворителей. Нам очень необходима ваша финансовая поддержка!

Протоиерей Димитрий Василенков,
Руководитель Покровского храмового комплекса

ПРОШУ ПОДДЕРЖАТЬ РАЗВИТИЕ ПРОЕКТА!

Мы хорошо знаем имена героев Великой Отечественной, а вот имена солдат и офицеров, которые уже в наши дни встали на защиту Отечества в очень сложное для страны время, практически неизвестны. Наши усилия направлены на то, чтобы исправить эту несправедливость.

В рамках проекта «ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО» православное издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ» собирает свидетельства участников афганской и кавказских военных кампаний, а также документальные фото и видео материалы. Эта работа является зримым выражением нашей глубокой благодарности советским и российским солдатам и офицерам, с честью выполнившим свой воинский долг в Афганистане и на Кавказе.

На основе собранных материалов издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ» выпустило восемь фотоальбомов об участниках войны в Афганистане и кавказских военных кампаний. Затем вышли три части книги «Из смерти в жизнь...», в которых собраны достоверные свидетельства помощи Божией нашим воинам. 25 января 2014 года в Санкт-Петербурге открыт музей «ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО», основанный на материалах фотоальбомов и книг.

В настоящее время издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ» готовит к выпуску следующие издания серии «ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО». Вы можете поддержать развитие проекта, перечислив деньги удобным для вас способом по реквизитам, указанным ниже. Нам очень нужна ваша финансовая поддержка!

Сергей Галицкий,
автор проекта
«ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО»

СБЕРБАНК Перевод на банковскую карту СБЕРБАНКа 4276550012405059
Перевод на счет в СБЕРБАНКе:
Получатель: Галицкий Сергей Геннадьевич; номер счета: 42307810955075006330
Банк получателя: СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК ОАО «СБЕРБАНК»
Доп. офис №9055/0764; Кор. счет. 30101810500000000653; БИК: 044030653

WebMoney R31087238470 Яndex деньги 41001176289996

PayPal spbgrad@inbox.ru

Для юридических лиц платеж по безналичному расчету: Получатель ООО «ПИРС»
Р/с 40702810122020000532 в Филиале «С-Петербургская дирекция ОАО «УралСиб»
в г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ; К/с 30101810800000000706, БИК 044030706
Назначение платежа «За услуги»

Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ» Тел.: (812) 340-00-16, факс 340-55-73
Интернет: они-защищали-отечество.рф
Блог: Blog.ZaOtechestvo.ru

3 000

Афганскую военную кампанию тогда ещё советская страна вроде бы не проиграла, но и не выиграла.

Одно бесспорно – наши солдаты и офицеры вошли в Афганистан, доблестно сражались и вышли, выполняя приказ.

О смысле чеченской военной кампании многие не знали, некоторые его не понимали, другие не хотели ни знать, ни понимать.

Но эта война была.
И мы в ней победили!
Победили потому, что с нами был Бог.

